

UK.COM/FALLEN_TOO_FAR

СИ БРИЗ
встречается с
РОЗМАРИ
БИЧ

КАК
Память
ЭББИ
ГЛАЙНС

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ №1 ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

Одно воспоминание.

Одно особенное лето.

Единственное, что Блисс Йорк не потеряла, когда страх и болезнь поглотили её, это моменты, которые никогда не омрачались суровой реальностью... до недавних пор.

У Блисс Йорк не было нормальной подростковой жизни. Она не ходила на пятничные футбольные матчи, не бродила каждый день по школьным коридорам со своими друзьями, не была на выпускном вечере, не говоря уже о том, что её даже не было на вручении диплома об окончании школы. Ей было пятнадцать, и всё это прошло мимо неё, когда ей поставили диагноз, который никто не захотел бы услышать.

У неё была лейкемия.

Через семь лет после лета, проведённого с девушкой, которая, насколько он знает, всегда будет его первой любовью и которая бросила его, Нейт Финли возвращается в Си Бриз, чтобы помочь своей невесте открыть магазин модной одежды. Когда новый сотрудник входит в магазин, Нейт возвращается на семь лет назад, к воспоминаниям о девушке, которую, он думал, будет любить вечно. Которая не отвечала на его телефонные звонки или сообщения. Которая полностью отгородилась от него, не попрощавшись и разбив ему сердце.

Они изменились. Тех подростков, в чьих глазах отражались звёзды, больше нет. Но это не имеет значения, когда твоё сердце всё ещё твердит: «Единственная».

Эта книга — художественное произведение. Имена, персонажи, места и ситуации являются плодом авторской фантазии. Любое сходство с реальными людьми, живущими или умершими, событиями или названиями городов является случайным.

Автор: Эбби Глайнс

Книга: Как память

Серия: Си Бриз встречается с Розмари Бич — 1

Жанр: New Adult

Перевод: Нодира Азимова

Редактура: chat_reve

Вычитка: Марина Захаревич

Эбби Глайнс

Как память

*Посвящается Эмерсон Пирс Салливан.
Я не знала, что моему сердцу недостаёт кусочка, пока не взяла
тебя на руки.*

ОТ АВТОРА

Когда я закончила серию «Си Бриз», я знала, что однажды расскажу эту историю. Однако я предполагала, что это случится через много лет. Когда я закончила серию «Розмари Бич», я знала: это случится раньше, чем я думала.

Нейт Финли и Блосс Йорк были в моей голове. Я могла слышать их голоса, и их история раскрывалась передо мной. Я была взволнованна возвращением к персонажам и местам моих двух серий-бестселлеров. Особенно соединением этих серий через их детей.

Если вы не читали «Си Бриз» или «Розмари Бич», всё в порядке. Вам и не нужно. Эта книга независима от этих серий. Те, кто знает предысторию, надеюсь, это то, о чём вы мечтали. Я любила каждую минуту возвращения к этим сериям.

Семь лет назад...

БЛИСС ЙОРК

Я спасена. После трёх дней без Элая, который сейчас в баскетбольном лагере, приехала Ларисса и спасла меня. Она до конца недели забрала меня на пляж. Больше никакого кормления кур и собирания яиц или уборки сарая вместе с папой. Это было самым худшим. У меня появлялся фермерский загар, а я хочу загар, который включает в себя линию бикини.

Элай звонил вчера, и я рассказала ему насколько всё удручающе. Мне пятнадцать. Это лето должно быть весёлым. А не как все предыдущие летние каникулы.

Я больше не приходила в восторг от помощи папе на ферме. Я сказала об этом Элаю, и следующее, что произошло, его тётя Ларисса, которая была всего на три года старше нас, позвонила мне. Я в большом долгу перед ним.

Осенью Ларисса уедет в колледж. Но пока она по-прежнему живёт дома со своими родителями, которые являются бабушкой и дедушкой Элая. У них большой, роскошный дом с бассейном на пляже, за который можно умереть. Не могу дождаться. Мама разрешила мне поехать. Когда Ларисса позвонила, чтобы спросить разрешения, я умоляла маму, стоя на коленях, пока протягивала ей трубку. Конечно же, она поговорила с мамой Лариссы, но в итоге сказала «да», и вот я здесь. Стою на белом, как сахар, песке Си Бриза, штат Алабама. Пляж полон туристов и парней с загоревшими телами, пахнет океаном и кокосовым маслом, и мне это нравится. Я обожаю это! Я мечтала, чтобы моё лето было наполнено этим. Теперь я здесь и живу этой жизнью.

Этим я обязана Элаю, и я найду способ отблагодарить его. Он любит моё печенье с шоколадной крошкой. Но это не кажется достаточным. Он заслуживает больше за моё спасение. Может, я поговорю с папой, чтобы он взял Элая на рыбалку. Он ладит с моими братьями, и ему нравится ездить летом на рыбалку в наш охотничий домик. Мой папа и братья никогда не охотятся, но обожают рыбачить. Элай тем более не тот, кто мог бы стрелять в оленей, но он тоже любит рыбалку.

Ларисса флиртowała со спасателем, и я не могла её за это винить. Он очень привлекательный. Улыбаясь мысли о том, чтобы найти кого-нибудь моего возраста для флирта, я положила полотенце и сняла пляжное платье. Моё ярко-розовое бикини закрывало больше, чем те, которые носило большинство здешних девушек. Намного более закрытое, чем бикини Лариссы. Но это всё, что одобрил мой папа, а заставить его одобрить хотя бы это бикини, было практически невозможно.

Я решила надеть наушники, включить музыку и наслаждаться видом. Но затем передумала. Мне нравится звук волн и людей вокруг места, где я лежу. Я достала из сумки «Гордость и предубеждение». Это будет шестой раз, как я прочту её. Бесспорно, это моя любимая книга.

Прямо перед тем, как я закончила вторую главу, на меня упала тень. Я решила, что это Ларисса. Посмотрев вверх, я улыбнулась, собираясь спросить, заполучила ли она горячее свидание. Мой взгляд остановился на знакомом лице. На том, которое стало старше, том,

которое я помнила с позапрошлого лета. На том лице, которое девушка никогда не забудет. Его серебристые глаза были потрясающими и захватывали дух.

Теперь ему шестнадцать, но его мускулистая грудь выглядела на все восемнадцать. Надеюсь, Ларисса не видела его. Её малюсенькое бикини и грудь четвёртого размера очень быстро отвлекут его внимание от меня.

— Блосс, — сказал он, вспомнив моё имя.

— Нейт, — ответила я, присаживаясь. С той встречи на пляже, когда мне было тринадцать, я часто вспоминала о нём.

Он ухмыльнулся, словно был впечатлён. Словно ожидал, что я узнаю его, но не был в этом абсолютно уверен.

— Я как раз задавался вопросом, по-прежнему ли ты живёшь здесь, — сказал он, затем переместился, чтобы присесть рядом со мной. Он сделал это сексуально и круто, как я и помнила с того лета. Он не был неуклюж или неловок, как большинство людей на песке.

— Ты искал меня? — спросила я. Моё сердце быстро забилося от счастья. Он на самом деле хотел найти меня.

— Конечно, искал. Ты моё любимое воспоминание об этом месте. Уж точно, чёрт возьми, не бар моего деда.

Он сквернословит. Элай никогда не сквернословил. Мои братья делали это, когда их не слышали родители, но они не сквернословили в общественных местах. Когда они были вне дома, работая на ферме, то сквернословили на чём свет стоит. То, как делает это Нейт, заставляет его казаться намного старше. Словно он более уверен в себе.

— Ты надолго приехал в город? — спросила я, желая выглядеть так же круто, как и Нейт со своим сквернословием. Хотя внутри я чувствовала кое-что другое. Словно я глупая маленькая девочка, которой хочется визжать от того, что он здесь. Что мой парень мечты вернулся в Си Бриз.

— На всё лето. Мои родители считают, что мне нужно передохнуть от Розмари Бич и моих друзей. Другими словами, меня наказали.

— Наказали? — удивлённо спросила я.

Он улыбнулся, затем подмигнул мне.

— История для другого раза. Не стоит пугать тебя. Чёрт, я только нашёл тебя.

Пугать меня? Едва ли. Я не собираюсь сбежать. На самом деле, я бы сидела на этом месте всё лето и отказывалась бы уходить, если бы это означало, что Нейт Финли будет рядом со мной.

Глава Первая

Наши дни...

БЛИСС ЙОРК

Выпускной бал. Я не была на своём. Так же, как и не ходила на все остальные события старшей школы. Я пропустила всё это. На своё первое настоящее свидание я пошла только в девятнадцать. Единственный опыт с парнями, который у меня был до этого свидания, — лето, когда мне было пятнадцать. Я провела его с мальчиком. Тем, которого никогда не забуду. Он был хорошим, как и всё остальное в моей жизни... до рака.

В октябре, после того как он вернулся в Розмари Бич, штат Флорида, у меня стала проявляться усталость и подниматься температура. Никто не мог объяснить это. К ноябрю ни то, ни другое не поддавалось контролю, и тогда мне диагностировали лейкемию. Мой мир изменился после той консультации с врачом и моей семьёй. И мальчик, которого, я думала, что люблю, остался в воспоминаниях. Когда мне было страшно, я вспоминала его, что в то время происходило очень часто.

Я не отвечала на его звонки или сообщения, и к Рождеству он перестал пытаться. Что бы я ему сказала? Если бы этот мальчик увидел меня без волос, со всеми побочными эффектами химиотерапии, это бы разрушило те особенные воспоминания о лете, которое мы провели вместе. Таким образом, я сохранила воспоминания, но взамен потеряла его. Вскоре всё свелось к тому, чтобы прожить ещё один день. К борьбе с темнотой рака, который обрушился на моё тело. В итоге я победила.

Да, я победила рак. Но, поскольку моя мама потеряла из-за рака отца, она продолжила опекать меня. Она не могла позволить мне жить нормальной жизнью, даже несмотря на то, что с момента моего выздоровления прошло почти четыре года. Папа попросил быть понимающей. Моя мама была в ужасе, когда мне диагностировали рак. В то время она очень много плакала и постоянно поддерживала меня. Я часто задавалась вопросом, может, я так сильно старалась побороть болезнь потому, что не хотела причинять маме боль. Я не могла смириться с мыслью, что она будет страдать, если потеряет своё дитя.

Сейчас мне двадцать два, я по-прежнему живу с родителями и в данный момент фотографирую Круза, старшего из трёх моих младших братьев. Щёлкая его и девушку, с которой он отправляется на выпускной. Жить, наблюдая за ним, это то, к чему я привыкла. Несмотря на то, что я готова это изменить. Я рада, что у моих братьев обычная жизнь, а у меня есть возможность, наблюдая за ними, испытать нормальность той жизни, которую я потеряла. Круз делает всё то, что не могла я, пока боролась с лейкемией.

Было приятно наблюдать за мамой и папой, особенно за мамой, за их возможностью быть родителями здоровых детей — мне нравится это видеть. Мальчики многого лишились в те годы, когда моя болезнь обрушилась на нашу семью. Им пришлось жить с Уиллоу и Маркусом Харди, близкими друзьями моих родителей. Мама и папа жили со мной в детской больнице Атланты.

Сейчас Корду шестнадцать. Наши родители пропустили его десятилетие, потому что в тот день у меня была химиотерапия. Клаю в тот же год исполнилось восемь, и они

отсутствовали по той же причине. Мне повезло, что ребята не затаили обиду. Лейкемия украдала не только мои подростковые годы, но также и множество их воспоминаний. Воспоминаний, частью которых должны были быть мои родители. Вместо этого мальчики делали мне открытки, посылали коробки, наполненные журналами, книгами и печеньем, которое они готовили вместе с Уиллоу.

В конце концов, мы нашли баланс как семья. Теперь мы почти нормальная семья. Когда я сделала последнее фото Круза и увидела, как мама целует его в щеку, я улыбнулась и поняла, что всё в порядке. Я здесь и вижу, как растут мои братья. Моя жизнь не была короткой, как я боялась. Мне был дан второй шанс. Я многое пропустила, и пришло время перестать это делать. Маме больше нет необходимости опекать меня. Я здоровая и взрослая. Я продолжала жить дома, чтобы она была счастлива. Теперь настало время жить той жизнью, которой я должна. Той, которой я лишала себя ради мамы. Я знаю, что папа поймёт. Он расстроится, но поймёт. Однако будет нелегко сказать им, что я съезжаю.

— Веди машину аккуратно, — крикнул папа Крузу. Он собирается поехать на папином новом тонированном «джипе», а папа действительно любит эту машину. Это один из многих способов, которыми мои родители пытались возместить потерянное мальчиками время. Они знают, что многое пропустили в их жизни из-за меня. Таким образом, они пытаются в трёхкратном размере возместить то, что пропустили.

— Повеселитесь! Отправьте мне фото! — крикнула им моя мама, когда они уезжали. Словно Круз будет фотографироваться и отправлять снимки своей матери. Я попыталась не улыбнуться, но не смогла, это забавно.

— Мам, он не будет фоткаться, — сказал ей Корд, успев закатить глаза прежде, чем мама повернулась и улыбнулась.

— Я знаю. Я сказала это Кристине. Она будет. И сделает это с радостью.

Кристина была его парой на выпускной и девушкой. Они вместе около трёх месяцев. Для него это рекорд. Мой брат менял девчонок как сумасшедший. Но Кристину он назвал своей девушкой. Для Круза это было впервые.

Хэдли Стоун была его слишком долго длившейся безответной любовью. Она на год старше Круза и приходится дочерью рок-звезды, которая, так уж получилось, друг моих родителей. Джек Стоун был главным подростковым идиолом в то время, когда мой отец учился в колледже. Теперь он легенда рока, несмотря на это, он был женат лишь на одной женщине и все эти годы оставался с ней. Они вместе воспитывали двух дочерей, их стабильные отношения делали его ещё более популярным потому, что обычно в его мире всё с точностью да наоборот.

Хэдли, однако, отличается от нас. Её сильно оберегают из-за славы Джекса, и она не очень общительна. Каждый раз, когда мы и друзья моих родителей со своими детьми собираемся, Круз флиртует с Хэдли. Это комично и немного печально. Она вообще не заинтересована.

Как правило, Круз получает любую девушку, которую хочет. Он выглядит, как папа в его возрасте. Мама говорит, что он вылитый папа. Но на Хэдли это не производит впечатления. Думаю, это к лучшему для него же. У Круза огромное эго, которое Хэдли держит в узде. Он нуждается в том, чтобы его спустили с небес на землю.

— Я иду в кино с Хэндриксом. — Корд направился к старому синему «форду», который делил с Крузом.

— Я думала, вам запрещено посещать все кинотеатры, — напомнила ему мама.

Корд посмотрел через плечо.

— Не те, которые в Мобиле. Только в Си Бризе.

— Не попадите в неприятности, — сказал папа своим грозным отцовским голосом.

Хэндрикс Дрейк и Корд не могли пойти куда-нибудь и не попасть в неприятности.

— Удачи с этим, — ответила я.

Мама посмотрела на меня с беспокойством.

— Эти мальчишки Дрейки хулиганы.

Я засмеялась, по-моему, горшок котёл сажей корит. Люди говорят то же самое о мальчишках Йорк. Мамины мальчишки такие же плохиши, как и Дрейки. Вот почему мой лучший друг Элай Харди и я стали называть Дрейков и моих братьев ужасной шестёркой вскоре после их рождения.

— Мне нужно поговорить с вами, пока нет мальчиков, — сказала я маме и папе. Мой младший брат Клай остался на ночь у Кигана Дрейка. Я должна воспользоваться этой возможностью, чтобы сказать им, что съезжаю. Следующая неделя очень быстро приближается.

— Хорошо, — ответила мама, теперь внимательно изучая меня.

Папа добавил:

— Мы можем поговорить за ужином?

— Конечно, — сказала я. — Хорошо. — В любом случае это будет нелегко, с едой или без.

— А о чём? Ты хорошо себя чувствуешь? — внезапно испугалась мама. Она жила со страхом, что моя болезнь вернётся, а мне бы очень хотелось, чтобы она перестала бояться.

— Я прекрасно себя чувствую. Речь не об этом.

— Ты выглядишь немного бледной, — сказала она, кладя ладонь на мой лоб.

— Мама, со мной всё хорошо.

Вот почему я должна переехать. Она всегда таким образом относится ко мне. Маленькая больная девочка, за которой она должна ухаживать и которую должна защищать.

— Если ты считаешь, что заболела, то мы должны обратиться к врачу...

— Мама, я не больна, — я снова прервала её.

— Ты уверена?

— Я съезжаю.

Внезапно они оба замерли. Ни у одного из них не было слов.

НЕЙТ ФИНЛИ

«У Октавии»? Серьёзно? «У Октавии»? Она назвала его в честь себя. Я задался вопросом, почему меня это вообще удивляет. Октавия великолепна, а также благословлена порцией креативности. Признаю, хорошей порцией креативности. Но ещё она единственный ребёнок основателя «Бекетт Департмен Стор». Как и я, Октавия состоятельна, родилась в богатстве и выросла с привилегиями, хотя на неё это повлияло по-другому.

Вот почему моя мама не рада нашей помолвке. Октавия не нравится маме. Она сказала, что хочет для меня того же, что есть у них с папой, но этого не произойдёт. Мама считала, что у меня это будет с Лилой Кейт. Я знал, о чём они все думают. Они спланировали и

приняли решение о нашей свадьбе в тот момент, когда родилась Ли́ла Кейт. Когда они узнали, что Ли́ла Кейт — девочка, они все стали планировать это в своих мыслях. Конечно же, они не говорили об этом, но однозначно, чёрт возьми, думали. Вся чёртова компа́шка, даже если они и не признают этого. Окта́вия — не Ли́ла Кейт. Даже при всём богатстве воображения.

Проблема с Ли́лой Кейт заключается в том, что мы относимся друг к другу как к семье. Она для меня словно ещё одна младшая сестра. Однако наши мамы по-прежнему надеются и верят, что мы всё ещё можем сойтись. Что мы каким-то волшебным образом будем вместе.

Окта́вия устраивает меня. Мы с ней похожи больше, чем думает моя мама. Мы оба хотим достичь успехов, не используя влияние наших известных родителей. Мы хотим путешествовать и не хотим детей. Она слегка избалована. Нет, вообще-то, Окта́вия очень испорченная, но мы согласились подписать брачный контракт, чтобы защитить свои интересы.

То, что есть у моих родителей, редкость. Вы не сможете найти в этом мире много подобных пар. Конечно, я вырос в кругу семьи и друзей, которые живут в похожей обстановке и у которых прекрасные браки. Но я не похож на них и их детей. Я не хочу обосновываться в Розмари Бич, размножаться и растить своих отпрысков. И я не желаю дней, наполненных гольфом и следующим за ним ужином в элитном загородном клубе «Керрингтон». Я хочу повидать жизнь, о которой не знаю, и зависеть от самого себя. Я хочу быть самостоятельным человеком.

Я отогнал в сторону эти мысли. Это жизнь, которую для меня хочет моя мама. Не та жизнь, которую хочу я, и она знает это. Она уважает это. Пришло время сосредоточиться на том, чего хочу я. Я здесь, чтобы получить груз Окта́вии и разместить его, пока она занимается закупками в Риме. Торжественное открытие её магазина через две недели. Нужно много чего сделать за четырнадцать дней, и у меня такое чувство, что я здесь застряну. Единственная положительная вещь: я смогу провести время с моим дедом, пока занимаюсь этим дерьмом для Окта́вии. Отец моей мамы владел рестораном в Си Бризе, штат Алабама, где сейчас открывается первый магазин «У Окта́вии». В следующем месяце приедут туристы, и она хочет быть готовой к ним.

Я вытянул из кармана ключи от её магазина и направился к берегу моря. Конечно же, её магазин в самой дорогой части авеню. Ресторан дедушки совершенно не похож на этот магазин. Он находится вдалеке от фешенебельных, первоклассных построек. Его место имеет атмосферу, которая не раздражает. Магазин Окта́вии был глянцевым и с особым стилем, но у него нет истории, как у ресторана деда.

Дверь в магазин распахнулась и вышла башня из коробок. Я остановился, потому что башня начала крениться ко мне, и прежде, чем случилось крушение, я заговорил:

— Осторожно, — сказал я прежде, чем картонные коробки потеряли устойчивость. — Ты что не видишь, куда идёшь?

Я услышал визг, а затем он затих. Я переместился, чтобы помочь, когда мои глаза остановились на паре других, которые я так хорошо знаю. Такие глаза я видел лишь однажды, и они были голубыми глубокими и потрясающими. Длинные густые тёмные волосы, струящиеся по её плечам, тоже мне знакомы. Она стала старше, и теперь её тело имеет изгибы во всех правильных местах. Она однозначно похорошела с подросткового возраста. Ей больше не пятнадцать — она стала женщиной.

Блисс Йорк была моей первой любовью. Или я так думал тогда. Пришлось понять, что

она была моей первой страстью, потому что я понятия не имею, что такое любовь. Её лицо может остановить движение на улице, и это без всякого макияжа. Она была настолько естественной, насколько я помнил. В ней нет ничего фальшивого. Когда-то её улыбка делала мой мир идеальным.

— Ой, простите... — заторможено сказала она, пока её глаза разглядывали моё лицо. Я увидел в них узнавание. Она вспомнила меня. Знала, кем я был. Мальчиком, который подарил ей её первый поцелуй. Мальчиком, который сказал, что будет любить её вечно. Затем я уехал в конце лета, которое считал началом вечности. Тогда я был немного мечтателем. Это было до того, как я понял, что женщины внутри могут быть не такими мягкими и красивыми, какими внешне. Моя мама совершенство и внутри, и снаружи, но в моей младшей сестре Офелии, определённо есть жилка зла.

— Ты работаешь здесь? — спросил я до того, как она смогла произнести моё имя. Я не хочу вспоминать то лето. Я слишком долго помнил о нём. Как только я решил, что Блосс Йорк не была идеальной девочкой, я позволил себе полностью забыть о ней.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, затем медленно кивнула.

Я знал, Октавия наняла кого-то, чтобы ей помогли всё устроить. Мне просто не сказали имя. Не то чтобы это имело значение. Это было семь лет назад и было частью моего прошлого, которое там и останется.

Я поднял упавшие коробки.

— Я Нейт, жених Октавии. — Это должно ответить на её вопросы, а также заставить поверить, что я не помню её. — Я отнесу эти коробки в мусор.

Я не стал ждать, пока она назовёт своё имя. Я вернулся к работе, поднимая оставшиеся упавшие коробки. Она не двигалась, как мне показалось, несколько минут, но это было лишь несколько мимолётных секунд. Я был напряжён. Не уверен почему. Если бы она сказала мне, кем является, и спросила, помню ли я её, я бы по-прежнему мог вести себя так, словно забыл. Прошло семь грёбаных лет. Тогда мы были детьми. Теперь мы выросли. Я был другим человеком и уверен она тоже.

— Хорошо, э-э... спасибо, — сказала она. Мне хотелось поднять голову и посмотреть, как она уходит. Рассмотреть женщину, которой она стала. Увидеть насколько изменилось её тело. Мимолётный взгляд, который я позволил себе бросить на неё вначале, оставил приятные впечатления, и я хотел ещё. Тогда она была красавицей. Теперь же она великолепна, и мне придётся, чёрт возьми, работать с этой красотой следующие две недели.

Дерьмо.

Такое могло случиться только со мной.

Я повернулся, чтобы уйти с коробками, когда дверь снова открылась.

— Прости. Я забыла сказать тебе, где расположены мусорные баки. — Она говорила формально, нервно и неуверенно. Я мог бы облегчить её беспокойство, просто будучи с ней честным и всё прояснив. Но это означало бы, что мне придётся вспомнить её. Девочку, которую я намерено забыл. Я сказал ей, что люблю её, и она была единственной девушкой, которой я когда-либо говорил такое. Ты живёшь и учишься у жизни, а я жил и учился вместе с Блосс Йорк.

Я должен перестать думать об этой фигне.

— Это сразу за зданием, — указала она.

Я кивнул.

— Понял. — Затем я ушёл. Я не стал смотреть на неё. Я даже не поблагодарил её.

— Тебе помочь? — крикнула она.

— Неа. — Я мудак. Но это был единственный способ справиться с этой ситуацией.

Маме было бы стыдно за меня.

Нейт Финли. Как такое могло произойти? Не то чтобы это могло стать проблемой, потому что он даже не помнит меня. Что ранит. Сильно.

Мысли о нём помогли мне пройти через очень тяжёлые моменты моей жизни. Когда мне было плохо после химиотерапии, я сосредотачивалась на нашем лете, времени, которое мы провели вместе. Мысли об этом помогали мне отвлечься от ада, через который я проходила.

И всё же он не помнит меня. Понятия не имеет, кто я.

Ну, теперь я здорова. Я сильнее. Я больше не нуждаюсь в воспоминаниях о нём, чтобы прожить очередной день. Думаю, если я нуждалась в мысленной пощёчине в виде повзрослевшего невероятно красивого Нейта Финли, который понятия не имеет, кто я, тогда это вовремя. Я могу с этим справиться.

Я медленно отвернулась от окна, через которое наблюдала за тем, как он уходит с коробками. Нейт Финли обручен с Октавией, которая дала мне мою первую работу. Мне она нравится, а я даже не знаю её. Моё первое впечатление заключается в том, что она милая. Я с нетерпением ждала, чтобы поработать вместе с ней. Или, скорее, на неё, так как она владеет этим местом. Хотя теперь, после того как появился Нейт, не так сильно. Но всё хорошо. Я здесь, и я независима.

Никто не вспомнит Нейта, кроме Элая. Тем летом я рассказывала ему о Нейте. И он слушал меня, хотя я знала, что его это не интересует, не так, как заинтересовало бы женщину. У меня просто не много таких друзей. Таких, как Элай. Он близок мне как никто другой. Ларисса немного знала о Нейте просто потому, что была причиной, по которой я оказалась на пляже тем летом. И ещё несколько моих друзей, которые видели меня с ним, но не вспомнят об этом спустя столько лет. По крайней мере, я надеюсь на это.

Сегодня вечером Элай поможет мне закончить перевозить вещи в квартиру, которую мы теперь делим. Я могла бы рассказать ему. Я должна с кем-нибудь поговорить. Возможно, разговор об этом поможет мне закрыть дверь в моё прошлое с Нейтом. Или это может сделать всё только хуже.

В моём кармане завибрировал телефон. Элай отправил мне сообщение. Клянусь, мы с ним на одной волне. Словно он знает, что у меня проблема ещё до того, как я расскажу ему о ней.

«Ты в порядке?» — всё, что он отправил.

«Да» — ответила я. Я медлила. Нет смысла сейчас говорить об этом. У нас есть бутылка вина и много работы вечером, тогда и будет время поговорить. Вот тогда я и расскажу ему. По крайней мере, нам будет, о чём поговорить, пока мы будем перевозить мои вещи.

Дверь открылась, и я знала, что это Нейт. Я не стала поворачиваться и смотреть. Я продолжала доставать одежду из коробок, которые поставила перед собой. Мне нужно закончить с сегодняшним поступлением, прежде чем появится очередной груз.

— Есть ещё мусор?

Я натянула улыбку, прежде чем посмотреть в глаза Нейту.

— Это всё. Позже будет больше.

Он кивнул, не посмотрев на меня. И снова в этом нет никакого смысла. Снаружи он сделал то же самое. С моим лицом или носом что-то не так? На завтрак я съела энергетический батончик. Может, орехи застряли у меня в зубах?

Я быстро вернулась к распаковке вещей.

— Октавия оставила мне список того, что нужно сделать. Я пойду в кабинет и начну работать, — он начал говорить с вопросительной интонацией, но закончил утвердительной. Я кивнула. Ничего не сказав. Какой смысл отвечать?

Когда я была уверена, что он ушёл из передней части магазина, я встала и вздохнула с облегчением. Это неловко и болезненно, а он даже не подозревает об этом. Летом, проведённым вместе со мной, он был внимательным, совершенно другим. Не тем мужчиной, которым стал. Этого парня я совсем не знаю. Думаю, с возрастом и временем мы все меняемся. Мне просто хочется, чтобы мои воспоминания о Нейте остались нетронутыми. Но реальность разрушает их.

Следующие два часа пролетели быстро. Нейт оставался в кабинете, работая со списком, оставленным Октавией. Я закончила раскладывать вещи, как проинструктировала Октавия, когда звонила сегодня утром. Днём придёт больше вещей. Я должна быть готова принять их.

Пока я искала, чем ещё заняться, дверь в магазин открылась, заставляя меня развернуться. Я собралась сказать, что мы пока не открыты, но остановилась, когда увидела Элая. Он держал два коричневых пакета и улыбался.

— Я принёс еды, — сказал он. — Много еды. — Я знала, не спрашивая, что у него в пакете мой любимый бургер из «Пикл Шак».

— Элай, ты мой герой. Я ужасно проголодалась. — Я бы не перестала работать, пока здесь Нейт. Не для того, чтобы пойти и купить еды. Я не знаю, докладывает ли он о делах Октавии. Если так, то это должно быть только хорошее, потому что эта работа важна для меня.

— У меня была смутная догадка, что ты не уйдёшь с работы из-за еды в свой первый официальный рабочий день.

— Вот почему ты мой самый любимый человек на всём белом свете. — Я обожала «Пикл Шак».

Элай прошёл к пустой стойке и аккуратно поставил пакеты.

— Здесь всё выглядит таким хрупким.

— Элай, бумажные пакеты не причинят вреда.

— Хорошо, потому что пришло время отпраздновать это событие жирными бургерами. У тебя есть работа и с сегодняшнего вечера ты официально независима.

Он не большой поклонник жирных бургеров. Я знаю, что Элай не ест их. Он берёт себе сэндвич с курицей на гриле. Элай сумасшедший поклонник здорового образа жизни. Он бежит от шести до десяти миль ^[1] в день и ест «чистую» пищу, как он её называет, что прекрасно влияет на его тело. Всегда есть какая-нибудь красotka, виснувшая на его руке или пытающаяся это сделать. Иногда мне приходится становиться помехой, и я ненавижу Элая за это. Мы ругались по этому поводу больше, чем из-за чего-либо ещё, потому что ему нравится использовать меня как предлог. Способ освобождения от женщин. Или я просто вижу это в таком свете. Я не хочу быть отговоркой, которая удержит моего друга от возможности влюбиться. По каким-то причинам он боится этого. Мысль об этом ужасает его.

У него есть родители, которые, как и мои, счастливы в браке, и он рос в стабильной обстановке. У него нет никаких причин очернять или бояться настоящих обязательств. Но он это делает. Доводя до крайностей.

— Я знаю, что ты не ешь бургеры.

Он положил бургер прямо передо мной.

Элай приподнял бровь.

— Чёрт, да, я ем! Мы празднуем.

— Ты ненавидишь жирную пищу.

— Ты любишь её, поэтому мы, — затем он жестом указал на себя и меня, — будем есть её, чтобы приблизить нашу смерть, засоряя и закупоривая наши артерии.

Я люблю Элая. Я не влюблена в него. Я люблю его как брата. Когда-то я думала, что люблю его по-другому, но тогда мы были младше. Нейт Финли вошёл в мою жизнь. После чего моя болезнь и борьба за жизнь изменили абсолютно всё для меня. В тот период Элай укрепил свой статус самого лучшего друга на свете. Он видел меня на пороге смерти. Был рядом, когда я боролась. Элай прошёл всё это вместе со мной.

НЕЙТ ФИНЛИ

Она была там с парнем. Я стоял у двери складского помещения, слушая, как они смеются и разговаривают. Я должен был догадаться, что она в отношениях. Девушки, как она, не бывают одиноки. Тот факт, что меня это раздражает, нелеп. Но, проклятье, это напрягает меня. В моей памяти она оставалась моей. Даже несмотря на то, что прошло время и мы выросли. Казалось, она не особо изменилась. Кроме того факта, что от девочки, которую я считал красивой, теперь бесспорно захватывает дух.

Семь долгих лет назад мы вместе провели чёртово лето. Блисс больше не та невинная девочка, которой я подарил её первый поцелуй. Больше нет. Она взрослая женщина. А в моей памяти сохранилась девочка. Хотя однозначно она уже тогда была женственной.

Возможно, это то, что делает всё настолько обременяющим. Мне нравилось, что в моей памяти она оставалась идеальной девочкой, которую можно представлять и вспоминать как нечто безупречное. У меня больше ничего нет, что я могу лелеять. Она будет в моей жизни изо дня в день, и я увижу её несовершенство. Маленькая девочка ушла, как и её милая невинность. Жизнь со всеми поступает таким образом.

Я сдержался и не пошёл туда, чтобы напомнить ей, что её обеденный перерыв длится час. Это заставит меня выглядеть подонком. У меня нет причин им быть. Она работала без остановки с тех пор, как я приехал, и она заслуживает грёбаный перерыв.

— Ты упаковала оставшуюся часть своих вещей? Мы можем перевести их сегодня вечером? — небрежно спросил парень, что до чёртиков раздражало меня. Что со мной не так, мать вашу?

— Да. Мама плакала, пока я упаковывала их. Меня убивают её слёзы. Я слишком много раз слышала, как она плачет. Это было самым сложным. Она не рыдала, просто плакала. Я позволила ей обнять меня и сказать, что она любит меня. Что она хочет этого для меня. Она старалась перебороть свои эмоции. Она доверяет тебе заботу обо мне. Словно я нуждаюсь в защите.

Голос Блисс был похож на что-то между раздражением и весельем.

— Она будет беспокоиться, Би. Ты знаешь это. Ты не можешь ожидать, что она не будет.

Блисс вздохнула.

— Да уж. Я понимаю. Мне бы просто хотелось, чтобы мы могли двигаться дальше. Ну, знаешь? Забыть об этом. Попытаться быть нормальными.

Они какое-то время молчали, пока я пытался понять, что, чёрт возьми, значит «попытаться быть нормальными»? Почему Блисс не является нормальной? Из того, что я помнил, она была очень нормальной.

— Прошло только четыре года, — ответил парень. — Для этого ей понадобится больше времени. Для матери этот срок, словно один день, Би. Для неё ты по-прежнему ребёнок. Во многих смыслах, ты для неё только родилась.

Блисс снова вздохнула.

— Я знаю.

Четыре года после чего? Что произошло? Я чувствовал вину за то, что подслушиваю, но теперь мне любопытно. Интересно, Октавия знает, о чём они говорят. Не то чтобы я собирался спрашивать у неё. Это не моё дело. Я не должен подслушивать.

Я наткнулся на метлу, отступая от двери. Она ударилась об совок и оба с шумом упали на пол. Я поморщился и замер.

— Что это? — спросил парень.

— Жених Октавии, — ответила она. — Думаю, он что-то уронил.

Она не назвала меня по имени и больше ничего не сказала. Вместо этого она начала говорить о красках. О цвете стен в её новой спальне в квартире, которую они делят. У них разные спальни? Это заставило меня задаться вопросом, кем он ей является. Были ли они близки в сексуальном плане? Почему, чёрт возьми, я заикнулся на этом?

Я бесшумно начал уходить, когда она громко произнесла его имя. Блисс сказала: «Элай» — и я понял, кто он. Она рассказывала мне об Элае семь лет назад. Он не её парень. Он её лучший друг. Я ревновал, пока она не объяснила это. Они были намного ближе, чем я за всю свою жизнь с какой-либо девушкой. Даже с Лилой Кейт. Вскоре я понял, что у них именно те отношения, о которых она говорила, что Блисс Йорк не лгала.

Просто друзья.

И они по-прежнему оставались друзьями.

Я оставил их разговаривать и через чёрный вход направился к своему внедорожнику. Мне нужно где-нибудь перекусить. Убраться отсюда. Сбежать к чёртовой матери от Блисс. Я осмыслю всё это, а затем забуду.

Я набрал номер Октавии. Разговор с ней напомнит мне о моей жизни. Почему моя жизнь устраивает меня. Почему Октавия устраивает меня. И почему меня никогда не устроит Блисс Йорк. По крайней мере, это то, что я говорил себе. Я не знаю женщину, которой стала Блисс Йорк. Я совсем ничего о ней не знаю.

— Привет, давай побыстрее, — сказала Октавия. — Я выхожу из самолёта в Милане. Специалист по закупкам, который привёз меня в Рим, убедил меня приехать сюда. У меня нет времени долго разговаривать.

Октавия была вся в делах. Вдоль и поперёк. Она не драматичная или требующая повышенного внимания. Это то, в чём нуждается каждый мужчина. Я достаточно насмотрелся на драмы моих сестёр и даже мамы. У моего отца терпение святого. Что

касается меня — у меня нет подобной выдержки. Драмы и женщины — не то, с чем я могу справиться. Октавия не устраивает драм. Она слишком занята, делая свою жизнь безупречной. Меня устраивает её позиция, а её устраивает моя. И это работает.

Большинство парней, у которых есть собственная жилплощадь, живут в грязи. Не то чтобы я когда-нибудь видела квартиру другого парня. Но у меня три брата, и я знаю, на что похожи их спальни. Когда маму это доставало, она начинала угрожать им тем, что они находятся на волосок от смерти, после чего они быстренько приводили свои комнаты в порядок.

Элай не такой. Он чистоплотный, опрятный и аккуратный. У него для всего есть своё место. Я немного волнуюсь, что не смогу содержать всё в таком порядке, в каком хочет он. Я не такая аккуратная, как он. Я никогда не упоминала об этом, потому что Элай солгал бы, сказав, что всё в порядке, что гораздо важнее мой комфорт. Что, как мы оба знаем, не было бы правдой. Даже небольшой беспорядок сводит его с ума.

Я наблюдала, как он заносит последнюю коробку в мою спальню. Улыбка на его лице подобна моей. Это заняло больше времени, чем мы планировали, но теперь мы здесь, готовые начать нашу новую жизнь. Жить самостоятельно, как мы всегда и планировали. Элай съехал из дома, когда начал учиться в колледже и нашёл работу, чтобы содержать себя. Я всегда задавалась вопросом, когда я смогу присоединиться к нему. Когда его сёстры и мои братья сводили нас с ума, мы с ним планировали такую жизнь. Быть соседями и жить по собственным правилам.

Когда он переехал, я только поборола рак. Для меня было слишком рано. Я знала, что не могу покинуть своих родителей. Пока не могу: они были ещё слишком уязвимы после того, через что прошла наша семья. Я осталась жить с ними в одном доме на долгие четыре года.

Это моё позднее начало. Начало жизни по моим правилам. Не могу дождаться, чтобы погрузиться в неё.

— У меня в холодильнике есть бутылка «Пино Гри». Хочешь бокал? Думаю, мы должны отметить.

Я обожаю «Пино Гри». Он знает об этом так же, как знает и всё остальное обо мне.

— Да! Это было бы замечательно.

Он осмотрел мою комнату.

— Я думал о тебе, когда арендовал это место. Это комната всегда была твоей.

Это заставило мои глаза защищать от слёз. Элай не из тех, кто скрывает свои эмоции. В них он честен и открыт. Я люблю это. Потому что я люблю Элая. Люблю с тех пор, как мы были детьми. Я просто не влюблена в него. Это разные вещи, и я осознала это ещё в юном возрасте. На протяжении многих лет я часто задавалась вопросом, понимает ли он эту разницу. Были моменты, когда он смотрел на меня с чем-то большим, чем просто дружеское обожание. Я убедила себя, что всё выдумала. По крайней мере, надеюсь, что выдумала. Желание большего разрушит всё между нами.

Стук в дверь спас меня от необходимости найти правильный ответ. Каким бы он ни был. Я по-прежнему не знаю, как правильно реагировать на что-то столь душевное. Я не такая эмоциональная, как Элай. То, через что я прошла, сделало меня жёстче.

Элай развернулся и направился к двери. Я ещё раз обвела взглядом свою комнату

прежде, чем последовать за ним. Посмотрев через своё плечо на меня, он усмехнулся:

— Я бы извинился за это, но думаю, они здесь больше из-за тебя, нежели из-за меня.

— Кто?

Он покачал головой, открывая дверь.

Мика Фалько зашёл внутрь, неся ящик с пивом, за ним следовал Деймон Виктор, лучший друг Мики, и Джуд Фалько, младший брат Мики. Мике двадцать пять. У него степень магистра в области компьютерных технологий, но сам он похож на бандита. Мика пил как сапожник, ругался как моряк и был самым весёлым парнем из всех, которых я знаю, за исключением его отца, который технически был его дядей. Долгая история.

— Перевёз домой девушку и не пригласил чёртову компанию. Харди, ты — отстой, — сказал Мика, кладя пиво на бар. — Кстати это моё. Я не делюсь. Придерживаюсь ПСПС^[2].

У Деймона в руках была сумка. Он положил её рядом с пивом.

— Я принёс достаточно для себя и малыша.

Малышом был Джуд. Ему девятнадцать. Так как он рос с Микой и его друзьями, то вёл себя на десять лет старше.

— Назови меня ещё раз грёбаным малышом, и я засуну это пиво тебе в задницу. — Затем он с угрюмым видом прошёл мимо Деймона. Он на четыре дюйма^[3] выше Деймона и на глазах становится всё больше. К двадцати пяти он будет огромным.

— Обидчивый придурок, — пробормотал Деймон.

— Ты наконец-то независима, Би, — улыбнулся Мика с пивом в руках. — Что чувствуешь? Освобождение?

— Что, чёрт возьми, ты думаешь, она может чувствовать? Она освободилась от своих сумасшедших диких братьев, — ответил за меня Джуд, пока брал пиво со стойки и открывал его.

Джуд лишь на год старше Круза, и эти двое близки. Вот почему ему сошла с рук критика моих братьев. Он любит их, как собственную семью, и я знаю об этом.

— Было тяжело уходить, — ответила я. — Тяжело из-за мамы и папы. Но теперь я сделала это и чувствую себя великолепно. Именно так, как я и думала.

Деймон прислонился к стойке и подмигнул мне. Для него это нормальное поведение. Он любит флиртовать, дразнить и раздражать. Я игнорировала его, но он, конечно же, не прекращал.

— Теперь, когда ты свободна от страшной задницы Кейджа Йорка, нависающей над тобой, мы наконец-то можем сходить на свидание. Помнишь, ты обещала мне.

Я закатила глаза. Я не обещала Деймону свидание и никогда не пообещаю.

— Это было в твоих снах, мудила. Интимные фантазии прошедшей ночи, — грубо ему ответил Джуд.

Он поднял свою банку пива:

— Ты пьёшь моё пиво, так что твоей несовершеннолетней заднице лучше следить за тем, что ты, блять, говоришь.

Джуд ни в малейшей степени не выглядел обеспокоенным. Он сел на стул, опрокинул банку, наполовину опустошая её содержимое.

— Если все пьют, то кто поведёт машину? — спросила я, осознавая, что говорю как моя мама. В точности как моя мама.

— Пойдём пешком к моим родителям, — сказал Мика. Затем он сел на диван напротив меня. Его родители живут на пляже. Это в нескольких минутах ходьбы от нас. — Ты знаешь,

что когда-то твой папа жил в одной из таких квартир. Папа сказал, что она на этаж выше, — сказал он мне, затем указал на потолок.

Конечно, я уже знала об этом. Тогда родители Элая жили с моим отцом. Именно так они и познакомились. Мой папа и Уиллоу, мама Элая, были лучшими друзьями и выросли вместе. Как и мы. И когда Маркус, отец Элая, стал соседом моего папы, он влюбился в Уиллоу.

— Ага, мы знаем, — ответил Элай, подходя к холодильнику за вином. Он, как и я, знал, что никто в ближайшее время не собирается уходить. Что касается меня, я счастлива. Это то, чего я лишилась. Жизни, где друзья приходят к тебе и приносят пиво. Они сидят допоздна, и мы смеёмся и разговариваем обо всём, о чём не можем говорить перед родителями.

Зазвонил дверной звонок. Элай посмотрел на дверь.

— Кто ещё должен прийти? — спросил он. Элай знает, что у Мики есть ответ.

— Я бы сказал, что это, вероятно, Саффрон и Холланд или, возможно, Кримсон и Ларисса.

— Моя сестра? Чёрт, — пробормотал Элай.

Кримсон старшая из двух младших сёестер Элая, а Ларисса его тётя, хотя ей всего лишь двадцать пять.

Саффрон и Холланд Корбин были близнецами, и, хотя между нами нет кровных уз, они всё равно моя семья. Мы все семья. Огромное количество детей, которые выросли вместе в маленьком городке.

Дверь распахнулась прежде, чем Элай дотронулся до неё.

— Да начнётся вечеринка! Я пришла! — объявила о себе Саффрон, заходя в квартиру с двумя бутылками дешёвого вина. Ей девятнадцать, и она купила их. Не могу сказать, как она это сделала. Ларисса бы не купила для неё вино.

— Боже, помоги нам, — пробормотал Джуд.

Я только улыбнулась. Вот оно. То, чего мне не хватало всё это время.

НЕЙТ ФИНЛИ

Я нашёл оправдание находиться подальше от магазина и не завершать список дел Октавии. Моё оправдание продлилось до конца недели. Чтобы компенсировать своё предательство, я распаковал её вещи в новом доме, который Октавия недавно купила. Это огромная недвижимость, расположенная на пляже. Дом больше, чем ей может потребоваться даже с моим периодическим присутствием, потому что здесь у неё нет друзей. Нет причин для развлечений. Октавия требовала роскошь, и, видимо, дом был этой роскошью. Она не типичный владелец малого бизнеса, который изо всех сил старается свести концы с концами.

К вечеру пятницы я был готов выпить и расслабиться. Я должен снова появиться в магазине. Когда там не будет Bliss Йорк. Мне придётся работать в субботу и воскресенье, чтобы всё доделать. Но сегодня я собираюсь проветриться. В городе есть клуб, где играют живую музыку и куда ходят местные. Я не в настроении сталкиваться с дерьмом туристов, которые посещают большинство мест в этом городе.

Октавия не звонила проверить, как идут дела. Она знает, я справлюсь с чем угодно, и

это должно делать меня счастливым. Но вместо этого сильно раздражает. Разве женщины обычно не пишут и не звонят своим женихам? Разве это не нормальное положение дел? Когда я стал таким требовательным?

Я схватил ключи от машины и направился к двери. Я должен, чёрт возьми, радоваться, что она не липнет ко мне. По сути это одна из тех вещей, которые привлекают меня в ней. Внезапно это стало проблемой?

Нет, не стало. Мне нужен виски.

Огни снаружи клуба безостановочно высвечивали «Лив Бей». Вот оно, место, в котором, как я слышал, тусуются местные. Я мог слышать музыку, льющуюся из колонок, сквозь закрытую дверь и окна моего внедорожника. Чёрт, мне уже нравится это место.

С парковкой проблем не возникло, так как основная летняя толпа пока не приехала. Нам нужно что-то такое в Розмари Бич или, точнее, когда-то нужно было. Не думаю, что теперь это имеет значение, так как я не собираюсь оседать там.

Я вспомнил, что видел это место ещё ребёнком. Блисс говорила, что оно популярно. Какие-то друзья её отца были владельцами «Лив Бей». Один из них парень, который раньше играл здесь или что-то такое. Не могу вспомнить. У них есть виски, и это единственное, что имеет значение.

Пока я направлялся к входу, я старался не думать о Блисс, что означало, я думал о ней. О том лете. Мне казалось, что дистанция помогает. Правда, после того, как я всю неделю избегал её, я просто хотел рассказать ей правду. Покончить со всей этой фигнёй казалось хорошей идеей.

Единственная проблема заключается в том, что, боюсь, мне нравится то, что я начинаю узнавать о ней. То, что теперь ежедневно находится перед моими глазами. Женщина, которой она стала, была в два раза привлекательней девочки, которой она была. В моей свободной от драм жизни нет места для хаоса, который может создать происходящее. Я хотел оставить всё как есть.

Группа начала играть ковер-версию песни Джакса Стоуна, и я почти развернулся, чтобы уйти. Он не особо мне нравится. Ещё меньше меня волнует его музыка. Но, опять же, это только одна песня, а я нуждаюсь в грёбаной выпивке.

— Привет, Нейт, — около моего уха раздалась сладость знакомого голоса, от которого я прятался всю неделю. Я чуть не выругался, когда развернулся, чтобы ответить.

Она здесь. Конечно же, здесь. Она знает владельца. Она рассказала мне об этом месте, но это было много лет назад. Я знал, что она может быть здесь. Глубоко внутри я думал об этом. Я не мог притворяться, что этого не было.

— Привет, — сказал я с улыбкой, которая, насколько я знаю, не достигла глаз. Она была более вымученной, чем когда-либо ещё, мне пришлось приложить некоторые усилия, чтобы выдавить её.

— Не знала, что ты до сих пор в городе, — сказала она. — У меня были вопросы к Октавии, и я не хотела беспокоить её. Ты не мог бы завтра заглянуть? Дело в доставке, которую видимо дублировали.

Она говорила о деле. Никакого флирта. Никакого взгляда этих печальных глаз, желающих, чтобы я вспомнил. Она смирилась. Отошла от шока.

— Да, могу. В какое время?

— Би! Тащи сюда свою задницу! Скажи этому сукиному сыну, что я могу выпить десять шотов текилы и по-прежнему пройти по прямой линии! — раздался мужской голос от

ближайшего столика. Я оглянулся и увидел трёх парней. Одним из них был Элай, и ещё парочку женщин, которых я раньше никогда не видел. Они все смеялись над мужчиной, который требовал от Блисс подтверждения его возможностей после десяти шотов текилы. Она не собиралась помогать ему. Она покачала головой и отвергла его хвастовство:

— Я не собираюсь этого делать. Тебе придётся доказать это!

Парень взмахнул руками вверх.

— Какого чёрта, Би! Чёрт, малышка, я думал ты постоишь за меня!

Она закатила глаза и посмотрела на меня.

— Мне лучше пойти туда, пока Мика не убедил Джимми сделать то, что, как он сказал, он сможет сделать. Потому что я знаю, в последний раз, когда Джимми попытался сделать это, ему пришлось провести ночь в тюрьме. Увидимся завтра. В любое время. Я буду в магазине весь день.

Она не стала дожидаться моего ответа и вернулась к своему столику. Парни, за исключением Элая, выглядели старше. Тому, который угрожал выпить десять шотов, не могло быть меньше тридцати. Блисс видимо дружила с людьми постарше, чего я не ожидал от неё.

Одна из девушек за её столиком глазела на меня. Я мог чувствовать это, но не стал на неё смотреть. Я достаточно смотрел в ту сторону, чтобы узнать, что она высокая, хорошо сложена и едва одета. Это говорило мне, что ей нравится внимание. У меня нет на это времени.

— Веди своего друга с собой! — выкрикнула девушка, её слова звучали невнятно и заканчивались паузами. Она слишком пьяная и храбрая.

Я не слышал ответа Блисс, но видел, как она что-то сказала этой девушке. Это заставило её нахмуриться и повернуться обратно к группе за столом, а я был оставлен в покое.

Парень постарше обнял Блисс за плечи. Она громко засмеялась, закрывая глаза. Я очень давно не видел этого. В этот момент я осознал, что скучал по её смеху. Он не изменился. Её смех всё тот же.

Прежде чем они увидели бы, как я наблюдаю за ними, я повернулся к ним спиной, притворился, что её здесь нет, и направился к бару, чтобы выпить. Мне было интересно увидеть её с друзьями, и я хочу больше узнать о её жизни. Бесполезно лгать самому себе. Она живёт здесь. Для неё здесь всё знакомо. У Блисс есть своя компания друзей. Я не был частью этого, и меня это задевало. Боже, я теряю рассудок.

— Ты знаком с Блисс? — барменша была привлекательной женщиной, и на ней был топ, едва прикрывающий её сиськи. У неё однозначно есть на что посмотреть. Я решил, что это сделано для того, чтобы получать хорошие чаевые. Думаю, мы с ней одного возраста.

— Она работает на мою невесту, — сказал я, хоть и смотрел на неё по другим причинам. Она кивнула.

— Хорошая девочка. Одна из лучших. Твоей невесте повезло, — ответила она.

— Рад это знать. Уверен, Октавия почувствовала это прежде, чем наняла её на работу в магазин.

— Дакота! Десять шотов текилы! — крикнул ей парень рядом с Блисс. — Я докажу им!

Барменша вздохнула, затем заговорила:

— Нет, Джимми, не докажешь. В последний раз, когда ты попробовал проделать подобное дерьмо, Престону пришлось спасти тебя. Прежде чем твой отец успел обезуметь и убить тебя.

— Чё-ё-ёрт! — был его ответ. — Я был младше, теперь я старше. Почему вы все не можете просто забыть об этом?

Барменша посмотрела на меня.

— Когда это произошло, ему было двадцать пять. Джимми нарушитель покоя, как и его брат. Что я могу предложить тебе?

— Maker's Mark, — ответил я и подумал, что уже не хочу его. Я позволил себе бросить взгляд на их столик. Я не увидел парня, которого звали Джимми. Я увидел Блосс, которая смотрела на меня. Она быстро отвела взгляд, когда я поймал её, но улыбка, коснувшаяся моих глаз, была настоящей, как и виски, которое я пригубил.

Блосс Йорк было любопытно.

Чёрт побери.

— Ты, вероятно, должна перестать смотреть на жениха своего босса так, словно хочешь его съесть, — сказала Саффрон, затем наклонилась ко мне, хихикая и сжимая мою руку.

Ребята не должны были позволять ей пить. Для начала, она несовершеннолетняя. Затем, она ужасно пьяная. И не в меньшей степени раздражающая. С ней сегодня нет её сестры-близнеца Холланд. Вероятно, она дома читает или занимается. Они выглядели идентично и были одного роста, но вели абсолютно противоположный образ жизни.

— Я не смотрю на него, — солгала я.

Она усмехнулась и громко фыркнула. Я упоминала, что она раздражающе пьяная? Её отец владеет заведением. Он входит в круг друзей моих родителей. Её отец знаменитость маленького городка. Крит Корбит когда-то играл на этой сцене. Но когда он женился на Блайт, он начал копить средства и сразу же купил это место. С тех пор он держится подальше от этой дорожки. Дорожки, не предназначенной для женатых людей. По крайней мере, так говорит мой папа.

Если он войдёт в эту дверь и увидит пьяную Саффрон, здесь начнётся ад. Она любительница неприятностей. Поэтому все ребята присматривают за ней и сдерживают от очередных глупостей. Ещё больше тех, которые она уже успела натворить. Я знаю, что она не успеет сделать и пять коротких шагов к Нейту, прежде чем Элай заблокирует ей путь. Затем Мика вынесет её, перекинув через плечо, словно мешок корма.

— Прости, Блисс, ты пялишься на его задницу. Это описание точнее?

Я смотрела на него. Бесплезно вести себя так, словно я не делаю этого. Кроме того, Саффрон однозначно пьяна и не вспомнит об этом. Не думаю, что вспомнит. Саффрон, пожалуйста, не упоминай об этом.

— Элай, давай потанцуем, — сказала я. Я больше не собираюсь продолжать этот разговор с пьяной Саффрон. Хотя она не собиралась отступить.

— Да! Элай, потанцуй с ней! Тогда она прекратит пялиться на мистера Горячий Как Ад, стоящего у бара! — Я вздрогнула, когда она прокричала свои слова именно в тот момент, когда затихла музыка.

— Кто-то должен утихомирить её, — я не стала говорить тихо. Ей было наплевать.

— Уже, — заверил меня Мика. — Последние полтора часа Дакота наливает ей только газировку. Ларисса сегодня не работает, но Дакота знает правила, когда дело касается Саффрон.

Саффрон нахмурилась.

— Это не честно. Я знаю, что вы обсуждаете меня.

— Жизнь ещё та сука, милая, — ответил Мика, что заставило Джимми засмеяться. Кто-нибудь должен и ему заказать газировку. Меня не волнует, что вскоре ему исполнится тридцать. Пришло время Джимми найти женщину и устроить свою жизнь. Успокоиться и перестать жить в барах. Его старший брат Brent изменился, женившись на Хлое. Джимми не заинтересован в этом. Кажется, он даже не смотрит в этом направлении.

Элай смотрел на Нейта, пока шёл ко мне. Его лоб был напряжён от беспокойства. Он

пока не встречался с повзрослевшим Нейтом. Он не видел его с того лета. Прошло достаточно много времени, чтобы Нейт смог забыть, так что я решила, что и Элай забыл.

Я надеюсь, что Элай забыл. Я знаю, что остальные тем летом видели Нейта лишь мельком. Мика единственный, кроме Элая и Лариссы, кто хорошенько рассмотрел парня, которому тогда было шестнадцать. Теперь он мужчина, и, хотя я узнала его, я абсолютно уверена, что они не узнают.

— Кто это? — спросил Элай.

Он вспомнит. Я слишком хорошо его знаю, чтобы понимать, что он не забыл.

— Жених моего босса.

— Почему он выглядит так знакомо?

Ну вот. Великолепная память Элая.

— Потому что это Нейт Финли, — призналась я. И стала ждать реакцию Элая.

Он остановился и несколько секунд смотрел на меня. Когда его глаза расширились, они стали просто огромными.

— Парень с того лета, — прошептал он перед тем, как посмотреть назад на Нейта. — Он жених Октавии?

— Да. — Теперь он спросит меня, почему я не рассказала ему об этом в магазине. Я мысленно досчитала до десяти, зная, что будет дальше.

— Почему ты сразу не сказала мне, кем он является?

Я пожала плечами.

— Он не помнит. Я не хотела, чтобы он услышал меня. Ты знаешь, мне нужна эта работа.

Он снова посмотрел на Нейта.

— Он помнит.

Я собиралась оспорить это, когда Элай обхватил рукой мою ладонь.

— Давай потанцуем, — сказал он.

Я хотела спросить у него, с чего он взял, что Нейт помнит. Чтобы разобраться в том, что Элай уже сказал, но я должна отпустить это. Кроме того, я изо всех сил притворяюсь, что Нейт не является Нейтом. Не тем Нейтом, которого я знала, а просто другим парнем, который, так уж вышло, известен под этим именем и собирается жениться на женщине, на которую я работаю. Вот и всё.

Мы протанцевали две песни до того, как встрял Мика, а затем я пару композиций танцевала с ним. Элай вернулся и прервал нас. Нам было необходимо доставить Саффрон домой.

— Не могу отвезти её домой в таком состоянии. Блайт охренеть как разозлится, — сказал Мика, и был прав. Её мать не будет рада. И, опять же, сумасшедшая Саффрон редко делает что-то, чтобы порадовать родителей.

— Она может остаться у меня, — сказала я им.

Элай презрительно усмехнулся.

— Не уверен, что это хорошая идея. Не хочу, чтобы Крит Корбин пришёл за моей задницей. Если узнает, что она пьяна и мы её прячем.

— Джимми должен отвезти её. Она его кузина, — вмешался Мика.

В самом деле? Когда вообще Джимми нёс ответственность за кого-то, кроме себя?

— Это ужасная идея, — ответила я. — С таким же успехом можно бросить её в канаву.

Элай кивнул в знак согласия.

— Мы можем обратиться за помощью к Холланд? — Бедная Холланд вынуждена минимум раз в неделю вытаскивать свою сестру-близнеца из неприятностей. Мне неприятно поступать с ней таким образом, но другого выхода просто нет.

— Да, я позвоню ей, — сказала я.

Казалось, оба парня были довольны этим. Я оставила их, чтобы вернуться к столику, где в сумочке лежит мой телефон. Я очень сильно старалась не смотреть на Нейта, пока шла по проходу. В итоге я не выдержала и позволила своему взгляду скользнуть туда, где он сидел, но его не было. И хотя я почувствовала себя расстроенной, что глупо, я знала, это к лучшему. Я не нуждаюсь в дополнительном соблазне.

Я могла пригласить Нейта за наш столик, чтобы он не был один. Но тогда бы все разговаривались, и он бы вспомнил, а моему смущению не было бы предела. То, что он забыл меня, забыл наше лето, является тем, что я предпочитаю сохранить в тайне.

— Твой парень ушёл! — крикнула Саффрон ещё до того, как я успела подойти к столу.

Я проигнорировала её. Что я ещё могла сделать?

— Он ушёл отсюда, выглядя как секс на грёбаной палочке, — добавила она.

— Почему она называет его твоим парнем? Ты же не рассказывала ей о том лете, не так ли?

Я резко огрызнулась на Элая:

— Конечно, нет. Она хотела подкатить к нему и поэтому спросила меня, кто он. Я сказала, что он жених моего босса и что мужчина очень даже занят.

Элай кивнул, но не выглядел довольным. Я переехала из родительского дома. Мне не нужно, чтобы Элай опекал меня и беспокоился обо мне, как это делали они. И он определённо знает об этом.

— Элай, прекращай хмуриться. Это было давным-давно. Я уже обо всём забыла. Кроме того, хоть раз в жизни я хочу, чтобы со мной обращались как с взрослым и самостоятельным человеком. Ты можешь, пожалуйста, сделать это для меня?

— Да, я знаю, что это ДР, — сказал он.

ДР означало до рака. Таким образом мы маркировали мою болезнь. ДР, ВР и ПР. До, во время и после.

— Отлично, — ответила я. Мы оба знали, всё, что является ДР, из другой жизни и эры Той, где мы не знали страха и боли, а если и знали то лишь временно. Мой рак сжёг наш идеальный мирок и показал нам, что жизнь хрупка.

НЕЙТ ФИНЛИ

Я здесь, как и обещал. Я просто пока не вышел из своего внедорожника. Я внутренне настраивал себя. Что было смешно, учитывая нашу историю. Она была лишь кем-то из моего детства. Той, которую я типа не помню, что объясняло, почему я сижу в своём автомобиле.

— Это высший уровень трусости, — сказал я себе.

Я разочарованно встряхнул головой, вышел из машины и направился к двери. К чёрному входу. Не к центральному. У Блисс есть вопросы относительно поставки. Я отвечу на них и уйду. Список вещей, которые я должен сделать, длинной в полторы мили ^[4] или больше, но я не могу оставаться там, рядом с Блисс. Наедине, где я могу видеть её и чувствовать её запах.

Октавия не будет рада, если вернётся, а её дерьмо не будет сделано. Я должен сегодня остаться и всё доделать. Перестать быть мудаком и прятаться. Она ничего не сказала о том лете. Может, она тоже забыла меня? Ложь. Я лгу сам себе. Как и я, Блосс помнит. Я видел это по её лицу в тот момент, когда наши взгляды встретились. Словно мы по-прежнему там. Словно мы молодые, счастливые и понимающие. Понимающие, что никогда не забудем этого.

Открыв заднюю дверь, я вошёл внутрь и встал как вкопанный, когда увидел попку Блосс. Зависшую в воздухе. Она хороша. Без преувеличений. Это шикарная попка, и я получаю наслаждение от её вида. Шорты задрались и идеально обтянули её шикарную задницу. Проклятье.

Затем она начала трясти этой попкой, продолжая находиться в согнутом состоянии. Вероятно, она слышала, как я зашёл внутрь. Она из-за этого попросила меня встретиться с ней? Чтобы потрясти передо мной своей задницей? Это не было ужасным планом. В данный момент это работает на неё.

— Shake it off, shake it off! — она пела довольно громко и, должен сказать, не фальшивила. Затем она выпрямилась и ещё немного потрясла попкой. В этот раз присоединились её бедра, и она сделала движения руками. Это было мило. Соответствовало движению её бедер. Блосс Йорк танцует и, почти уверен, понятия не имеет, что здесь зритель.

Она начала петь новую строчку, добавляя движения, пока распаковывала коробку. Порядочность требовала дать ей знать, что я здесь и не наслаждаюсь происходящим. Что было бы очередной чёртовой ложью. Думаю, на ней наушники, я не слышал слов, только музыку. Я не был порядочным. Я позволил двери позади меня с грохотом захлопнуться. Это не заставило её подпрыгнуть, так что я прислонился к стене, скрестив руки, и продолжил наблюдать. В конце концов, она обернётся и увидит меня. Блосс засмущается. Это не понравилось бы хорошему парню. Что же касается меня... однажды она была моей. Семь лет назад она разбила моё юное сердце. С таким же успехом я могу заставить её краснеть и смущаться. Кроме того, она подарит мне очень приятные воспоминания, те, которые я никогда не забуду.

Вероятно, песня «Shake It Off» закончилась. Внезапно она запела «Baby, This Is What You Came For». Я узнал песню. Я был впечатлён её исполнением песни Рианны.

Хотя ей не удалось пропеть всю песню. Она остановилась в тот момент, когда подняла руки, кружась, и издала визг, увидев меня, стоящего там. Я не двигался. Просто улыбался. Затем медленно заплодировал.

Она выдернула белый шнур своих наушников. Как и ожидалось, её лицо стало пунцово-красным, и я почувствовал долю вины. Но чёрт, на это было весело смотреть. Я мог смириться с тем, что был мудаком. Мне нравится видеть Блосс такой.

На мгновение она стала той девочкой, которую я помнил. Той, которая украсила то лето. А сейчас женщина, в которую превратилась Блосс, лишилась дара речи.

— Я надеялся ты дойдёшь до самой лучшей части песни. Думаю, ты поёшь её лучше, чем она. Определённо ты могла бы заставить её побеспокоиться о её гонорах.

Я подразнил её, чтобы она засмеялась. Это сработало, она сжала губы и громко захихикала.

— Как долго ты здесь стоишь?

— Достаточно долго, чтобы увидеть твой репертуар, состоящий из шевеления попкой,

тряской бёдер и впечатляющего танца шимми^[5], о существовании которого я и понятия не имел.

И она снова засмеялась и закрыла лицо обеими руками, пряча своё смущение.

— О боже!

— Я чёртовски сильно развлёкся.

Она покачала головой. Я подождал, пока она наконец-то не опустила руки и не улыбнулась огромной улыбкой Блисс Йорк. Это был удар ниже пояса. Словно не прошло столько времени и ей по-прежнему пятнадцать. Та же улыбка — настоящая, полная жизни. Возвращаясь назад, это то, что я обожал больше всего, Блисс наслаждалась абсолютно всем. Она во всех находила хорошее. Без ревности, зависти или другого негативного дерьма, которое я обычно слышал от девчонок своего возраста. Она так не поступала, в ней не было злости и подлости.

Когда-то я думал, что её улыбка самая красивая вещь, которую я когда-либо видел, потому что она настоящая. Никакой фальши. Увидев её снова, я понял, что она осталась прежней, неважно, что произошло после того лета, она по-прежнему та Блисс Йорк. Просто теперь она старше, более зрелая и ещё более красивая.

— Я ждала тебя позже. — Казалось, она пытается оправдаться.

— Очевидно, — согласился я.

Она вздохнула и снова засмеялась. Блисс кивнула подбородком влево. В сторону коробок сложенных в стороне.

— Мне нужно знать, что с ними делать. Три коробки с одним и тем же заказом. Я знаю, Октавия любит шарфы от Джимми Чу. Сюда доставили те, что она нашла в Италии, а затем ещё одну партию. Не думаю, что она хотела их в таком большом количестве. Она хотела иметь в наличии ограниченное количество шарфов, чтобы сделать их более эксклюзивными, а это кажется перебором. Думаю, здесь произошла ошибка.

То, как прекрасно Блисс понимала видение Октавией магазина, чертовски сильно впечатлило меня. Они встречались лишь однажды, на собеседовании. Блисс была внимательной и всё запомнила. Октавия поступила умно, приняв её на работу.

— Согласен. Она бы не заказала так много. Следующие несколько месяцев здесь будет жарко, как в аду. Мало кто будет покупать шарфы.

Блисс кивнула.

— Это я и имела в виду. Могла ли она заказать ещё и для магазина своего отца?

Это возможно. Я мог бы позвонить ей и спросить, но это то, на что обратила внимание Блисс. И Октавия должна узнать об этом от неё. Мою невесту трудно впечатлить, и она жёсткая там, где Блисс мягкая. Я хочу, чтобы Блисс преуспела и добилась успеха. Ей ничего не давалось просто так, в то время как Октавии, вначале дарили луну, а затем интересовались, не хотела бы она дом на её поверхности. Я признаю, что и мне было дано то же, но я научился ценить труд тех, кому приходится добиваться всего собственными силами.

— Позвони ей, расскажи и послушай, что она скажет.

Блисс нахмурилась.

— Ты хочешь, чтобы я позвонила ей?

У неё был испуганный голос, и на это есть основания. Октавия может быть грубой сучкой. Просто Блисс должна поразить её.

— Да, Октавия наняла тебя и должна услышать это от тебя.

Блисс начала покусывать свою нижнюю губу, и мне захотелось тоже сделать это.

Оторвав свой взгляд от её рта, я выругался про себя.

— Когда?

— Сейчас.

— Сейчас, прямо сейчас?

— Ага, прямо в эту секунду.

Она глубоко вдохнула, расправила плечи и просто ответила:

— Ладно. — Это одно слово прозвучало так, словно она собирается на бой. Это чертовски очаровательно.

— Спасибо, что заехал.

Я пожал плечами.

— Я в любом случае собирался приехать. У меня полно дел, над которыми следует поработать. Я буду здесь большую часть дня.

Она выглядела такой же удивлённой, как и я.

Октавия была в ярости из-за заказа. Она заставила меня взять счёт, полностью прочитать его ей, и, когда я озвучила ей баланс, она психанула, проклиная службу доставки и угрожая жизням тех, кто был в этом виноват. Должна признать, её гнев оправдан. Платить тридцать тысяч долларов за шарфы, которые ты не заказывала... любого бы хватил удар. Меня проинструктировали всё запаковать, хотя я и не распаковывала, только взглянула. Затем вернуть всё обратно. Поставщик допустил ошибку. И она вообще ничего не будет покупать у них. Я подумала, что это уже слишком: ей нужны вещи от Джимми Чу, и это была непреднамеренная ошибка, но я ничего не сказала.

Как только всё было исправлено, прибыла новая партия. Лёгкая обувь, купальники, в основном летняя одежда, которую она собирается выставить на продажу. Октавия не стала закупать больше десяти экземпляров одного товара, и размеры были только популярные. Если у кого-то размер выше восьмого^[6], он может держаться подальше от этого магазина. Она закупила размеры от нулевого^[7] до восьмого, и восьмой размер был только в одном экземпляре для каждого товара.

Я считаю, что это немного элитарно и эксклюзивно, но, собственно, этого и добивается Октавия. Это должен быть элитарный и эксклюзивный магазин. Чем больше я узнаю Октавию по нашим телефонным разговорам и сообщениям, которые она присылает мне, тем яснее понимаю, что она и оценивает всех по их социальному статусу. Я никогда не разделяла людей по их положению в обществе, потому что сама не хотела быть оценённой подобным образом. Это, естественно, заставляло задуматься о Нейте. Кем он стал? Кем-то, кого привлекает такое?

Я не хочу осуждать его. Я ничего не знаю об их отношениях, и делать какие-либо выводы будет несправедливо. Но я когда-то знала Нейта. Он был совсем не похож на Октавию. Он был представителем элитного общества и богат, однако он никогда не вёл себя заносчиво. В данный момент он стоял на лестнице в магазине, вкручивая причудливые лампочки в люстру, которую Октавия попросила его повесить.

После того как он сказал мне позвонить ей, он особо не разговаривал со мной. Ну, на самом деле, Нейт вообще не разговаривал со мной. Он оставался в передней части магазина, пока я работала в складском помещении. Сегодня утром был момент, когда я увидела блеск в его глазах, пока он смеялся над моими танцами. На секунду я подумала, что он вспомнил меня. Нас. Но он ничего не сказал.

Я пыталась не позволить этому расстроить меня. Я так же пыталась не позволить всплывшим воспоминаниям сделать меня грустной, враждебной и злой. Между нами была связь, эта связь прошла. Я больше никогда не испытывала такого. Мой опыт с мужчинами был ограниченным. Думаю, в этом и заключается основная проблема.

— Готова пойти пообедать? — спросил Нейт. Его голос напугал меня, я вздрогнула, отворачивая голову от купальников, которые рассматривала.

— Что? — пробормотала я. — Хм?

Он ухмыльнулся, и это было на удивление привлекательно.

— Ты ешь?

Я кивнула. Что за вопрос?

— Тогда ты готова пообедать?

О. Он спрашивал о моём обеденном перерыве. Я редко брала перерыв, если только приезжал Элай, а его здесь нет.

— Думаю, да. Я обычно не прерываюсь, если только Элай не приходит и не прерывает меня.

Нейт вынул из кармана ключи.

— Это вредит здоровью. Ты должна есть. Пошли. Я знаю хорошее место.

Я встала и посмотрела на него. Ключи зазвенели в его руках. Он хочет отвезти меня на обед? Нормально ли отнесётся к этому Октавия?

— О, э-э. — Я не знала что сказать. Хотя идея пообедать с ним и прокатиться в его внедорожнике была заманчивой.

— Прекращай слишком много думать об этом, Блисс. Пошли, поедим. Мы заслужили обед.

Мне удалось кивнуть и пройти к своей сумочке. Это нормально. Мы вместе работаем. В каком-то смысле он мой босс. Он хочет пригласить меня на дружеский обед.

— Хорошо.

— Вижу, ты не распаковала коробки. Наверное, она сказала отослать их обратно.

— Да. Она была не рада.

Он усмехнулся.

— Уверен, что так и было.

Вот оно. То, как он усмехнулся, словно знает её и она забавляет его. Он так по тёплому среагировал, что ревность сильно ужалила меня. Раньше я никогда с ней не сталкивалась, но сейчас ревность присутствовала, и это тяжело. Это отстойно. Какое ужасное чувство. Моя голова стала тяжёлой.

— Как давно вы вместе? — Я пыталась вести себя так, словно меня это не задело.

Нейт запер чёрный вход, и мы направились к его внедорожнику.

— С первого курса колледжа.

Колледж. Ещё кое-что, чего я лишилась. Точнее, я лишилась жизни в университетском городке. Все свои занятия я проходила онлайн, и осенью я закончу своё обучение. Затем буду работать преподавателем. Надеюсь, что школа, где я училась, примет меня на работу. Преподаватели начального образования не сильно востребованы. Не в нашем городе. Слишком много преподавателей, желающих преподавать на побережье. Возможно, я смогу поехать в другой штат. Может, в более бедный административный округ? Туда, где учителя нужны больше всего.

— Ты училась в колледже? — спросил он. Мне не хотелось отвечать на этот вопрос. Если бы он только знал о моём прошлом и о раке, это выглядело бы так, словно я выбрала короткий путь. Пошла по пути наименьшего сопротивления. Я могла бы всё объяснить, но тогда, как и любой другой человек, он моментально начнёт по-другому со мной обращаться. Словно я хрупкая и больная. Я не хочу быть больной девушкой. Я хочу быть нормальной, и это мой шанс наконец-то начать жить как мои друзья. И если он не помнит меня или то лето, я приму это как часть цикла нормальной жизни. Хотя в данный момент всё становилось сложнее.

— Да, — ответила я. И всё. Затем я спросила, где мы собираемся пообедать. Мне

необходимо сменить тему.

— В ресторане моего дедушки. У него лучший в городе по-бой^[8] из креветок.

Я ела в том ресторане семь лет назад. На самом деле, много раз. Вспомнит ли меня его дедушка? После того лета я больше никогда не заходила туда. Для меня это место было запретным. Я не хотела появляться там без волос, и чтобы его дед рассказал об этом Нейту, что, скорее всего, он бы и сделал. А для меня было слишком важно сохранить наше лето и воспоминания о нём. Каждый раз, проходя мимо этого места, я вспоминала Нейта. Я думала о нём и задавалась вопросом, часто ли он приезжал навестить своего дедушку. Теперь я знаю.

Я не знаю, что сказать. Если я начну расспрашивать его обо всём, тогда это будет выглядеть, словно я лгу. Поскольку уже знаю ответы. Так что я молчала. Он может сам рассказать, если захочет.

— Прошлым вечером в клубе ты была со своими друзьями? — Спасибо тебе господи, он сменил тему.

— По большей части — да, это мои друзья. Некоторые со мной с рождения. Все наши родители очень близки. Мы росли как семья.

— Пьяная девушка... — начал он, и я засмеялась.

— Саффон. Её отец владелец клуба. Большую часть времени она ходячая катастрофа.

— Она пригласила меня потанцевать. Вот почему я ушёл. Когда я отказался настолько вежливо, насколько могу, она начала тереться об мои бёдра. Мне нравится, когда горячие женщины трутся о мои бёдра, но она была слишком пьяна, и, как я думаю, она несовершеннолетняя.

Я поморщилась. Я упустила это.

— Ей девятнадцать. И она любит неприятности. Мой папа говорит, что её отец расплачивается за своё буйное прошлое.

Нейт рассмеялся.

— Раньше мама говорила то же самое обо мне. Что я расплата моего отца.

Нейт, которого я знала, не был нарушителем спокойствия. Я не знала его с этой стороны.

НЕЙТ ФИНЛИ

Я знал, что дедушка может узнать её. Но я в любом случае собираюсь отвезти её туда. Это импульсивно. Вероятно, глупо. Желание сделать что-то, что мы раньше делали, что заставит её вспомнить меня. Вещи, которые мы когда-то делали вместе. Но почему я это делаю? Я — тот, кто играет в молчанку. Я — тот, кто знает, кто сидит рядом со мной. Кем она является и что значит. Мне также не нужно ничего ей напоминать. Она не забыла.

Я заехал на парковку. Синий «шевроле» 1989 года моего деда был, как обычно, припаркован в конце. Мне нравится этот грузовик. Его вид успокаивает, «шеви», казалось, является признаком постоянства, потому что человек, владеющий им, всегда здесь. И он может заставить меня «вспомнить» прошлое. Если только я первый не подойду к нему и не попрошу его ничего не говорить.

Он считает меня ненормальным и, возможно, громко заявит об этом. Дедушка

ненавидит Октавию. Говорит, что она проблема и «надёжный путь к разводу». Он уже был разведён дважды. Женщина, с которой он теперь встречается, вдова, и они оба согласились, что брак не для них.

— Когда-нибудь была здесь? — спросил я Блосс, прекрасно зная, что она была здесь. Я просто хотел посмотреть, будет ли она честна.

Она несколько долгих секунд смотрела на ресторан перед тем, как перевести свой взгляд на меня.

— Да, — просто ответила она. Но при этом ответе её глаза загорелись, и я снова почувствовал себя мудаком. Но если я сейчас сознаюсь, тогда всё станет намного сложнее.

— Тогда ты знаешь, какая здесь вкусная еда. — Я должен был сказать больше. Но не сказал. Для нас обоих будет лучше, если я продолжу вести себя таким образом.

Она кивнула, но больше ничего не сказала.

Я должен выйти из этой машины. Создать дистанцию между нашими телами. Предпочтительно такую, чтобы я не мог чувствовать её запах. Или потянуться и прикоснуться к ней. Я как бы люблю Октавию. Люблю идею о «нас». Мы подходим друг другу. У нас горячий секс. Она не требовательная. Эти отношения были и продолжали быть самыми лёгкими, которые у меня когда-либо были. Я буду глупцом, если разрушу их.

Открыв дверь, я вышел наружу. Я глубоко вдохнул морской воздух, прочищая свой нос от сладкого запаха Блосс. Я услышал, как она открыла свою дверь. Моей маме было бы стыдно, что я не обошёл машину и не открыл для неё дверь. Октавия требует по отношению к себе такие вещи, хотя и не заслуживает их. С другой стороны Блосс однозначно заслуживает их. Октавия бы ждала, пока я подойду к её двери, а затем вышла бы так, словно это место принадлежит ей.

Блосс ждала, пока я прекращу смотреть на воду. Я должен взять себя в руки. Сложно предсказать, согласится ли дед играть по моим правилам. Я должен вмешаться прежде, чем он увидит её. Перетереть с ним и всё в таком духе.

— Пошли есть. — Я одарил её дружеской улыбкой и направился к двери ресторана. Она шла на шаг позади меня.

— Твой дедушка работает? — спросила она. Я посмотрел на неё. Она смотрела на его грузовик. Этот грузовик был у него с тех пор, как он переехал сюда. Блосс и раньше видела его. Она знает, что это его грузовик, и ей было интересно, узнает ли он её.

— Ага. Не пропускает ни дня.

Она нервно улыбнулась мне. Я открыл дверь, затем отступил назад и позволил Блосс первой зайти внутрь. По крайней мере, хотя бы это осчастливило бы мою маму. Даже если бы она не одобрила всё остальное, что я сделал по отношению к Блосс, и всю мою секретность. Включая и то, что я не открыл для неё дверь внедорожника.

Войдя внутрь, я заметил, как мой дедушка оживлённо разговаривает с барменом. Здесь он всегда был счастлив. Когда-то он был сломлен и находился в депрессии. Дедушка совершил несколько серьёзных ошибок, но моя мама простила его. Потому что его ошибки привели её к моему отцу. Это была волшебная сказка, которую я слышал слишком много раз. Они продолжали любить друг друга слишком сильно, учитывая реалии окружающего их мира. Со мной никогда такого не произойдёт. Это слишком глубоко. Слишком, мать вашу, глубоко. Люди больше не остаются вместе надолго. Я не собираюсь обжигаться. Я не смогу обжечься с Октавией. С ней безопасно. Не требуется практически никаких усилий.

— Выбери столик. Я сейчас подойду. — Затем я помахал деду. Он заметил, что я

направляюсь к нему, и улыбка растянулась на его лице.

— Посмотрите, кто не может держаться подальше от стряпни своего деда.

— Никто не может сравниться с тобой, — заверил я его. Ему нравится, когда ему это говорят, даже если это и не совсем правда. Это место по большей части является баром, хотя еда здесь намного лучше, чем в барах и кухнях на вынос. Его по-бои и вправду великолепны.

Он вышел из-за бара. Раскрыл объятия и притянул меня к себе.

— Не видел тебя несколько дней. Где ты питался?

— Перехватывал то там, то здесь. Работал над делами Октавии.

При упоминании её имени он нахмурился. Дедушка не одобрял. Затем его взгляд упал на Блосс, и он замер. Я дал ему минутку, в которой он нуждался.

— Будь я проклят, это прекрасно. Рад, что ты нашёл её. Вспомнил, что такое хорошая женщина.

— Я не искал. Она работает на Октавию. Я не сказал ей, что помню её. Она считает, что я забыл то лето и её, и мне бы хотелось всё так и оставить. Она хороший работник, и Октавии хоть кто-то нужен, поэтому, пожалуйста, не усложняй.

Дедушка не ответил. Выражение его лица сказало мне намного больше. Он считает, что я потерял рассудок.

— Ты что сейчас издеваешься надо мной?

Я покачал головой.

— Ну, чёрт возьми.

— Просто будет легче, если наше прошлое останется в прошлом.

— Легче, чем что? Правда? — Он вздохнул. — Я буду держать рот на замке, но не ради тебя и твоей зазнобы — невесты. Я сделаю это ради девочки, сидящей там. Она милая. Не стоит её обижать. Они собирали деньги, когда она была больна. Я пожертвовал по-бои на мероприятия в общине. Даже со страховкой, которая, как правило, наёбывает тебя, её больничные счета были слишком большими. Я понятия не имею, как её родители смогли выкрутиться. Это словно играть в проклятые кости.

Больна? Что? Какие счета?

— Я не знаю, о чём ты говоришь.

— Девочка поборола рак. Боролась и победила в этом сражении. Сильная девочка. Город действительно любит её.

— Рак? — Что он имел в виду, чёрт возьми, говоря, что у неё был рак?

Он кивнул.

— Да. У неё много друзей в Си Бризе. И все эти люди до смерти боялись за неё.

Я оглянулся на Блосс. Позволяя его словам осесть во мне. Я бы никогда не подумал, что она прошла через такое. Она была более зрелой, менее наивной, но я считал, что всё это пришло с возрастом. А не после столкновения со смертью. Она не смотрела в нашу сторону. Она усердно изучала меню.

— Когда она заболела? Почему ты не сказал мне?

— Всё это произошло после того лета. Того, что ты провёл вместе с ней. Я решил, что ты знаешь. Не хотел расстраивать тебя, говоря о неизбежном. Я собирался позволить тебе самому начать этот разговор, если бы ты захотел. Тогда ты был ещё ребёнком. Мне было ненавистно, что ты так быстро узнаешь всё уродство этого мира.

Блосс оторвала свой взгляд от меню. Она улыбнулась, и я заметил вспышку печали в её глазах и на её лице. Я не замечал этого раньше, но это было там: надежда, печаль и что-то

ещё... радость. Блсс была счастлива. Не потому что она не знала борьбы и страха, а потому что она столкнулась с ними и победила. Чёрт, я сильно влип.

Прежде чем Нейт вернулся к столику, я перечитала меню раза три. И к тому времени я уже знала наизусть его содержимое. Я чувствовала, что он смотрит на меня. Это заставляло меня нервничать, что было и плохо, и хорошо, а затем это всё смешалось. Мне было интересно, напомнил ли ему дедушка обо мне. Если напомнил, изменится ли всё в одно мгновение? Закончится ли моя работа у Октавии?

Когда Нейт присел рядом со мной, мои нервы были на пределе из-за напряжения, вызванного возможными последствиями их разговора у бара. Я не могла оторвать взгляд от меню, которое знала наизусть, пока Нейт не заставил меня расслабиться:

— Нашла то, что хотела бы съесть? — спросил он обычным тоном. В его голосе не было ничего, что заставило бы меня беспокоиться о том, что он узнал или мог знать. Возможно, его дедушка забыл, кто я. Может, они просто обсуждали то, что Октавия наняла меня на работу и что это обычный обед между коллегами.

— Думаю, что поверю тебе и выберу по-бои с креветками. — Когда я договорилась, я улыбнулась и уверено посмотрела на него.

Он кивнул.

— Хороший выбор. Умный ход.

Я почувствовала, как моя улыбка задрожала и быстренько перевела взгляд на его деда, который внимательно наблюдал за нами. Заметил ли он, как я отреагировала на его взгляд? Знал ли он, что я знаю, что он знает... уф, я схожу с ума. Не смотря в меню, я прокручивала список закусок у себя в голове. Затем я проверила, чтобы убедиться, что была права. Безошибочно. Я схожу с ума?

— Не могу поверить, что ты не часто приходишь сюда. Это место довольно популярное. — Он что теперь проверяет меня? Ищет зацепки? Боже, этот обед такой утомительный.

— Я немного ем. — Я не собираюсь лгать.

Кажется, он не удивлён и не озадачен моим ответом. Кажется, он, как всегда, расслаблен.

— Ну и когда ты была здесь в последний раз?

Я слегка пожала плечами.

— Много лет назад. Здесь всё как раньше. — Даже просто произнести эти слова было сложно. Зная, что он не хранил эти воспоминания глубоко в сердце в отличие от меня. Или вообще хоть где-нибудь.

Должно быть, была целая вереница девушек после меня. Я смешалась со всеми этими женщинами. Я просто ещё одно имя в его списке. Я поморщилась. Мне хочется надеяться, что у него нет списка женщин.

— Думаю, здесь особо ничего не поменялось. Какое было твоё любимое блюдо, когда ты раньше приходила сюда?

Чтобы выбрать любимое, я должна была бы попробовать хотя бы несколько блюд. Он уверен, что я была здесь не раз. Или я вижу в его вопросе то, чего в нём нет?

— Я не бывала здесь достаточно часто, чтобы выбрать любимое.

Он усмехнулся и перевёл свой взгляд на бар, где, как я знала, за нами наблюдает его дед. Возможно, он что-то напомнил Нейту о прошлом?

— Ты права. Я был уверен, что попробовав здесь еду однажды, ты захочешь постоянно возвращаться сюда. Моя ошибка. Прости меня. Мне жаль.

Моё сердце слегка замедлилось. Вот и всё. Всё, что он имел в виду. Мне становится больно каждый раз, когда я сталкиваюсь с тем, что Нейт забыл меня. Мне бы хотелось, чтобы это было не так, но боль слишком сильная. Возможно, мне бы не было так больно, если бы у меня было больше опыта в отношениях с парнями. Те не многие из них, с кем я встречалась, не являлись чем-то запоминающимся. Они не могли сравниться с Нейтом. Я никогда не могла увлечься ими потому, что они не были Нейтом, что является моей личной проблемой. Мне просто хочется, чтобы и он точно так же относился ко мне.

Теперь кажется, что те парни — хотя их и было только несколько — были не так уж плохи. Всё это время я была заиклена на фантазии, которой очевидно не должно быть. Я недостаточно важна, чтобы меня помнить.

— Октавия не стала бы здесь есть. Это ниже её уровня. Дед говорит, что я должен это учесть. По словам старика, сидящего вон там, девушка, которая войдёт в эти двери, должна быть хранительницей очага.

Я не стала отвечать на это. Это не моё дело, хоть я и согласна: ты должен признавать членов своей семьи. Это ресторан его деда. Октавия должна хотеть приходить сюда. И всё же я встречалась с Октавией. Она не из тех, кто внимателен к другим, если это не приносит ей пользу. Она делает только то, что хочет.

— Когда вернётся Октавия? Она ничего не сказала по телефону.

Нейт пожал плечами.

— Будь я проклят, если знаю. Она появляется и исчезает по собственному желанию. Ты достаточно скоро убедишься в этом.

Это не похоже на здоровые отношения. Это то, чего хочет Нейт? С кем хочет провести остаток жизни? С богатой девушкой, которая ведёт праздную жизнь и управляет бизнесом ради развлечения? Нет, это не справедливо. Октавия усердно работает, чтобы создать этот преуспевающий бизнес. Конечно же, её отец был рядом, когда она в нём нуждалась, с безлимитным количеством денег, но она не виновата в этом.

— Где ты и твои друзья тусили в старшей школе?

Вопрос Нейта возник из ниоткуда. Я не хочу на него отвечать. Моя жизнь в старшей школе была не такой, как он думает. Говорить правду было бы слишком. И тем не менее я не собираюсь лгать, так что я выбрала нечёткий ответ.

— То там, то здесь. Здесь не особо широкий выбор, если хочешь держаться подальше от туристов.

Он усмехнулся.

— То там, то здесь? Серьёзно? Это всё, что я получу?

Я пожалала плечами и перевела вопрос на него:

— А где тусил ты и твои друзья?

— В загородном клубе «Керрингтон». На пляжах и в клубах Дестина. — Он сделал паузу и закончил, подмигнув мне: — Вот как надо отвечать на вопрос.

Я вздохнула. Он прав.

— Я немного гуляла. Большую часть времени я проводила дома. Элай мой

единственный близкий друг.

Вот это уже правда. Это всё, что он получит от меня.

— Почему? — Он нахмурился, но не из-за замешательства, он давил на меня, чтобы получить больше информации. Он любопытен. Мне придётся ответить.

— Потому что я была интровертом. Мне нравился мой дом и чувство безопасности в нём. Я не хорошо лажу с людьми, а Элай понимает меня. Это работало потому, что должно было работать. У меня не было выбора.

— Ты не похожа на интроверта.

Он не знал девочку, которая боролась с раком. Он знает выжившую. Ту, которая осталась. Мои жизни «до» и «в» период рака являются абсолютно разными.

— Люди меняются. Меняются обстоятельства.

Его дедушка появился с двумя кружками пива и поставил их на стол.

— Вы решили, что будите заказывать?

Я ненавижу пиво. Но держала рот на замке. Я могла бы проглотить его, чтобы прополоскать рот после еды.

— Два по-боя с креветками и чипсами, которые ты делаешь. Солённые. У меня низкое кровяное давление.

Его дедушка кивнул, затем улыбнулся мне, когда наши взгляды встретились.

— Рад, что ты вернулась, — сказал он. Затем ушёл.

Я стала куском льда. Не уверенная, должна ли я посмотреть на Нейта.

— Видимо ты произвела впечатление на деда, когда приходила сюда раньше. — Он откинулся назад и сделал глоток пива. — Ты вообще пьёшь пиво? — спросил он.

Я покачала головой. Он махнул официантке.

— Джойс, можешь принести Блисс... — Он посмотрел на меня, ища ответ на вопрос.

— Сладкий чай, — ответила я. — Спасибо.

Джойс кивнула.

— Конечно, — затем она ушла, виляя бёдрами для Нейта.

— Старик считает, что весь мир пьёт пиво, — пробормотал он, хотя, скорее, прошептал. Затем перешёл на нормальный тон. — У тебя был любимый предмет? В старшей школе или после неё?

Вопросы продолжали носить всё тот же характер. Каждый вопрос заставлял меня задумываться, как на него ответить. Сохранить мою тайну было сложно, но каким-то образом мне это удалось.

НЕЙТ ФИНЛИ

Это было всем, о чём я мог думать в воскресенье. О чёртовом обеде. Обо всех ответах, которых она избегала. Было не честно спрашивать её. Очевидно же, что она пыталась изо всех сил скрыть этот секрет от меня. Вместе с тем, кем она для меня является. Это моя вина. Она считает, что я не помню её, и, проведя с ней время, я осознал, что то, что она не напоминает мне, хорошо только для меня. Не для неё.

Блисс, в которую я влюбился тем летом, была всё той же. Теперь она жёстче и знает, какой уродливой может быть жизнь. Девочка стала женщиной, столкнулась со страхом и

победила, но её сердце не изменилось. Внутри неё доброта, которую вы не смогли бы изменить. Которая заставляет задуматься о ваших отношениях. Если бы эти отношения были с Блосс, это сработало бы?

Почему, чёрт возьми, я заикнулся на этом? Это путь к катастрофе. Отношения без драм то, что ищут все мужчины. Я не собираюсь всё это испортить из-за Блосс. Даже если она и заставляет меня чувствовать то, что я уже давным-давно не чувствовал. Её улыбка напомнила мне, что где-то там есть женщины, которые заботятся не только о своих нуждах и простом удовлетворении своих эгоистичных желаний.

Я никогда не хотел быть таким уязвимым, как мой отец. Хотя моя мама никогда бы не причинила ему боль... что, если... я имею в виду, что, если бы он потерял её. Он не смог бы жить, если бы она умерла. Он бы последовал за моей мамой. Конечно же, он любит своих детей, и у него прекрасная жизнь, но мама — его номер один. Его вселенная. Чёртова необходимость. Это дерьмо пугает до чёртиков.

Октавия никогда не будет моей вселенной. Я защищён от этой сердечной боли. Я смогу продолжать жить и дышать, если с ней что-нибудь случится. Конечно же, мне будет грустно, но я не умру из-за этого, и это нормально. Это всё, чего я хочу в жизни. Слишком мелко? Да. Но безопасно. По крайней мере, я убедил себя в этом.

Я был выдернут из своих мыслей, когда кто-то врезался в меня и уронил коробку к моим ногам. Книжки разлетелись повсюду.

— Прости, мужик, я не увидел тебя. Виноват. Был невнимателен. — Это был Элай. Он стоял передо мной.

Его взгляд переместился на меня, и он выпрямился. В его глазах было узнавание, и он не скрывал этого в отличие от Блосс. Разговаривала ли она с ним обо мне? Считает ли он, что я помню то, что она считает забытым мной? Боже мой, это так запутывает.

— Пожалуйста, скажи, что у тебя нет здесь квартиры, — были слова, сорвавшиеся с его губ. Если бы это был кто-нибудь другой, я посчитал бы это грубостью. Но я понимаю и уважаю его озабоченность. Блосс много для него значит. Интересно, значит ли она для него что-то большее? Я не мог представить, что они просто друзья. Я считаю, что такое невозможно, чёрт возьми. Но, конечно, это лишь моя позиция. Элай может быть другим.

— У моего деда, — ответил я. Не то чтобы дед вообще жил здесь. Он постоянно в баре. Я сказал, что приду днём и поем с ним воскресный обед. Это единственный день недели, когда он проводит обеденное время дома. По воскресеньям бар закрыт до шести вечера. Это день что-то вроде его выходного.

— Прекрасно, — пробормотал Элай, наклонившись, чтобы поднять книги. Я мог бы уйти и оставить всё как есть, но я хочу получить больше информации. О чём? О Блосс, вот о чём. Я не собираюсь давать волю своим чувствам. Но я также не достаточно силён, чтобы держаться в стороне. То, что я не знаю о её прошлом, является пустотой, которую я должен заполнить.

Более того, я знаю, что в конце, когда она уйдёт, всё это причинит мне боль. Я напрашиваюсь на это. Обычно я игнорирую драматизм. В этот раз, видимо, я сам приветствую его. Моё страстное желание узнать Блосс побеждает моё собственное чувство самосохранения.

— «Гордость и предубеждение», «Грозовой перевал», «Джен Эйр»... интересный выбор чтения. — Я вёл себя как мудака. Это книги Блосс. Она любит читать, и книга «Гордость и предубеждение», насколько я знаю, навеки стала её любимым романом. Надеюсь, этот козёл

не помял их, словно неуклюжий сукин сын.

— Не могу пройти мимо хорошего романа, — ответил он с язвительным сарказмом. Он не собирается признавать, что это книги Блисс. Почему? Потому что он не знает, что я в курсе того, что они живут вместе как друзья? Он защищает её от меня. Умный мужик.

— Не могу сказать, что предпочитаю этот жанр, но каждому своё.

Затем с силой, которая не требовалась, Элай положил в коробку «Разум и чувствительность», встал и посмотрел на меня.

— Не каждый может увидеть хорошее, даже когда оно бьёт его по лицу.

Он начал уходить, и я должен был позволить ему это сделать, копать глубже не имеет смысла. Я ему не нравлюсь. Возможно, он ненавидит меня. Блисс сказала обо мне что-то плохое? Если так, тогда это хреново. Потому что, кроме как в моей «потери памяти», в остальном я был приветливым. Я думал, что вчера она наслаждалась временем, проведённым со мной у моего деда.

— Как давно она поборола рак? — Слова вырвались прежде, чем я смог остановить их.

Он застыл. Мы стояли там, кажется намного дольше, чем было на самом деле. Моя голова стучала от осознания того, что я только что признался, что помню её. Что знал её прежде. Он расскажет ей. Теперь мне придётся столкнуться с прошлым.

Когда он наконец-то развернулся, чтобы посмотреть на меня, в выражении его лица была какая-то твёрдость. Элай казался спокойным. Добрым и нежным, из тех, кому она должна принадлежать. Он был парнем, который верит в сказки и, вероятно, может воплотить их в жизнь.

— Ты помнишь, — всё, что он сказал.

Я кивнул.

— Пошёл ты, — был ответ, который я заслужил. Затем он направился к лестнице.

Я стоял там и ждал, если он вдруг решит вернуться за ответами. Спустя пять минут я понял, что он не вернётся, так что я направился к квартире деда. Она была расположена на нижнем этаже.

Элай немедля расскажет ей. Она будет знать, когда я увижусь с ней на работе. Моему притворству придёт конец, и нам придётся с этим справиться. Большая часть меня чувствовала облегчение.

Но какая-то маленькая часть меня была в ужасе. От того, что мы скажем друг другу и как теперь будут складываться отношения между нами. Насколько я силён? Скоро я это узнаю.

Я постучал один раз, и дверь квартиры моего деда распахнулась, ударяясь об стену. Запах гамбо^[9] ударил мне в нос. Передо мной стоял мой дед в чёрном фартуке, на котором белыми буквами было написано: «ПОЦЕЛУЙТЕ ПОВАРА». На нём ещё были маленькие белые отпечатки рук, принадлежащие мне, когда я был намного младше. Там также были отпечатки рук моих сестёр. Моя мама сделала этот фартук для него на Рождество пятнадцать лет назад.

— Ты вовремя. Я уже собирался есть без тебя. В холодильнике есть пиво. — Затем он вернулся на кухню.

Я закрыл за собой дверь. Мои мысли дрейфовали, пока я рассматривал квартиру. Была ли квартира Блисс такой же? Была ли её спальня там, где была дедушкина комната для гостей? Или же Элай отдал ей хозяйскую спальню? Или же они спали вместе в его постели?

Грёбаные мысли. Я плохо справляюсь. Я направился к холодильнику за пивом, которое,

скорее всего, будет первым из огромного количества, которое я выпью позже.

Весь день Элай вёл себя странно. Словно нервничал или волновался, или был чем-то раздражён. К тому времени, как мы должны были уходить на вечеринку в честь трёхлетия Джилли, он едва сказал больше пяти слов. Мы должны были отправиться в дом его бабушки и дедушки. И я с нетерпением ждала поездки. А ещё я хотела расспросить его, что случилось. Но мы можем опоздать из-за вопросов, а он не должен опаздывать.

Джилли кузина Элая. А ещё самая маленькая в нашей компании. Было весело иметь рядом малыша. Когда-то я думала, что они никогда не перестанут рождаться. Затем, когда прошло время и мы все выросли, наши родители прекратили производить потомство.

Беременность Лариссы была волнующей, даже после того, как отец ребёнка сбежал. Мы все, сплотившись, поддерживали и помогали ей, и ребёнок был достаточно любим, несмотря на отсутствие отца.

— Что ты ей купил? — спросила я. Я пыталась заставить его заговорить, хотя сомневалась, что преуспею в этом.

— Водяной пистолет Человека-паука.

Возможно, это странный подарок для трёхлетней девочки. Но не для Джилли: ей это понравится. Она большая фанатка Человека-паука. Пригласительные на день рождения были в стиле Человека-паука, и я думаю, что и вечеринка будет в этой же тематике.

— А ты?

— Художественный набор.

— Он понравится ей.

— Я тоже так подумала, когда покупала его на прошлой неделе.

С подарками в руках, мы направились к двери. Я решила спросить его, что случилось. Я позабочусь, чтобы мы не опоздали. Ну не могу я провести весь вечер, не зная, что расстроило Элая. Что-то беспокоит его.

— Выкладывай, — потребовала я, прижав руку к двери и не позволяя ему выйти.

Он попытался нахмуриться, изображая замешательство, выгнув бровь, словно не понимает, что я имею в виду. У него ничего не получилось, но он всё равно попытался:

— Что? Что выкладывать? Я сбит с толку.

Я закатила глаза. В этом он неудачник.

— Ты знаешь что. Ты чем-то расстроен или же у тебя вопрос жизни и смерти, связанный с наркокартелем или бандой. Я очень сомневаюсь, что последнее. Ты даже болеутоляющие не принимаешь. Не думаю, что ты бы влез в такое.

Он вздохнул и посмотрел на меня. Выражение его лица говорило: «Я не хочу говорить» — но он заговорит, или я разозлюсь.

— Дед Нейта живёт в этом здании.

В этом проблема? Он из-за этого расстроен? Временами Элай может быть таким же драматичным, как и женщины, так что я ответила:

— И... уф... что с того?

Он пожал плечами.

— Просто мне не хочется, чтобы ты сталкивалась с ним больше, чем это необходимо.

Вот оно — он снова беспокоится. Как он всегда это делал и будет делать.

— Элай, я говорила тебе, что я большая девочка. Перестань опекать меня и беспокоиться обо мне. У меня всё в порядке с Нейтом. Я вижу с ним на работе. Я работаю на его невесту.

Элай не выглядел убеждённым. И однозначно ему не стало легче. Я открыла дверь, прежде чем потеряю терпение и ещё больше разозлюсь на него. Он перегибает палку. Я решила, что это будет потерей моего времени.

Мы вышли из квартиры и направились к лестнице. Мне хотелось сказать больше, но я держала рот на замке, потому что лучше будет сменить тему.

— Ты взял с собой плавки? — спросила я его. Мой купальник у меня под сарафаном. У дедушки и бабушки Элая есть великолепный бассейн на пляже, и это вечеринка в купальниках.

Он кивнул.

— Да.

Он по-прежнему прибывает в плохом настроении? Серьёзно?

— Элай, в чём твоя проблема? Я должна быть той, кто злится. Ты ведёшь себя просто смешно.

Мы дошли до последней ступеньки, когда на горизонте появился Нейт. Он шёл в сторону парковки. Я затормозила, и его взгляд остановился на нас. Он смотрел то на меня, то на Элая, затем остановился. Словно ждал, что что-то произойдёт.

— Мы опоздаем, — сказал Элай, беря меня за руку и таща вперёд.

— Нет, не опоздаем, — не согласилась я.

— Опоздаем, если ты остановишься и заговоришь.

— Я просто собираюсь проявить вежливость.

— Ему не нужна вежливость. Он, блять, не заслуживает её.

Я дёрнула руку и освободилась от Элая.

— В чём твоя проблема? Ты злишься на него, потому что он не помнит меня? Элай отпусти это. Это было давным-давно. Я была ребёнком. Я изменилась. И он тоже.

Я переключила своё внимание на Нейта. Он наблюдал за нами, словно ястреб. Словно ожидал, какого-то взрыва. У меня появилось чувство, что здесь происходило что-то, о чём я не знаю. Разговаривали ли они сегодня? Прозвучали ли какие-то слова? Сказал ли Элай что-то, что не должен был говорить?

— Что происходит? — спросила я у Элая шёпотом. Да, что-то произошло.

Он посмотрел на Нейта.

— Ничего. Вообще ничего.

— Элай, — предупреждающе начала я. — Что-то происходит. — Он знал, что я докопаюсь до правды. Теперь нет смысла скрывать её.

— Почему бы тебе не спросить у него? — Его голос был полон злобы, пока он продолжал прожигать Нейта взглядом. Затем Элай отошёл, оставляя меня с Нейтом. Я наблюдала, как он подошёл к машине, абсолютно сбита с толку его поведением.

Снова вернув своё внимание Нейту, я спросила:

— Что, чёрт возьми, происходит?

Нейт выглядел таким же сбитым с толку, как и я.

— Не уверен. Он был действительно расстроен.

Замечательно, Элай просто так сходит с ума, и для этого нет никаких причин. Нейт бы знал, если бы что-то случилось.

— Прости. Он весь день ведёт себя странно. Я пытаюсь выяснить, что его беспокоит.

Нейт кивнул, словно понял.

— Ну, тогда увидимся завтра, — сказала я и собралась направиться к машине.

— Блосс, — его голос остановил меня.

— Да?

Он пристально смотрел на меня несколько секунд. Это заставляло меня нервничать, мне хотелось причесать волосы или проверить, не застряло ли что-то у меня в зубах. Эти серебристые глаза делали меня размазнёй. Они всегда имели на меня такое влияние и всегда будут.

— Когда ты поборола рак?

Я почувствовала себя сломленной. Моё сердце рухнуло вниз. Прямо здесь, потерявшись в его глазах. Он помнит. Я не незнакомка. Я здоровая женщина, которая работает на его невесту. Не девочка, которую он когда-то знал. Я была ПР — не ДР. А это совсем разные люди. Совершенно разные.

Он больше никогда не посмотрит на меня как раньше. И я знала, что в этом виноват Элай.

НЕЙТ ФИНЛИ

Вот. Она знает. Я больше не мог это скрывать. Знание того, что она боролась с раком и победила его с тех пор, как мы в последний раз виделись, заставляло меня чувствовать себя ещё большим ублюдком из-за того, что я притворяюсь, что не помню её. Когда она продолжала молчать. Не напоминая мне. Не пытаюсь заставить меня вспомнить её. Большинство девушек было бы расстроено и устроило бы драму, нуждаясь в том, чтобы привлечь к себе внимание.

Но не Блосс. Она вообще ничего не сказала. Она выполняла свою работу и улыбалась, когда я подходил к ней. Радость, которая изначально привлекла меня к ней, по-прежнему была там, словно никогда и не покидала её. Даже после всего того, через что она прошла. Я самый большой мудака в мире. И я намереваюсь всё исправить. Если это под силу человеку, то я сделаю это.

— Кто рассказал тебе? — Она наконец-то заговорила. Какое-то время она пристально смотрела на меня, словно не была уверена, что ей сказать или что правильно расслышала меня. В ней была печаль. Она не хотела, чтобы я знал. Но почему? Возможно, я не заслуживаю этого.

— Это имеет значение?

Она кивнула.

— Да. Имеет.

— Блосс, пошли, мы опоздаем, — позвал её Элай. Она не посмотрела на него и не ответила. В её глазах мелькнула вспышка гнева, и я понял, что она злится на Элая.

— Это не он рассказал мне, — сказал я, даже не знаю почему. Мне вроде как нравилась идея, что она злится на него из-за чего-то подобного. Он так идеально вписывается в её

жизнь. У Элая есть возможность быть с ней каждый момент дня, какой бы он ни выбрал. У меня такой возможности нет. Мне не дана Блосс. Вместо неё я выбрал Октавию.

— Тогда кто? — снова спросила она, на этот раз с очевидной злостью в голосе. Это было сексуально, она никогда не была злой или даже, чёрт побери, раздражённой. Ей шёл вид «до чёртиков обзлётная».

— Мой дед. Он думал, что я знаю, и упомянул это, когда мы обедали в его ресторане.

Её злость быстро испарилась. И мгновенно вернулась печаль. Она несколько секунд молча стояла на месте, смущённая.

— Ладно, — прошептала она, разворачиваясь чтобы уйти, но я не мог отпустить её.

— Подожди, — окликнул я Блосс. Теперь она знает правду, что я мудака и обманщик, и она даже ничего не сказала по этому поводу. Я нуждался в большем. В пощёщине? Она могла бы и наорать на меня, если бы захотела.

Она остановилась и с очевидным вздохом повернулась ко мне для разговора.

— Прости, — всё, что я смог сказать. Я сожалею об этом больше, чем о чём-либо ещё, сделанном в своей жизни.

— За что?

Ей что, действительно необходимо спрашивать об этом? Думаю, причина и так очевидна. У меня тонна дерьма, за которое я хочу попросить прощения.

— За то, что позволил тебе поверить, что не помню тебя. Я думал, что это к лучшему. Но это было неправильно. Было жестоко так поступать.

— О. Я просто подумала, что меня легко забыть. — Она пожала плечами и опустила голову. — Это было давным-давно. С тех пор мы оба прожили целую жизнь.

Она пережила ад, который изменил её. Лишил Блосс опыта, который у неё должен был быть, но она не жаловалась из-за этой потери.

— Мне бы хотелось узнать женщину, которой ты стала. Однажды мы были друзьями, прежде чем я поцеловал тебя. Мы снова можем стать друзьями.

Как только я это произнёс, я осознал, что на самом деле у меня мало настоящих друзей. Её отношения с Элаем уникальны. У меня таких ни с кем нет. Такие отношения могли бы быть у меня с Лилой Кейт, если бы наши мамы не имели намерений свести нас. Мы никогда не были слишком близки. Надежды наших мам стали бы ещё больше, если бы мы сблизились.

Октавия не была моим другом. Мы не много разговаривали. Она говорила о своём магазине, вечеринках и свадьбах, на которых надо появиться, и обо всём таком. То, как мы вчера разговаривали с Блосс в ресторане моего деда, было тем, чего мне хотелось больше всего. Возможно, я нарываюсь на неприятности. На целую кучу неприятностей, чёрт побери, но я хочу этого.

— Не думаю, что это возможно, Нейт. — Когда она это говорила, её голос был тихим и подрагивал, словно она не хотела произносить этого или не верила собственным словам. Затем она оставила меня там. Наблюдающим за её уходом.

Элай ждал в своей машине. Выражение его лица говорило само за себя. Возможно, она воспринимала его как друга, но он видел в ней намного больше. Думаю, он всегда относился к ней именно так. В нём ощущался инстинкт собственника. В том, как он придерживал для неё дверь и наблюдал за мной. Желая знать, заговорю ли я.

Я встретил его взгляд, и в нём отчётливо читалось предупреждение. Он молча предъявлял свои права. Это было только для меня. Я всё понял. Это имеет больше смысла,

чем то, как воспринимает это Блосс. Для подобной девушки парень не может быть «просто другом», не тогда, когда она выглядит как Блосс. Любой чёртов мужик захочет от неё большего. Она идеальное проявление красоты и невинности, в ней нет ничего уродливого ни внутри, ни снаружи, и ты можешь это видеть.

Кроме как в Блосс, я больше ни в одной женщине никогда не видел такой комбинации, и поверьте, я искал в них это. Много. Намного больше, чем должен был. После проведённого с ней лета, я каждую женщину мерил по её стандартам. Пока не убедил себя, что то, что я помню, это иллюзия, потому что мы все несовершенны. Я отпустил ситуацию, и красотки, последовавшие за этим, были просто обладательницами великолепных тел. Это был их способ выгоднее преподнести себя.

Октавия была выбором «без драм». Лёгким, не бросающим вызова и простым. Она была облегчением. Что, как я думал, я и искал. Пока не вернулся сюда. Пока снова не увидел Блосс. Тогда я вспомнил, чем на самом деле является совершенство. Тем, чего у меня не будет.

Элай открыл для неё дверь, и я наблюдал, как она забирается внутрь машины. Он что-то сказал Блосс, она только кивнула, и Элай быстро закрыл дверь. Он снова посмотрел на меня. Если бы Блосс была кем-нибудь другим, я бы принял вызов. И победил бы. Я всегда побеждаю. Но это не та игра, в которую я стану играть.

Она та, к которой я не имею права прикасаться, и я знаю это. Мой мир не для неё. Она из Си Бриза и её мир здесь. Мой мир находится в другом месте и ждёт меня. Сбежать к чертям из одного прибрежного городка и осесть в другом — не вариант. Это был бы ещё один чёртов прибрежный городок.

То, что я хочу, это дружба с Блосс. Дружить с ней — будет самой сложной чёртовой вещью, которую я когда-либо делал, но я смогу с этим справиться. Элай — тот, кто необходим Блосс. Я же создан для таких, как Октавия. Неважно, во что верит моя мама. Поскольку она считает по-другому. А у меня нет смелости сказать ей, насколько она ошибается в своём сыне.

Я сын своего отца. Но в моей жизни не будет Блэр, которая спасёт меня. Я не открыт для этого. Блосс не сможет изменить меня. Я просто хочу, чтобы эти летом у нас были такие же отношения, как и тем. Хочу почувствовать себя по-настоящему счастливым, полным надежд и живым, как было однажды. Временами жизнь показывает нам тёмную сторону. Блосс знает об этом лучше любого другого. И всё же она живёт с улыбкой, сохраняя надежду в своём взгляде. И я мог бы наслаждаться этим три месяца.

Преодолеть препятствие в виде Элая — проблема. Он не доверяет мне. Я ему даже не нравлюсь. Я задумался о том, как же сильно он ненавидел меня семь лет назад. Блосс была наивной и не видела этого. Я видел, и мне было плевать.

— Он когда-нибудь поймёт, что не нравится ей? — с отвращением в голосе спросила Кримсон, встав рядом со мной. Я огляделась в поисках Круза, понимая даже без пояснений, что речь о нём. Он, как всегда, говорил с Хэдли. Бедный парень заикнулся на ней.

Хэдли прилетела на вечеринку на частном самолёте своего отца вместе с родителями и сестрой. Утром они должны будут вернуться в свой дом в Беверли-Хиллз. В июне они вернутся в другой свой дом, который они используют летом. Она живёт жизнью совсем не похожей на нашу, и ни у кого из нас нет близких отношений с ней.

— Он должен попытаться, — ответила я. Настоящая проблема здесь в том, что в последнее время Кримсон стала интересоваться Крузом... снова. Это не в первый раз. Когда они были маленькими, то были неразлучны. Совсем как Элай и я. Но у Кримсон всегда сияли глаза, когда она находилась рядом с Крузом. Время изменило их обоих, но глаза Кримсон по-прежнему сияют рядом с ним. Круз возглавляет ужасную шестёрку. Требуется много усилий, чтобы постоянно удерживать их от неприятностей. Кримсон слишком умна для этого. Или я так думала.

— Он сын своего отца. Или это то, что говорит моя мама. Так что будь осторожна, Кримсон. Он не из тех, кто утихомиривается. Я люблю его, не пойми меня не правильно, но он любит женщин. Всех женщин. Каждую.

Кримсон вздохнула и разочарованна застонала.

— Да, это то, что говорит моя мама, но твой отец остепенился ради твоей матери. Это возможно. Всё возможно.

— Тебе девятнадцать. Даже не думай о том, чтобы остепениться.

Она пожала плечами.

— Не думаю, что это так уж плохо.

Кримсон верит в сказку. В ту, которая есть у её родителей, да и у моих тоже. Я тоже хочу эту сказку, но задаюсь вопросом, возможно ли такое сейчас. Любят ли люди так, как делали это раньше? Или же это стало чем-то из прошлого?

— Я хочу сказку, — тихо сказала она.

Я ответила:

— Кримсон, мы все хотим. — И обняла её за плечи, — Но Круз не для тебя. Продолжай искать.

Она кивнула.

— Да, я знаю.

— О чём вы тут шепчитесь, — спросила Саффрон, подойдя к нам. Её юбка была настолько короткой, что если она наклонится, её задница будет выставлена напоказ.

— О том, как долго все будут притворяться, что Ларисса и Мика не встречаются. Думаю, к Рождеству мы все признаемся, что в курсе их секрета. Только если Престон не узнает раньше. Тогда их тайна выйдет наружу, — сказала я, чтобы скрыть проблему Кримсон от Саффрон, которая не могла держать рот на замке. Если она поймёт, что Кримсон нравится Крузу, тогда заполучить его станет её миссией. Даже не смотря на то, что она уже

сделала это однажды.

— Думаю, они жмутся друг к другу, — прошептала Саффрон, округлив глаза. Мика и Ларисса прибьют меня, если это дойдёт до их ушей. Я сделала это, чтобы предотвратить возможность того, что Саффрон примет вызов, потому что ей нравится отбивать парней. Затем она просто бросает их.

Постоянная болтовня с «семьёй», которая окружала меня, помогла мне отвлечься от разговора с Нейтом. Сегодня ночью, когда я лягу спать, у меня будет время подумать об этом. Он хочет, чтобы мы были друзьями. Друзьями? Моя грудь болела каждый раз, когда это слово раздавалось в моих ушах. Конечно, это всё, что он может хотеть. Он помолвлен. А она мой босс.

Каким образом я могу дружить с ним? Мне необходимо снова начать ходить на свидания. Вот в чём моя проблема. Трудность, которую я должна преодолеть. Нейт занимает особое место в моём сердце, потому что с ним у меня были самые лучшие отношения. Лучшие из всех, которые когда-либо были у меня. После него никто не соответствовал моей планке. Но тогда мне было всего пятнадцать. Мы были мечтательными и иррациональными детьми.

Я должна ещё раз попробовать. Несколько свиданий, на которых я была, не были такими уж замечательными, но это не значит, что они были плохими. Мне нужно рискнуть с другими парнями: что угодно, чтобы смыть память о Нейте из моих снов и фантазий, потому что время, которое мы провели вместе, не давало мне покоя.

— Я должна вернуться внутрь и заставить Клео слезть с телефона. Быстро, пока не увидел папа, — сказала Кримсон, чтобы уйти и найти свою сестру.

Саффрон увидела, что Холланд разговаривает с Джеймсом Стоуном, и поспешила туда, чтобы привлечь внимание, хотя ей даже не нравится Джеймс. Она просто хочет помелькать у него перед глазами.

— Что происходит в твоей голове? — спросила моя мама, подходя ко мне и протягивая бокал с пуншем. — Я наблюдаю за тобой весь вечер. Ты чем-то расстроена. Это морщинка, залёгшая между твоих бровей, выдаёт тебя.

Я взяла из её рук пунш. Я могла бы солгать ей, но она поймёт. Мама всё понимает. Так что я была честна:

— Нейт Финли помолвлен с моим боссом.

Глаза мамы округлились.

— Мальчик из того лета?

Я кивнула.

— Ага, он самый.

— О боже, — прошептала она, и у неё появилась такая же морщинка, как и у меня. В конце концов, я унаследовала это от неё.

— Да — «о боже» вполне уместно.

— Как давно ты знаешь об этом? — спросила она.

— С первого рабочего дня. Я не думала, что он помнит меня. До сегодняшнего дня, он притворялся, что не помнит...

Мама выглядела злой и прервала меня:

— Урод. Боже. Это так грубо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я засмеялась. Разговаривать с мамой, как разговаривать с подружкой. Она выслушает и

не попытается подсластить правду. Мы вместе боролись с раком. Это сделало нашу связь крепче, и я думаю, мы с друг другом настолько близки, насколько это только возможно.

— Он хочет стать моим другом, — сказала я.

Она усмехнулась, словно это было смешно, и я должна согласиться с ней. По крайней мере, она не сказала мне дать ему шанс, потому что моя мама честная, а ещё реалистка. Мне нравится это в ней.

— Он помолвлен. Вы не можете быть друзьями. Это невозможно.

Я кивнула.

— Элай знает?

Не уверена, почему она спросила об этом. Нет причин, по которым Элай должен знать. Он просто станет ещё сильнее защищать меня, а я не настроена на это.

— Нет. Он будет беспокоиться.

— Он любит тебя.

— Я тоже люблю его.

Мама грустно улыбнулась мне.

— Я знаю. — По выражению её лица, я поняла, что она хотела сказать больше, но не стала. Вместо этого она взяла мою руку и сжала её. — Однажды ты поймёшь намного больше.

Эти слова не имели смысла. Мама часто повторяла их. Словно хотела, чтобы я сама разобралась в своей жизни. Я не требовала объяснений. Иногда я настаивала, но сейчас не стала, моё нутро говорило мне: «Ты не хочешь этого знать». В данный момент у меня и так много проблем. Как например, тот факт, что я с самого начала знала: дружба с Нейтом Финли — ужасная идея. И всё же я собираюсь пойти на это. Потому что, если я не сделаю этого, то всегда буду задаваться вопросом: «Что, если это была бы просто дружба? Что-то похожее на наши отношения с Элаем». Знаю, что обманываю саму себя. Но рак многому научил меня. И «что, если» было тем, существования чего я решила никогда не допускать. Я не позволю этим размышлениям появиться и в отношении Нейта.

НЕЙТ ФИНЛИ

Я опаздывал на работу, потому что, чтобы выйти за дверь, мне пришлось выпить три чашки кофе и раз десять поговорить с самим собой. Будет нелегко сегодня столкнуться лицом к лицу с Блосс. Вчера мы расстались не на хорошей ноте. Она была ранена и обозлена.

Когда я открыл дверь чёрного входа, то застыл, услышав знакомый голос моей младшей сестры. Какого чёрта здесь делает Феникс? Она должна быть в школе. В последний раз, когда я проверял, она всё ещё была старшеклассницей. Вручение дипломов будет только через две недели. Блосс смеялась, и я направился туда, откуда раздавались их голоса. Я не доверяю Феникс и не уверен, что она не скажет кучу фигни, которую не должна говорить. У девочки был раздражающе громкий рот.

— ... и тогда нам пришлось рассказать папе. У Офелии было не достаточно денег на залог... — закончила Феникс с чашкой кофе в одной руке, пока театрально жестикулировала другой. Обе женщины начали смеяться.

Я никогда не видел, чтобы мои сёстры смеялись с Октавией. Она не особо любит посмеяться. Она считает моих сестёр глупыми. Мне пришлось согласиться с ней. Однако было приятно видеть, как Феникс легко общается с Блисс. Слишком, чёрт возьми, приятно, чтобы ощущать комфорт.

— Не хотелось бы прерывать вечеринку, но что ты здесь делаешь, чёрт возьми? Почему ты не в школе? — Феникс даже не вздрогнула от звука моего голоса.

— И я тоже рада тебя видеть, старший брат. Надеюсь, у тебя всё хорошо. Да, у меня всё отлично. Готова к экзаменам, и, о, конечно же, я зачислена в Университет Вашингтона.

Я закатил глаза. Это то, как Феникс снимает с себя лишние вопросы и в процессе, заставляет тебя чувствовать себя виноватым. Это срабатывает с большинством членов моей семьи. Не со мной. Со мной это никогда не прокатывало.

— Я не спрашивал ничего из этого дерьма. Почему ты не в школе? Почему ты здесь?

Она перевела своё внимание снова на Блисс.

— Он грубый. Всегда был таким.

Блисс тихо засмеялась. Этим утром я приехал готовый убедить её стать моим другом. В чём я сомневаюсь, потому что это, вероятно, глупая идея. Но я всё равно хочу этого, словно напрашивался, чтобы мне врезали. И после часа уговоров самого себя я приезжаю и нахожу здесь свою чокнутую сестрёнку. Которая всё портит.

— Я должна вернуться к витрине. Я оставлю вас двоих, — сказала Блисс, затем встала и ушла, и хотя я не должен был смотреть ей вслед, я смотрел, потому что я мужчина.

— Ну, будь я проклята, — сказала Феникс, возвращая моё внимание к себе.

— Что?

Она ухмыльнулась и посмотрела вслед Блисс, затем перевела свой взгляд на меня.

— Пожалуйста, скажи, что она, — Феникс указала подбородок в сторону Блисс, — обладает возможностью покончить с этими смехотворными отношениями, которые у тебя с Октавией.

Не только моей маме не нравится Октавия. Все женщины в моей жизни относятся к ней именно таким образом.

— Октавия всегда была мила с тобой, — напоминаю я ей. Она была мила со всеми ними.

— Милой, но напыщенной, — ответила она. — За этим милым поведением всегда скрывалось высокомерие.

Мы живём в мире напыщенности и высокомерия. Я не стал указывать на это. Решил оставить всё как есть.

— Почему ты здесь? — в этот раз я спросил твёрже. Я был близок к тому, чтобы позвонить отцу. Феникс этого не захочет.

— Потому что, — сказала она, вздохнув, — несколько выпускников повесили своё нижнее бельё на флагшток. Это было позапрошлым вечером. Возможно, был вовлечён алкоголь. В тот момент это казалось прикольным. Даже следующим утром. Пока мы не узнали, что там были камеры слежения. Мы должны были знать об этом заранее. В любом случае сегодня они позвонят нашим родителям. Так что я прячусь. Что думаешь? — она спокойно закончила свою речь.

Фигня с флагштоком глупость, а не преступление. Чёрт, я делал вещи намного хуже, когда учился там.

— Езжай домой и встретись с этим лицом к лицу, Феникс. Мама напомнит отцу, что это

его расплата за грехи молодости. Ты младшая. Он успокоится. Они всегда позволяют тебе выйти сухой из воды.

Феникс нахмурилась.

— Я была пьяна на видео камер безопасности. Вот почему они съедут с катушек.

Согласен. Они будут в ярости. Но она не сможет вечно прятаться здесь. У меня есть собственное дерьмо, с которым я должен разобраться. Скоро вернётся Октавия. Я должен взять себя в руки прежде, чем она переступит этот порог.

— Прекрати пить. Это приводит к неприятностям. Дождись совершеннолетия, затем совершай ошибки. А теперь езжай домой и разберись с этим.

Она надулась.

— Пожалуйста, поехали со мной.

Я посмотрел на Блисс, работающую с витриной. Обычно, когда Феникс нуждалась во мне, я без промедлений оказывался рядом. Как-никак она младшенькая. И мы до чёртиков нянчимся с ней. Вот почему она такая дикая лошадка. Даже Офелия спасала её из неприятностей. Брала на себя вину за то, чего не делала.

— Я не могу.

Феникс вздохнула, принимая поражение.

— В обычной ситуации я бы разрыдалась и плакала бы, пока бы ты не сдался. Но я люблю тебя и воздержусь. И если эта девушка Блисс может вынуть твою голову, которая уже несколько месяцев находится в напыщенной заднице Октавии, тогда ладно, это то, чего я хочу. Даже больше спасения от наказания наших родителей и закапывания ими моего тела в песок.

Я закатил глаза. Как, мать вашу, драматично.

— Во-первых, моя голова свободна ото всех задниц и никогда не была в заднице Октавии. Во-вторых, наши предки не самые жестокие родители в Розмари.

Она пожала плечами и спокойно встала.

— Я собираюсь насладиться своим днём здесь. Погулять по пляжу, где люди не знают меня, и где-нибудь пообедать инкогнито. Затем, когда они начнут волноваться, я позвоню и расстроенная вернусь домой. Возможно, им станет легче, что я не утонула на пляже и не была вовлечена в сексуальный рэкет, и это заставит их забыть о наказании.

Я сомневаюсь в этом, думаю, что это лишь обострит ситуацию, но я хочу, чтобы она уехала, поэтому просто кивнул. Правда в том, что, если они забеспокоятся и позвонят мне, я скажу им, где она. Я не хочу, чтобы мама волновалась. Отец будет беспокоиться, но в то же время будет зол, и ему будет плевать на её эмоциональное состояние.

— Увидимся через неделю, Феникс. Я приеду домой на вручение диплома.

Она поцеловала меня в щеку, затем направилась к двери.

— Пока, Блисс! Было приятно познакомиться с тобой! Будет ещё приятнее, если ты...

— Феникс! — я прервал её комментарий.

Она откинула голову назад и засмеялась, затем выбежала за дверь.

Жизнь с двумя младшими сёстрами никогда не была лёгкой. Папа говорит, что именно поэтому я терпелив с женщинами и животными, а также с пожилыми людьми. Он вырастил мою тётю Нан и сказал, что это многому его научило, а Феникс часто сравнивают с моей тётей как за её внешность, так и за личностные качества. Она не такая грубая, какой, говорят, была Нан, но ведь она росла в стабильной обстановке. У тёти Нан такого не было. Пока не появился дядя Коуп, она была злым и разрушительным ходячим беспорядком. Или,

по крайней мере, это то, что я слышал.

Я вернул своё внимание к Блосс и к тому, как она изучает витрину. Её сосредоточенность напомнила мне момент семилетней давности. Именно тогда я понял, что она особенная и что я никогда не смогу её забыть.

Вероятно, она почувствовала мой взгляд. Блосс замерла и посмотрела прямо на меня. Наши взгляды встретились, и она улыбнулась. Словно знала, о чём я думаю и тоже вспомнила об этом, и это заставило её повернуться ко мне.

Семь лет назад...

Она волновалась о своём друге, который вернулся домой из баскетбольного лагеря. Блосс уговорила родителей позволить ей остаться ещё на одну неделю на пляже с Лариссой, которая помогла ей с этим, потому что родители Блосс сильно беспокоились о своей дочери. Однако Элай не был рад тому, что всё это время она провела со мной.

Каждое утро в одно и то же время, я просыпался и направлялся к нашему месту на пляже. Достаточно часто она приходила первой. Иногда я ждал её. Ночами мы переписывались по телефону, пока она не переставала отвечать, что означало — она заснула.

Это лето намного лучше, чем я мог себе представить. Не думаю, что в следующем месяце захочу возвращаться в Розмари Бич. Мне нравится квартира деда и еда в его ресторане, то, как много туристов на пляже, но не таких элитных и напыщенных, как дома. Ну и конечно, если быть абсолютно честным, мне нравится Блосс Йорк, и я более чем уверен, что влюблён. Она властвует в моих мыслях.

Я наблюдал, как она смотрит на уходящего Элая. Мы стояли в очереди за мороженым, когда он подошёл, чтобы поговорить с ней. Спросить, не хочет ли она пойти заняться сёрфингом с ним и с кем-то, кого зовут Мика. Она отказалась, и он посмотрел на меня, прежде чем уйти, опустив плечи, показывая своё поражение.

— Возможно, мне стоило пойти. Нам обоим стоило пойти. — Её нахмуренное личико было таким милым, что причиняло боль. Конечно же, я должен был обратить внимание на суровую реальность:

— Меня не приглашали, Блосс.

Она глубоко вдохнула и выдохнула, затем повернулась ко мне.

— Это потому что он не знает тебя, Нейт. Он должен привыкнуть к тебе.

Нет, всё не так. Это потому что её друг ревнует. Я вижу это, понимаю, но не позволю ей покинуть меня ради него. Я отпущу её, если она действительно хочет этого, а не потому, что эта киска надулась и ведёт себя, как десятилетний ребёнок.

— Я могу заняться чем-нибудь другим. Встречусь с тобой позже, — сказал я. Я пытался быть крутым, словно я в порядке, но я знал, что это игра. Она могла легко согласиться и уйти. Но то, как я осматривался вокруг, словно искал кого-то, с кем можно потусить, было той козырной картой, которую я разыгрывал в данный момент.

— Нет, — быстро сказала она. — Я хочу остаться с тобой.

Я повернулся к ней и улыбнулся. Она тоже почувствовала это. Я знал. Я в этом не одинок. Девочка, которая проникла мне под кожу, чувствует то же, что и я. Почему ей нравлюсь я, когда такой девочке, как она, было бы лучше с Элаем, чем со мной. Я не знаю, но, чёрт возьми, я счастливчик.

— Хорошо, — ответил я. — Твоё присутствие бесценно.

Улыбка, которая озарила её лицо, заставляла меня хотеть говорить всякую хрень. Просто чтобы видеть эту улыбку снова и снова, и снова...

Глава Девятая

Наши дни...

БЛИСС ЙОРК

— Ты простила меня за ложь? — Было первым, что он сказал, когда ушла его сестра. Присутствие здесь Феникс стало для меня облегчением. Оно достаточно долго откладывало этот разговор, чтобы я смогла взять себя в руки.

— Да, — ответила я, потому что простила. Я понимаю, почему он сделал это. Это не правильно, но я понимаю его.

— И ты подумала о том, чтобы мы стали друзьями?

Он не терял времени, подбираясь к сути дела. Впрочем, Нейт Финли никогда не терял время. Правда ждёт его, и ему придётся иметь с ней дело. Будет лучше покончить с этим до приезда Октавии. Вероятно, именно об этом он и думает в данный момент.

— Нам придётся вместе работать. Я имею в виду, ты будешь здесь помогать Октавии. Не вижу причин нам не быть друзьями. Это облегчит решение проблем.

Он нахмурился. Это не тот ответ, который он ожидал. Ну, а чего он ждал? Что он хотел услышать от меня? «Да! Пойдём купим мороженого, а затем поцелуемся под мостом, как делали это раньше?» Это воспоминание глубоко ранило. Я оттолкнула его. Подальше. Теперь эти воспоминания под запретом. Нельзя возвращаться к ним и переигрывать. Нет, если я собиралась забыть его.

— Октавия будет здесь через несколько дней... и... у меня есть вопросы о прошлом и тебе... о твоём болезни... как ты преодолела её.

Ну, хнык-хнык. Уверена, что есть. Но это не означает, что я собираюсь открыться и поделиться с ним. Я не хочу, чтобы он знал. Я хочу, чтобы в памяти мы оставались теми, кем были, что глупо, потому что у меня нет будущего с Нейтом. Полагаю, у меня нет причин не говорить ему, но я не хочу, не должна, а значит сделаю так, как решу сама. Я не расскажу всё под давлением, потому что он чувствует своего рода вину и ему необходимо снять эту тяжесть.

— Я не говорю об этом, — ответила я и продолжила работать над витриной. Мне нужно найти способ сделать так, чтобы шарфы вписывались в летнюю витрину, созданную мной. Это Южная Алабама. И летом здесь невероятно жарко. Октавии необходимо помнить об этом, когда она отправится закупать товар на продажу. Нам обеим предстоит многому научиться, и я была благодарна за то, что она наняла меня.

— Почему? — спросил он. — Почему бы не снять с себя этот груз?

Я закатила глаза. Да, я веду себя как подросток. Он хочет узнать кое-что, о чём я не хочу говорить, поэтому он спрашивает «почему». Он что, считает, что заставит меня раскрыться? Говорить об этом? Потому что ему любопытно? Я уже проходила через это, прodelывала с огромным количеством людей и не собираюсь делать это и с ним.

— Потому что, Нейт. Просто потому что.

Он замолчал. Хорошо. Он должен заняться своей сегодняшней работой, и мне следует сделать то же самое.

— Ты не отвечала на мои сообщения и звонки. Я пытался. Прилагал усилия. Не я бросил тебя.

Я зажмурилась и вздохнула. Он не собирается отступать. Нам придётся обсудить это. Раскрыться и справиться. Что смешно. Мы были детьми. Я справлялась с этим так, как могла справиться девочка-подросток.

— Я столкнулась с самой страшной вещью, которую можно только вообразить. Что ещё тебе нужно знать? Я была не в состоянии поддерживать детскую влюблённость. — Это немного грубо, но это правда, а правда может жалить.

— Но я думал между нами что-то большее?

Возможно, между нами было что-то большее. Возможно, это была моя вина. Я столкнулась с чем-то, что изменило меня. И когда я была готова рассказать ему, было уже слишком поздно. Прошло слишком много времени, и я стала другой, абсолютно другой. Моя сказочная жизнь закончилась. Настоящий мир залепил мне пощёчину. Любящая семья и стабильный дом с самой огромной поддержкой на земле не могут спасти тебя от чего-то такого, как рак. Имели место лишь темнота и боль. Либо ты побеждаешь рак, либо он тебя. Пока ты сам не пройдёшь через это, ты не поймёшь всей глубины происходящего.

Я сложила шарф и посмотрела на него.

— Я была слишком напугана, чтобы думать о мальчиках. О дружбе или драмах. Потому что у меня не было никакой уверенности в собственном будущем после визита к доктору. Однажды я проснулась и распланировала свою жизнь определённым образом. Она была такой волнительной, полной надежд, но затем после одной консультации у врача мне сказали, что у меня рак. Что нет никакой гарантии в продолжительности моей жизни. После этого ничего не было как раньше и никогда не будет.

Нейт продолжал смотреть на меня. Не было жалости или страха, которые могли отражаться в серебряных озерах его глаз. Я часто видела эти эмоции в людях. Не увидеть их в его глазах стало облегчением. Это бы причинило мне боль. Сломало бы меня. Но я всегда знала, что Нейт другой. Он не похож на других парней.

Он по-прежнему видел именно меня. В отличие от большинства людей. Они видели лишь болезнь внутри меня. Ту, которую я победила, и всё же это оставалось в их мыслях, даже после того, как всё прошло. Из-за этого мне захотелось обнять его. Поблагодарить и положиться на его суждения, как бы странно и неуместно это ни было. Но он не поймёт. Он не сталкивался с той жизнью, через которую мне пришлось пройти.

— Я бы вернулся сюда. Если бы знал, я, вероятно, переехал бы к деду, чтобы быть ближе к тебе.

Так не должно было быть. Он любил своих родителей и сестёр, свою жизнь в Розмари Бич, и именно там он и должен был оставаться. Он принадлежал им, а не мне. Его приезд сюда не был бы чем-то хорошим для него или его семьи. Чувство вины из-за этого не помогло бы мне бороться, в то время как я должна была бороться изо всех сил.

— Мы были детьми. Такое случается. Мы стали другими людьми. Теперь это прошлое, давай просто оставим это.

Нейт внимательно изучал меня, не отводя взгляда и не пытаясь спорить по этому поводу. Из-за его напряжённого взгляда и позы, я могла видеть, как он осмысливает всё. Когда он наконец вздохнул, он кивнул и сказал: «Хорошо». Это всё, что он сказал.

Я не хотела, чтобы он видел разочарование в моих глазах, поэтому повернулась к витрине. Мой разум больше не был сосредоточен на работе. Он согласился. Он не спорил.

Мне должно стать легче. Тот факт, что я хочу, чтобы он спорил, смешон. Ребёчество, а я не ребёнок, больше нет.

Я слышала, как он ушёл. Слышала, как открылась и закрылась дверь подсобки. Я зажмурилась, желая, чтобы боль в моей груди исчезла. Оставила меня на время. Дала мне немного мира и покоя.

Я наконец-то свободна, живу самостоятельно и веду взрослый образ жизни. Теперь бесполезно печалиться. У меня есть так много всего, чему стоит радоваться. Я хотела радость, которую видела на лицах других, а желать что-то, что не находится в зоне моего доступа, это потеря времени и сил. Я знаю, как быстротечно может быть время, потому что сама почти исчерпала его.

Когда-то я считала библейское писание о том, что завтра не может быть обещано, депрессивным и убивающим любую радость. Теперь я знаю, что это правда. Это то, что каждому из нас необходимо принять. Я приняла, тогда почему я теряю время, желая, чтобы Нейт Финли был моим завтра, завтра, которое я считала бы своим будущим? Вместо того чтобы просто считать его своим прошлым?

НЕЙТ ФИНЛИ

Я не собирался всё утро находиться в подсобке. Но мне пришлось. Я хотел подумать над тем, что она сказала и решить, как вести себя дальше. Я должен был согласиться и принять её решение. Если бы у меня было больше времени поразмышлять над этим, я знаю, что передумал бы.

Но я не передумал.

За десять минут до того, как я собирался пойти к Блисс и снова отвезти её на обед, через дверь вошла Октавия с руками полными сумок и огромной улыбкой на лице.

Чёрт. Слишком рано. Я ещё не готов к её приезду. И это был знак, на который я должен обратить внимание: желание, чтобы она находилась подальше.

— Витрина выглядит восхитительно. Она великолепна. Разве я не говорила тебе, что нашла идеально подходящего сотрудника для магазина, девочку, которая знает, что делает? А ещё она легко обучаемая. Не старая и не заносчивая. Она делает, что я говорю, и не задаёт вопросы. Она мне нравится. — Это были первые слова, слетевшие с её губ после того, как она почти месяц не видела меня.

Пока я не вернулся в Си Бриз и не встретился с Блисс, это было в порядке вещей. Именно то, что я хочу. Это было легко, без драм и настоящая привязанность отсутствовала. К чёрту это место и мои глупые воспоминания. То, что есть у меня, идеально.

— Ещё не видел, что она сделала с витриной. Я был в кабинете, устанавливая полки, которые ты заказала.

Она нахмурилась, когда посмотрела на полки.

— Не такие большие, как я представляла.

Октавии нужно было нанять специалиста или облегчить мне задачу. Всё, что ей было нужно, это правильно измерить их, и тогда у неё были бы полки нужного размера. Я мог бы ей сказать об этом, но тогда она психанёт и заставит меня обратно всё упаковать.

— Думаю, я просто закажу ещё парочку, — сказала она, махнув рукой, словно это

простое решение и у неё нет времени беспокоиться об этом. Я задавался вопросом, как долго это будет развлекать её? Когда ей станет скучно и она уйдёт, захотев что-то другое, что сможет развлечь её, это станет ещё одной грёбаной прихотью, которую она бросит? Её отец всегда удовлетворяет её желания. Это просто ещё одна прихоть, которую Октавия в конце концов пошлёт к чертям.

Название магазина могло бы быть: «У взбалмошной» или «Привереда», или «У Октавии»... На самом деле мне всё равно. Вот и всё. Она никогда не признает, что это правда. Когда тебе всё позволяют и спасают снова и снова, и снова, тебе не нужно стараться. Это как зеркало без стекла. Всё, что в нём отражается, это твой очередной провал.

— Я голодна. Ты нашёл места, где можно вкусно поесть?

— У моего дедушки, — был мой ответ. Она знала, что ответ будет именно таким. Так же, как я знал, что она сморщит нос из-за отвращения.

— Нет, спасибо. Я погуглю что-нибудь. Иди, умойся и давай возьмём Блосс пообедать. Мне нужно, чтобы она была рядом.

— Блосс нравится у дедушки, — кинул я в ответ. Это называется: «Напрашиваться на неприятности». Но будь я проклят, если Октавия внезапно не начала раздражать меня, и это заняло всего лишь двадцать долбанных минут.

Она даже не повернулась.

— Конечно же, нравится. Она простушка.

Затем она вышла за дверь, направляясь к передней части магазина во всём своём не поверженном величии.

Блосс не простушка. Отнюдь.

Я направился в ванную, вымыл руки, затем уставился на себя в зеркало. Я должен ментально подготовить себя к этому. Напомнить себе, почему я выбрал Октавию и почему Блосс не подходит мне. В моём будущем, как и в моём сердце, нет места для всего, что могло потребоваться Блосс. И если быть честным... сама мысль о том, что я мог бы позволить себе полюбить её, а затем рак вернулся бы, до смерти пугала меня.

Это разорвёт меня на мелкие кусочки. Я не готов стать настолько уязвимым, что было эгоистично и касалось только моей безопасности. Это самая эгоистичная мысль, которая когда-либо была у меня, а я чертовски уверен, у меня было много эгоистичных мыслей. Но это правда, и я принял её. Я не притворялся благородным. По край ней мере, больше не притворялся...

Семь лет назад...

Я пришёл рано. Блосс сказала мне встретиться с ней этим утром на нашем месте около десяти. Было девять тридцать. Я не хотел, чтобы она пришла сюда раньше меня. Не после вчерашнего. Она позволила мне поцеловать её, и, подняв обе руки, могу сказать, это был самый лучший из всех моих поцелуев. Не то чтобы у меня их было много. И я не брал в расчёт Лилу Кейт. Три года назад мы оба ни разу не целовались, поэтому решили попрактиковаться с друг другом. Это было мерзко для нас обоих. Как целовать родную сестру. Больше это не повторилось.

Целовать Блосс было восхитительно. Она пахла как её кокосовое масло для загара на пару с чем-то ещё. В ней было что-то уникальное, и я не мог насытиться. Когда прошлым вечером я наклонился, чтобы поцеловать её, я боялся, что она оттолкнёт меня. Она не оттолкнула. Она скользнула руками вверх по моим предплечьям и соединила свои пальчики

на моей шее. Было сложно отпустить её после этого.

Так что этим утром я ждал её. Чтобы удостовериться, что она знает, что этот поцелуй много для меня значит, что она особенная и что я люблю её. На самом деле я не думал, что любовь возможна, пока не повзрослеешь и у тебя не появится опыт. Я понял, что ошибался. Моё сердце так сильно сжималось, когда я смотрел на неё, и начинало болеть, когда она уходила. Я не уверен, что есть какой-то определённый признак, который может объяснить, что это любовь. Но для меня мои отношения с Блосс были этим самым признаком.

— Ты Нейт Финли, не так ли? — Я повернулся и увидел девушку, чьё тело говорило мне, что ей, по меньшей мере, восемнадцать. Её сиськи почти выпрыгивали из её бикини. Они были самыми большими из тех, которые я видел так близко. Её длинные светлые волосы были перекинута через плечо, а её загоревшая кожа, которую она так щедро демонстрировала, блестела от масла и пота. Если бы я не вырос на пляже, то это вполне возможно выглядело бы потрясающе. Но я был Финли, и в своём мире я слишком часто лицезрел такое, особенно в загородном клубе.

Я не знаю, откуда эта девушка знает моё имя. Я пожал плечами и посмотрел на береговую линию, с нетерпением ожидая появления Блосс.

— Ага, но тебя я не знаю.

Она хихикнула, и я съёжился. Мне не нравилось хихиканье. Оно, чёрт возьми, раздражает меня. Блосс никогда не хихикала. Два года назад это стало первопричиной, почему Блосс очаровала меня. Конечно же, после её естественной красоты.

— Мои дедушка и бабушка члены загородного клуба «Керрингтон». Обычно я провожу один летний месяц с ними в Розмари Бич. Я видела тебя там.

Между этими двумя пляжами расстояние всего в два часа. Но, серьёзно, нужно было обязательно подойти ко мне? Господи.

— Ну что ж, — ответил я. — Теперь ты видишь меня здесь. — Я изо всех сил пытался звучать как мудака, чтобы она свалила до прихода Блосс. Я не хочу, чтобы Блосс пришла, а я разговаривал с мисс Большие Сиськи, особенно после вчерашнего поцелуя.

Она снова хихикнула.

— Да, вижу. Хочешь посидеть со мной и моими друзьями. Я видела тебя вчера с молоденькой девочкой и показала им тебя. Они в восторге от того, что твой дед Дин Финли.

Отец моего отца известный барабанщик Slacker Demon. Они культовая рок-группа, которая теперь большую часть времени не выступает. Они стали стариками, и новое поколение им не нравилось. Когда их просили, они собирались на благотворительных мероприятиях для сбора средств, но это единственная причина их выступлений. Хотя у них по-прежнему есть поклонники. У них была целая жизнь полная славы, которая охватывала три поколения фанатов, которые никогда не забудут их.

— Большинство людей в восторге, — ответил я. И как только я произнёс эти слова, на горизонте появились тёмные волосы Блосс. Она шла, не обращая ни на что внимания. Простое кружевное платье, которое она носила поверх своего сексуального розового бикини, выставляло мало тела напоказ, в сравнении с этой девушкой. Блосс выглядела стильной и уверенной в себе. Ко всему прочему у неё есть мозги. — Прости, моя девушка пришла, — сказал я, даже не оглянувшись. Затем поспешил навстречу Блосс. Если бы я был другим парнем, тем, который не влюблён в Блосс Йорк, тогда бы я выбрал другой путь. Эта блондинка стала бы моей первой, и я бы наслаждался каждой секундой потери своей девственности. Я знаю это, но не теперь, она не то, что я ищу.

Наши дни...

БЛИСС ЙОРК

Обед с Нейтом и Октавией. Прекрасно. Именно то, что мне никогда не хотелось бы делать.

Сидя напротив них в каком-то роскошном месте, о существовании которого в Си Бризе я понятия не имела, я пыталась вежливо улыбаться и не встречаться глазами с Нейтом. Что было очень сложно, потому что я чувствовала его пристальный взгляд на себе. Наблюдающий за мной. Пытающийся прочесть что-то в выражении моего лица. Меня легко прочесть. И я ненавижу это. Зная, что он может видеть, насколько мне неудобно.

— Мне нравится, как ты обыграла шарфы с летними вещами, которые я выбрала. Это работает и это именно то, что я хотела. У тебя на такое намётан глаз. Нам просто нужно приодеть тебя. Твой гардероб не соответствует месту. Но если твоё тело будет рекламировать наши товары, то мы продадим намного больше.

Другими словами моя одежда слишком дешёвая. Моя мама всегда покупала мне дизайнерские вещи. Меня никогда не обвиняли в отсутствии стиля. Однако, по словам Октавии, моя одежда вполне может быть из комиссионного магазина^[10]. Она на другом уровне восприятия. Я видела ценники на вещах, которые она купила для магазина. Могу представить, что её шкаф полон таких вещей.

— Я готова сделать, всё, что потребуется, — заверила я её. Я была благодарна за эту работу. Благодаря ей я обрела независимость и наконец-то способна жить как взрослая. А не ребёнок.

Октавия одарила меня гламурной белоснежной улыбкой, и я задумалась над тем, сколько стоила такая улыбка. Никким образом такие зубы не могли быть настоящими. Они были слишком белыми, слишком ровными, слишком идеальными. Даже мои брекеты не придали моим зубам такую ровность.

— Теперь, когда летняя коллекция здесь, и я всё выбрала, я подожду пару недель, а затем начну закупать на осень. Надо помнить, что здесь будет по-прежнему тепло. — Я не уверена с кем она говорила: со мной, с Нейтом или же сама с собой. Но она продолжала рассуждать о прибыли, дизайне и расширении. Он ещё даже не открылась официально, а уже говорит об открытии пяти других магазинов в США. Я не удивлюсь, если она начнёт планировать свои магазины в других странах, прежде чем нам подадут салат. — Туристы начинают приезжать сюда с первой недели июня? — спросила Октавия, посмотрев на меня.

— Да, иногда раньше. В последнюю неделю мая мы начинаем замечать увеличение количества машин. Зависит от того, когда заканчивается учебный год в школах окружающих нас штатов.

Она кивнула, и официант принёс нам салаты. Я мельком взглянула на Нейта: он хмурился, с отвращением глядя на свой салат.

— По-бои с креветками были бы намного лучше, чем это, — проворчал он.

Октавия закатила глаза, весело улыбаясь.

— Если бы я позволила тебе, ты и на наш свадебный приём заказал бы эти по-бои. Что вообще представляют из себя эти по-бои? Зачем их так называть? Это так оскорбительно. Почему просто не называть их сэндвичами. Именно этим они и являются.

Сэндвичи? Что такое сэндвичи?

— Господи, — пробормотал он, но это был единственный ответ, которым он удостоил её.

— Вижу, вы двое хорошо сработались вместе, — сказала Октавия перед тем, как попробовать салат.

Я замерла. Что она имеет в виду? Я не смотрела на Нейта и даже ничего не говорила ему. Я была очень осторожна. Неужели то, что он смотрит на меня, стало для неё поводом? Чёрт возьми, Нейт! Я нуждаюсь в этой работе.

— Она очень трудолюбива. Ты наняла прекрасного сотрудника, — сказал Нейт, затем взял кусочек обжаренного тоста, который прилагался к салату и сунул его в рот.

Октавия выгнула бровь, посмотрев на него, словно была не в восторге от того, как он ест, затем повернулась ко мне.

— Согласна. Могу сказать, с тобой будет легко работать. Ты мне нравишься, а людям не так легко понравиться мне. В тебе есть что-то, что притягивает людей, и это только поможет магазину. Мне нужно, чтобы магазин процветал, тогда папа позволит мне открыть ещё больше.

Часть меня восхищается ею. Очень, очень маленькая часть. Она хочет что-то сделать со своей жизнью. Сделать бренд. Быть большим, чем просто светской львицей, и это восхищает меня. Должно восхищать. Я видела так много таких, как она, в новостях и журналах, которые просто живут за счёт богатства своих родителей. Конечно же, и Октавия живёт за счёт состояния своего отца, но она и сама пытается заработать. Он просто её опорная ступенька... или очень высокая лестница. Или частный самолёт. Не так сложно добиться успеха с деньгами, которые есть в её распоряжении. Но всё же. Она пытается. Это чего-то да стоит.

Я не намного лучше. Я жила со своими родителями дольше, чем нужно. Я позволяла им кормить меня и предоставлять крышу над головой. Купить машину и покупать одежду... Всё это в гораздо меньших масштабах, но в сравнении то же самое.

— Нейт недолго будет здесь, и мне придётся часто уезжать, когда всё начнёт работать. Так что скоро тебе самой придётся со всем справляться. Я верю, что ты сможешь это сделать. Мы рассмотрим вариант найма ещё двоих сотрудников, которые будут работать под твоим руководством перед тем, как в конце месяца я уеду в Испанию. К тому времени Нейт, скорее всего, вернётся в Розмари Бич или Беверли-Хиллс. Но я уверена, что могу довериться тебе.

Почему Нейт должен вернуться в Беверли-Хиллс? Он ненавидел это место. Он ездил туда как можно реже и только для того, чтобы навестить своего деда. Я взглянула на него: он снова пристально наблюдал за мной. Я лишь на мгновение встретилась с ним взглядом перед тем, как снова вернуть внимание к салату.

— Спасибо, — сказала я Октавии. — Я буду стараться изо всех сил.

— Замечательно.

Когда мы вернулись в магазин, я занялась работой в передней части. Хотя мои мысли по-прежнему были заняты тем, насколько странные отношения у Нейта и Октавии. Между ними нет никакой связи. Казалось, они раздражают друг друга. Понимает ли он это?

Я только начала задаваться вопросом, должна ли я ему что-то сказать прежде, чем он совершит ошибку и женится на ней, но услышала смех. Я остановилась и прислушалась. Это был их совместный смех. Их голоса смешались в их смехе. Положив платье, которое было у меня в руках, я тихо подошла к двери. Подслушивать — плохо, но я всё равно сделала это. Они смеялись, и это казалось чем-то ненормальным после того, что я наблюдала в их отношениях.

— Я люблю твои истории, — сказала Октавия по-прежнему со смехом в голосе.

— Это дар, — ответил он.

— М-м-м, одна из многих причин, почему я люблю тебя, — был её ответ, затем последовал отчётливый звук поцелуя. Он не был громким. Просто звук близко прижимающихся тел. Прерывистое дыхание и тишина, когда они должны разговаривать. Я отошла назад. Подслушивание никогда не было чем-то хорошим, и те, кто подслушивают, заслуживают наказания. А это было моим наказанием.

НЕЙТ ФИНЛИ

Я нашёл предлог, чтобы держаться подальше от магазина Октавии в течение трёх дней. Чем больше я проложу дистанции между собой и Блисс, тем лучше для нас троих. Октавия вернулась, и этого было достаточно, чтобы напомнить, что мне необходимо в этой жизни. Что подходит мне и является безопасным, потому что быть рядом с Блисс — небезопасно. Даже просто находиться в комнате с Блисс небезопасно. Она соблазняет меня жизнью, которую я не хочу.

Каждый вечер я слушал, как Октавия говорит об идеях Блисс для магазина. Я водил её на ужин в места, которые она выбирала, и поддерживал её, не вмешиваясь в дела. Я вёл себя так, как обычно. Однако, когда она попросила пойти послушать группу пятничным вечером в «Лив Бей», я тормознул. Это плохая идея. Скорее всего, Блисс будет там. Мне не нравится мысль о том, что Блисс будет наблюдать за моим свиданием с Октавией. Если бы ситуация была обратной, мне было бы нелегко наблюдать за ней с другим парнем. Не думаю, что это справедливо по отношению к Блисс. Даже если она двигается дальше и забыла то, что было между нами, или то, что, мы думали, было между нами в прошлом, казалось грубым мозолить друг другу глаза этой ситуацией.

Я попытался уговорить Октавию пойти в другое место. Но она намертво решила пойти в «Лив Бей» и проверить местную сцену. Октавия сказала, что ей необходимо «передохнуть», словно на неё действительно навалился стресс. Смешаться с «обычными людьми» могло бы помочь ей «освободиться от напряжения, которое приходит с достижением успеха».

Есть вероятность, что у Блисс другие планы. Это то, за что я цеплялся, пока Октавия не послала всё чертям. Мы заходили в «Лив Бей», когда Октавия остановилась. Она осмотрела толпу, словно агент секретной службы.

— Блисс сказала, что её столик слева от бара и что она придержит для нас места.

Это был маленький кусочек информации, которую Октавия забыла упомянуть. Видимо, она не посчитала это важным. Я взглянул на столик Блисс: она была там, сидящая на коленях у какого-то парня, смеясь с напитком в руке. Это не похоже на Блисс, и он старше меня. Какого хрена? Почему я здесь?

— А вот и она, — объявила Октавия. Затем сплела наши руки. Ведя меня к паре, словно я ребёнок.

Я попытался придумать логическое оправдание, чтобы свалить отсюда. Было нелегко удерживать себя от того, чтобы не сделать чего-нибудь глупого с Блисс, флиртующей и пьющей на коленях этого парня. Где чёртов Элай? Господи!

— Вы пришли! — улыбнулась Блисс и вскочила. — Я надеялась, что вы придёте, но не была уверена. Вот, занимайте те места. — Она не казалась пьяной, но была слишком, чёрт побери, счастлива тому, что разворачивалось перед ней. — Эй, все, это мой босс Октавия и её жених Нейт Финли! — Затем она оглянулась на нас. — Это Джимми, — она указала на парня, на коленях которого сидела, покачиваясь и смеясь. Я взглянул на Джимми, который самодовольно улыбнулся, затем вернулся к своему стакану с виски. — Это Мика, Дейзи Мэй, Джеймс и Кримсон, — сказала Блисс, пройдясь по кругу, словно мы были в группе по изучению книг. Удивительно, но никто из них, как оказалось, не был парой, что было странно и не ускользнуло от меня.

— Я здесь только для того, чтобы позаботиться о Саффрон, когда бы она не появилась, — сказала девушка по имени Кримсон, выглядя при этом очень раздражённой.

Блисс добавила:

— Саффрон немного заноза в заднице. Что вы хотите выпить?

— Водку Grey Goose с мартини, — ответила Октавия.

— Maker's Mark — было бы отлично, — сказал я ей.

Она помахала рукой барменше.

— Ларисса, нам нужен Grey Goose с мартини и Maker's Mark, пожалуйста.

Рыжеволосая показала ей жест большим пальцем и вернулась к работе. В последней раз, когда я здесь был, она показалась мне знакомой. Услышав, как Блисс обратилась к ней по имени, я вспомнил почему. Ларисса была той девушкой, которая в то далёкое лето привела Блисс на пляж. Посмотрев на всех вокруг, я задался вопросом, встречал ли я их раньше.

Словно прочитав мои мысли, Мика указал на меня своим пивом.

— Нейт Финли? Чёрт, ты выглядишь знакомо!

Мы как-то встречались, я вспомнил его лицо, но ему не нужно вспоминать об этом прямо сейчас перед Октавией. Иначе нам придётся объяснять ей целую тонну дерьма. Октавия вообще ни о чём не знает. Чем меньше она знает, тем лучше для меня.

— Его дедушка знаменит, — ответила Октавия. — Когда Нейт был моложе, его отец часто появлялся в СМИ. Клянусь, они выглядят как близнецы. Очень странно видеть их вместе.

Мика начал отрицательно качать головой. Блисс подошла к нему, схватила за руку и выпалила:

— Мика, ты обещал мне танец. Идём, потанцуем, сейчас... прямо сейчас.

Мика выглядел сбитым с толку, но не отказал ей. Сомневаюсь, что какой-либо мужчина может отказать ей. Он встал и вытянулся, словно собирался прыгнуть через барьер.

— Мне нравится, когда ты властная и всё такое. Делай это почаще. Властвуй у меня в голове.

Он усмехнулся, словно это шутка. Это действительно разозлило меня. Однако Блисс рассмеялась и схватила его за руку, так что он с готовностью последовал за ней на танцпол.

— Напитки готовы, — сказал Джимми, кивая головой в сторону бара. Мне нужно было сбежать, так что я воспользовался моментом.

— Я принесу, — ответил я, прежде чем покинуть столик, убраться подальше от компании и перестать смотреть на Блосс, особенно пока она танцует. Это казалось важной задачей. Не смотреть, как двигается её тело.

Когда я добрался до бара, шикарная рыжеволосая девушка перестала смешивать напитки и посмотрела мне прямо в лицо.

— Они не помнят, Нейт, но я помню.

Чёрт. Что я должен ответить на это? Она отложила свой шейкер и направилась в мою сторону, пока не оказалась настолько близко, насколько это было возможно. Она резко наклонилась ко мне; нас разделяла только барная стойка.

— Она прошла через ад, который мы и представить не можем. Обидишь её, и те парни вон там перекроют это красивое личико. Нам всё равно, кто твой отец. Понял? Всё ясно?

Мне угрожают. Интересно. Такого со мной ещё не случалось. Это впервые. И я чувствовал себя более чем нормально. Я даже сказал бы, естественно.

— Я помолвлен.

Ларисса не выглядела убеждённой.

— Не причиняй ей боль, — повторила она перед тем, как вернуться к своему месту, чтобы продолжить что-то смешивать.

— Она работает на мою невесту. Я не приехал, чтобы разыскать её. Это было семь лет назад.

Ларисса замерла, взгляд её ледяных зелёных глаз поднялся, чтобы встретиться с моим.

— Твои причины и оправдания ничего не значат. Эта девочка особенная. Мы все любим её. Мы будем защищать её любой ценой. У неё не было нормальной подростковой жизни, эти годы были украдены проклятой болезнью. Ты был последним настоящим воспоминанием до того, как всё пошло наперекосяк. Она сильна во многих отношениях, но её сердце невинно, оно хрупкое, пожалуйста, не забудь об этом.

— Я это понимаю, но я не собираюсь встречаться с ней, а значит я не могу причинить ей боль.

Ларисса закатила глаза и выругалась.

— Ты единственный, кто может, тупица. Разве ты не слышал, что я сказала?

Я собирался сказать больше, когда взгляд Лариссы обратился к кому-то позади меня. Я повернулся и увидел Блосс, близко танцующую с Микой. Они смотрели друг другу в глаза.

— Похоже, она уже положила на кого-то глаз.

Ларисса засмеялась.

— Мика? Не в этой жизни.

Это ответило на мой вопрос о них. Облегчение от её слов было единственным предупреждением, в котором я нуждался. Она права. Если я не буду контролировать свои чёртовы эмоции, то могу причинить боль Блосс, и это будет моей виной. Как бы я ни был соблазнён и очарован ею, Блосс Йорк не моё будущее, хотя она твёрдо засела в моём прошлом.

— Кто он, Блисс? — спросил Мика в тот момент, как мы начали танцевать. Он пристально наблюдал за Нейтом через моё плечо. Пытаясь вспомнить, откуда он может знать его.

— Он из моего прошлого. Но его невеста не знает, и она мой босс. Будет лучше, чтобы прошлое осталось в прошлом. Пожалуйста, ничего не говори. Я не хочу продолжать этот разговор.

Мика нахмурился и посмотрел на меня.

— Он парень из того лета.

Не думаю, что первая любовь или отношения большинства людей остаются в воспоминаниях всех, как нечто важное и существенное. Нейт был «тем парнем», потому что он был единственным, кто по-настоящему был у меня, когда я была подростком перед тем, как всё начало рушиться. Моя болезнь наступила вскоре после отъезда Нейта и навсегда изменила мою жизнь. Он — ДР и навсегда останется ДР, не по своей вине попав под это разделение. Нейт запомнился тем, что был в моей жизни. Был там до моего диагноза.

Это лишь вопрос времени, когда все вспомнят, кем он является. Что означает, что танец должен быть коротким и становится короче с каждой секундой. Когда я пригласила Октавию прийти сюда сегодня вечером, всё, о чём я могла думать, это о способе заставить себя быть рядом и привыкать к их отношениям. Я не думала, что она придёт. Это не то место, к которым она привыкла. Она не тусуется с местными жителями и вообще много чего не делает.

Пока я не увидела их, входящих в дверь, я не думала, что мои друзья узнают Нейта. Это даже не приходило мне в голову.

— Ты в порядке? Я имею в виду то, что он здесь? И помолвлен?

Словно на это есть ответ. Нормальный человек был бы в порядке. Это было семь лет назад. Я должна быть в абсолютном порядке. Вот что было бы правильно.

— Да, конечно. Это было в прошлой жизни, — ответила я.

— ДР.

— Именно.

Песня закончилась. Я должна пошевеливаться.

— Мне нужно вернуться на случай, если кто-нибудь ещё вспомнит его. В противном случае это будет подобно удару молнии в большом сухом лесу. Когда она ударит по одному дереву, остальные подхватят пламя, а затем весь лес будет охвачен огнём.

— Очень хорошая аналогия, Блисс. Он разговаривает с Лариссой. Она выглядит взбешённой. Думаю, она вспомнила его. Дерево под номером два загорелось.

Чёрт!

Я поспешила к бару как раз в тот момент, когда Нейт повернулся, чтобы уйти. Я быстро просканировала его лицо на любой признак злости. Но увидела лишь лёгкое разочарование. Взглянув на Лариссу позади него, я заметила, что она хмурится ему в спину. Да — она вспомнила его. Итак, вот и началось. Деревья просто горят и горят.

— Должен ли я начать беспокоиться, что кто-нибудь ещё вспомнит меня и захочет убить? — спросил он и натянуто улыбнулся.

— Думаю, Мика поможет, если они захотят. Я вернусь за столик через минуту. Мне нужно взять напиток.

— Зачем ты пригласила её, чёрт, нас сюда, зная, что может произойти?

Хороший вопрос.

— Я не знаю. Поверь, я жалею об этом. Плохая идея. Очень плохая идея.

Нейт было начал что-то говорить, но остановился и ушёл.

Я перевела внимание на Лариссу, которая с нетерпением ожидала меня. Она знала, что я подошла, чтобы поговорить с ней. Я редко так много пью.

Она спросила:

— Почему его невеста не должна знать, что между вами когда-то что-то было? — Выражение её лица говорило о многом, к примеру, что она раздражена, поэтому я ответила прямо и честно:

— Потому что он не сказал ей об этом сразу и теперь считает, что это станет проблемой. Мне нравится моя работа. Я не хочу потерять её.

Ларисса закатила глаза.

— Это, чёрт возьми, не школа. Он должен быть мужиком и урегулировать это дерьмо, пересортировать своё чистое и грязное бельё. Он должен рассказать чёртову правду и покончить с этим.

— Всё в порядке. Думаю, будет лучше, если она ни о чём не будет знать. Для меня самое лучшее забыть о том, что это когда-то было.

Ларисса наклонилась вперёд настолько сильно, насколько могла, опираясь руками на стойку бара.

— Так ли это на самом деле? Так лучше для тебя? Или же так лучше для него?

Она считает, что я защищаю Нейта. Вот почему она так злится.

— Октавия избалована и считает, что имеет особые права. Она хорошая начальница, но если она посчитает меня угрозой, то мгновенно избавится. Мне нужна работа и зарплата, а она дала мне шанс, в котором я нуждалась, несмотря на отсутствие какого-либо опыта. Я не хочу потерять это. Даже если мне придётся хранить секрет.

— Bliss, ты совершаешь ошибку. Он до сих пор что-то чувствует к тебе. Это видно по его глазам. В этом я никогда не ошибаюсь. Но он не достаточно мужик, чтобы признать это. Никогда не подстраивайся. Ты заслуживаешь сказку намного больше, чем кто-либо из моих знакомых. То, через что ты прошла, было ужасным. Опустошающим и изнуряющим, и теперь у тебя должно быть только самое лучшее.

Потому что я была больна? То, через что я прошла, было «ужасным» и у меня «должно быть только самое лучшее»? Эти слова были частью коллекции слов, которые я привыкла слышать. Но одно слово всегда оставалось не сказанным. Главное слово никогда не присутствовало. Оно молча весело в воздухе. Они всегда предполагали, что из-за него я должна иметь самое лучшее. После рака, этого самого главного слова, всё должно было стать легче? Нет, ничего не стало легче. Я всё ещё живу этой жизнью и мне по-прежнему тяжело. Так же, как и всем остальным.

— Спасибо, — было всё, что я смогла сказать. Если бы я сказала, что на самом деле чувствую, то повела бы себя как засранка, мне пришлось бы стоять здесь и спорить. Поэтому я отошла от бара с улыбкой на лице, которую не чувствовала, но которую довела до

совершенства ещё с тех пор, как болела. Моя «фальшивая улыбка» была одной из лучших. Я должна получить за неё Оскар.

— Блосс! — голос Саффон раздался из толпы, и я съёжилась. Она уже напилась. Я слышала это в её неотчётливой речи. Где она вообще находит людей, которые покупали ей алкоголь?

— Вот и она. Я уже написала сообщение Холланд. И она приехала, — сказала Кримсон, указывая на дверь, через которую проходила Холланд. На ней была обычная одежда. Словно она сидела дома, наслаждаясь чтением. Что, как я думаю, и происходило на самом деле.

— Но здесь Джеймс! Я пришла увидеться с Джеймсом! — захихикала Саффон, её сиськи почти вываливались из её толика, который, к слову, был размером с салфетку.

Холланд остановилась. Боль в её глазах была быстро скрыта. У неё безусловно чувства к Джеймсу.

— Я выведу её на улицу, — сказал Джеймс. Он обхватил рукой её обнажённую талию, и Саффон улыбнулась ему, прижимаясь к его телу, прильнув к парню как щенок.

— Ты здесь, — проворковала она. — Джеймс здесь со мной.

— Ага, но ты уже и так об этом знала, — был его ответ.

— Я надеялась, что он останется за столом и не станет в этом участвовать. Почему парни такие глупые? — спросила Кримсон с отвращением.

Я не знаю ответа на этот вопрос. Я и сама часто задаюсь им. Знает ли Джеймс, что делает? Как он может упустить выражение глаз Холланд, когда она смотрит на него? Саффон была её идентичной копией, но Холланд не одевалась как Саффон и была тихой, более замкнутой.

Неужели именно этого хотят мужчины? Легкомысленного внимания таких, как Саффон? Порченных товаров, у которых истёк срок годности? Я сфокусировалась на группе за столом. Рука Нейта была обвита вокруг талии Октавии. Они разговаривали и смеялись. Джимми всех развлекал, потому что когда он хотел, он мог быть таким. Нейт казался счастливым. Довольным.

Моё сердце ещё немного расколосось и обессилело. Я сама напросилась на это, пригласив их. Пришло время принять это и научиться с этим жить.

НЕЙТ ФИНЛИ

Прошлым вечером по дороге к дому Октавии было тихо. Когда мы вошли внутрь, она направилась в свою комнату и закрыла дверь. Никаких слов. Ничего.

Не было вопроса относительно того, что случилось. Я знал. Нужно быть абсолютным идиотом, чтобы не понять, что её так обидело. Проклятье, я знал, что это станет проблемой, пока делал это. Но, чёрт меня подери, я был не в состоянии остановить себя.

Было сложно не смотреть на Блосс. Я пытался. Боже, я так чертовски сильно пытался. Я делал всё возможное, чтобы не смотреть на неё прошлым вечером. Но я мужчина, а Блосс... ну, Блосс это Блосс. Её трудно игнорировать.

В итоге я просто сдался и наблюдал за ней. Позволил глазам следить за каждым её движением. Одновременно с этим понимая, что Октавия заметит и последуют разборки. Не потому что она ревнивая особа. Она не такая. У неё нет времени, чтобы сосредотачиваться

на ком-то, кроме себя. Слишком мало места для ревности.

Нет, Октавия злилась потому что, то, что я смотрел на Блосс, было пощёчиной для неё. Другие видели это. Знали, что она не центр моего внимания и что она ничего не может с этим поделать. Я абсолютно уверен, что она поквитается со мной. Не с Блосс.

Однако я не собираюсь тестировать эту теорию. Когда я проснулся и увидел, что спальня Октавии уже пуста, я потащил свою задницу в её магазин. Блосс не будет там ещё час, так что у меня есть время уладить это дерьмо, если она действительно собирается из-за меня уволить Блосс.

Войдя в офис, который Октавия попросила меня устроить в задней части магазина, я почувствовал запах дорогих французских духов, которыми она любила пользоваться. Это привлекло моё внимание. Одна из первых вещей, которая привлекла моё внимание, когда мы познакомились. Мне нравятся приятные запахи, а Октавия всегда пахнет потрясающе. Деньги могут сотворить и не такое с тобой.

Она стрельнула раздражённым взглядом в мою сторону перед тем, как вернуться к тому, что делала за компьютером.

— Ты — ублюдок, — сказала она с шипением в голосе.

— Мне жаль.

Я узнал от отца, что извиниться перед женщиной легче, чем спорить с ней. Иногда это срабатывает, а иногда нет. Я надеялся, что это как раз тот самый случай, когда это сработает. Однако складка, залёгшая между её бровей говорила мне, что я в полном дерьме. Это не будет так просто.

— Перед всеми теми людьми. Никогда, Нейт Финли, ты ещё никогда не унижал меня таким способом. Если бы ты так сделал, мы бы сейчас не были помолвлены и не жили бы вместе. Я бы покончила с тобой.

Это было драматично. Не её обычный ответ.

— Я пытался присмотреться к ней. Через месяц ты планируешь оставить её здесь одну заниматься твоим бизнесом.

Октавия подняла свой горящий взгляд от экрана и смерила меня им.

— Не надо, чёрт тебя дери, покровительствовать мне. Она красива и в ней эта невинность деревенской девушки. Ты не мог оторвать от неё глаз. Это было очевидно для всех присутствующих. Включая её, а она наивна именно настолько, насколько может быть наивна женщина её возраста. Не веди себя так, словно делал это ради меня.

Ладно, возможно, я должен подойти с другого угла. Но, чёрт возьми, другого нет. Не совсем. Вчера вечером я хотел смотреть на неё и перестал пытаться притвориться, что меня не тянет к ней. Я очарован ею. К чёрту всё. Это не то дерьмо, с которым я хочу иметь дело. Это нелегко. А я хочу лёгкости.

— Нет, женщина её возраста, которая выглядит как она, не может быть такой наивной. Я не поверил этому. Я наблюдал, как её друзья вели себя с ней и как она держала себя. Ты считаешь, что она заслуживает доверия, потому что она какая-то деревенская девушка из Алабамы и такая чертовски наивная.

Прозвучало ли правдоподобно то, что я сейчас сказал?

Октавия нахмурилась. Словно думала о том, что я сказал и словно в этом был смысл. Конечно же, она видит сквозь мой блеф.

— Ты считаешь, что я слишком доверчива?

Нет. Ни черта. Блосс заслуживает доверия, как ни один другой работник, которого

когда-либо наймёт Октавия, но это, кажется, сработало, так что я решил продолжить. Что угодно чтобы успокоить дерьмо Октавии и спасти работу Блисс.

— Считал. Да. Но ты права. Девушка именно такая, какой кажется. Немного незрелая для своего возраста, но она из среднего класса и нуждается в работе. Она, кажется, готова доказать свою нужность, и она по-настоящему нравится близким ей людям. Они доверяют ей. И прошлым вечером она ни разу не пыталась поймать мой взгляд. Не пыталась флиртовать и даже не улыбнулась мне.

Октавия медленно кивнула.

— Я заметила. Она видела, что ты наблюдаешь за ней, но не воспользовалась этим. Она игнорировала тебя. Я уважаю это. Хотя мы должны рассказать ей правду. Что ты присматривался к ней. Проверял её. Ей не стоит думать, что ты каким-то образом заинтересован в ней. Она не похожа на нас. Она не должна считать, что может соответствовать твоему миру, и разрушить лучшую возможность, которую может получить в этом городе. Богу известно, женщины могут быть глупыми, когда дело касается тебя.

Большая часть того, что она только что сказала, разозлила меня.

Забудьте.

Всё, что она только что сказала, разозлило меня. Я терпеть не могу элитарный образ мышления Октавии. Это единственное, с чем, боюсь, я не в состоянии жить всю оставшуюся жизнь. Или любую часть жизни.

Блисс не хуже нас, только потому что выросла в других условиях. Моя собственная мать выросла в похожих с Блисс условиях и является одной из самых умных женщин, которых я знаю. Социальный класс ничего не значит.

Было несколько долбанных идиотов, которые выросли в загородном клубе вместе со мной. Деньги не делают тебя важным. Это не билет в одну сторону. В мир элиты. Особенно для таких людей, как я и Октавия. Мы не богаты. Богаты наши родители. Мы дети с трастовым фондом. Не очень-то впечатляюще.

Но сейчас на кону работа Блисс, и я знаю, что должен сыграть роль. Оставить свои мысли при себе. Притвориться, что согласен. Я мог бы позже поразмышлять над этим. Когда не буду стоять здесь перед женщиной, которая наблюдает за каждым моим движением и выражением лица.

— Блисс не такая, как мы. Ты права. Она деревенская девушка из Алабамы со средним образованием и с очень маленьким знанием реального мира. Здесь, в Си Бризе, она живёт в мыльном пузыре. В том, из которого никогда не выберется и из которого не освободится. Но это делает её безопасной. Она хороший работник, и теперь мы знаем, что ты можешь доверять ей.

Одно то, что я сказал всё это дерьмо, заставило меня возненавидеть себя. Это не правда. Блисс поборола заболевание, которое ежедневно забирает множество жизней. Если она захочет выбраться из этого чёртового городка, она выберется. Она создаст саму себя. И достигнет любых целей, которые поставит перед собой. Она будет бороться, пока не получит то, к чему стремится. Я верю в это.

Октавия кивнула.

— Хорошо. Я рада, что ты согласен. — Затем она рассмеялась. — Сама идея о том, что она хоть когда-нибудь сможет вписаться в твой мир, — смехотворна. Думаю, вчера вечером я просто была уставшей. Слишком чувствительной. Я должна была понимать, что ты не заинтересуешься кем-то вроде неё. Не думаю, что ты когда-нибудь сможешь быть с кем-то,

кто настолько ниже тебя по общественному положению.

«Блисс не такая, как мы... Она деревенская девушка из Алабамы со средним образованием и с очень маленьким чувством реального мира. Здесь, в Си Бризе, она живёт в мыльном пузыре. В том, из которого никогда не выберется и из которого не освободится...»

Эти слова ещё долго снова и снова прокручивались в моей голове после того, как я отошла от двери кабинета Октавии. Я должна была подтвердить цену на босоножки, которые она заказала. Вот и всё. Ничего больше.

И всё же... вместо этого я разбита. Босоножки по-прежнему были в моей руке, когда я стояла в передней части магазина, уставившись в окно невидящим взглядом. «Деревенская девушка из Алабамы». Я вздрогнула и зажмурилась, желая стереть эти слова из памяти. Если бы я только подождала несколько минут прежде, чем подойти туда. Я бы по-прежнему жила в своём счастливом пузыре, где Нейт весь вечер наблюдал за мной, а моё сердце колотилось от надежды.

Это моё наказание. Я не должна была желать, чтобы он смотрел на меня. Наблюдал за мной. Потому что он не свободен. Я хотела отбить жениха Октавии. Это неправильно. И я заслужила это наказание. Боль от понимания того, как на самом деле ко мне относится Нейт.

Он не тот парень из нашего лета. Он вырос и изменился. Так же, как и я. Я стала сильнее. Менее наивна. Реальный мир и его ужас ненадолго коснулись меня. Но боль от разбитого сердца была в новинку. Я бы предпочла не знать, каково это.

Меня очень сильно оберегали. В действительности я не знала, какой меня видит мир. До этого момента. Мне нравилось думать, что я на пути создания собственной настоящей жизни. Что моя победа над лейкемией сделала меня сильнее. Что меня нелегко сломить и у меня есть цели. Много целей. Я надеялась, что люди видели и это, когда смотрели на меня.

Видимо, нет. Я была деревенской девушкой со средним образованием и без знания реального мира. Это одновременно и пощёчина, и нож в грудь. Если бы только на этих чёртовых туфлях был ценник, я бы по-прежнему оставалась в счастливом неведении.

— О, хорошо, что ты здесь. Мы должны что-нибудь добавить на витрину. Внешний блеск. Немного того, чего нет у других. Белые мерцающие огни или атмосферу Манхэттена. Дать покупателям вкус того, что они приобретают, заходя в магазин. Очаровать их. Одних нарядов недостаточно.

У меня всё ещё есть работа, которую надо сделать. Теперь больше, чем раньше, я должна кое-что доказать. Что эта деревенская девушка из Алабамы может впечатлить их. Я не была глупой. Но давление от того, что я должна сделать, заставляло меня нервничать. Что если я дам ей идею, а он отбросит её? Что если мои идеи слишком простые? Такие же, как и я, по мнению Нейта.

— Не пойми меня неправильно. Ты проделала великолепную работу, выставив напоказ наши лучшие предложения. За это тебе моя благодарность. Теперь нам необходимо сделать следующий шаг. Дать им то, что они не получают, смотря на другие витрины. Показать им, почему этот магазин выделяется на фоне других. Почему они не могут пройти мимо него.

Почему они обязаны купить что-нибудь в магазине «У Октавии».

Нейт появился, когда она говорила о том, чтобы сделать витрину завораживающей. Раньше было сложно игнорировать его. Но теперь... это стало проще. Я должна кое-что доказать, но не ему. Я должна доказать себе. Напомнить себе, что я не такая, как он сказал. То, что он видел, это лишь его допущения. Я могу достигнуть намного большего, чем он считает, и Нейт никогда не удостоится чести узнать об этом. Теперь наше прошлое было только прошлым. Дверь захлопнулась. Воспоминания были задвинуты так далеко, что потребуется работать много дней над раскопками, чтобы выкопать их. Я покончила со всем, что касается Нейта Финли.

Я должна показать, кто такая Блосс Йорк, показать, что она сильная, умная и способная достигнуть своих целей. Всех и даже больше. Присутствие Нейта отошло на задний план, и я обратила всё своё внимание на витрину. Я была сосредоточена на ней и только на ней.

Одна деталь, которую они не знали о девушках из Алабамы, это то, что, когда нас загоняют в угол, мы выходим, подняв кулаки, готовые побеждать.

— Мне нравится идея с мерцающими огнями. Это прибрежный городок, и люди, делая здесь покупки, будут искать что-то, что будет напоминать им о песке, прибое и солнце. Мерцающие огни могут выступать в качестве солнечного света, мы можем принести песок для пола, но всё же полного видения Си Бриза не будет. Нам необходимо что-то, что привлечёт взгляды. Витрина с подвешенными белыми перьями, будто они свободно летают на ветру, будет уникальной и привлекающей внимание.

Не знаю, откуда взялась эта идея. Я просто открыла рот и позволила мыслям вылиться наружу. Не заботясь о том, насколько они могут показаться смехотворными. Картинка в моей голове начала приобретать очертания, и я добавляла к ней детали, не переставая говорить и не давая Октавии возможности что-то вставить, пока не выложила всё до конца. Показав ей к чему это приведёт, а затем объяснив, почему это будет продаваться. По тому, как я рассуждала о желаниях покупателей, кто-нибудь мог подумать, что я работаю в магазине розничной торговли всю свою жизнь.

Когда я наконец-то закончила, то стала ждать её реакцию. Приготовившись к худшему, но, зная, что я не отступила из-за страха или из-за серьёзного удара по моей самооценке, который нанёс Нейт несколько минут назад.

— Это великолепно, — были слова, вылетевшие из её рта. Я выдохнула воздух, который задержала. Я была с ней согласна. Не знаю, как мне удалось так быстро придумать нечто подобное и так чётко объяснить, но я сделала это. И я рада, что смогла. Это был момент, когда мне было необходимо доказать не им, а самой себе, что я могу это сделать. — Песок и перья. Во всём городе будут говорить об этом магазине. Мы должны заказать идеальные мерцающие огни. Повесить их, как ты сказала, с потолка до пола. Я собираюсь сделать несколько звонков, чтобы нам доставили немного песка. Блосс, а ты найди перья. Будет нелегко найти большие идеальные белые перья.

Я кивнула и потянулась к карману за телефоном. Я не оглянулась, когда Октавия вышла, чтобы посмотреть, не последовал ли за ней Нейт. Я вбила в гугл «перья» и начала свой поиск. Его присутствие было очевидным. Я могла чувствовать на себе его взгляд, но я решила просто игнорировать его. Повернувшись к нему спиной, я начала изучать окно, которое мы собираемся преобразить, и задавалась вопросом, стоит ли нам добавить что-нибудь ещё. Возможно, немного серебра. Белое с серебром было бы превосходно.

— Ты выбила всю почву из-под грёбанных ног. Взорвала мозг Октавии. — Нейт подошёл

ближе. Его голос был глубоким, а в его тоне чувствовались нотки гордости. Я нашла это странным, учитывая его слова, чуть ранее сказанные Октавии. — Песок внутри будет ещё той головной болью, но это превосходно. — Он пытался заставить меня ответить ему. Он не привык к тому, что я игнорирую его. Я не грубый человек. Мне всегда хотелось быть доброй, и во мне было достаточно доброты. Однако сегодня я не чувствовала её по отношению к Нейту. Обернувшись, я пронзила его пристальным взглядом.

— Думаю, мы — деревенские девушки из Алабамы — можем удивить даже тебя. — Я не стала ждать его ответа. Вместо этого я прошла напрямик в заднюю часть, где он не сможет сказать ещё что-нибудь, иначе Октавия услышит его. Теперь он знает, что я слышала. Это всё, что требовалось сказать, чтобы он понял.

Меня больше не волнует, имеем ли мы с Нейтом прошлое, настоящее или будущее. Теперь нужно найти эти перья.

НЕЙТ ФИНЛИ

Твою мать!

Пошло оно всё к чёрту! Из всего, что я когда-либо говорил, это последнее, что должна была услышать Блосс. Всё это чушь собачья. Я пытался спасти её работу. Переубедить Октавию, а вместо этого мои намерения сыграли против меня.

Я должен выйти наружу. К моему внедорожнику. Подальше от всего этого. Чтобы я таким образом смог взять контроль над своим ртом. Потому что сейчас всё, что я хотел сделать, это объяснить Блосс, почему я сказал те слова, и мне плевать, если меня услышит Октавия. Что ещё больше ранит Блосс. И не поможет.

Но её глаза были опустошены. Это говорило больше, чем спокойное выражение её лица, которое она использовала, чтобы скрыть боль. Она была не в состоянии замаскировать её. Мои слова сильно ранили её.

Я потёр рукой грудь, чтобы немного облегчить боль. Я не хочу ранить её. Чёрт, я хочу вызывать у неё только улыбку и больше ничего. Она озаряла комнату, когда улыбалась. Любой, из-за кого эта улыбка может угаснуть, не заслуживает дышать. Блосс была настолько близка к совершенству, насколько могла быть женщина, и то, что я натворил, убивает меня.

Я уставился на закрытую дверь и взвесил свои возможности. Я мог бы вернуться туда и объяснить ей. Исправить всё. Сказать, что именно я чувствую к ней. Сказать, как я её боготворю. Или же я мог позволить ей сохранить работу и увидеться с ней немного позже.

Сегодня вечером.

После работы. В её квартире.

Вот как я должен поступить. У неё дома безопасно. Октавия не увидит меня там и не узнает, что я разговаривал с Блосс. Она ничего не узнает. Я направился к двери и остановился. Я не смогу смотреть на Блосс и держать свой рот на замке. Я не хочу, чтобы она думала, что я действительно имел в виду то, что сказал, и, если она снова посмотрит на меня этими блестящими голубыми глазами полными боли, я сломаюсь и всё расскажу.

Я вернулся к своему внедорожнику и рывком открыл дверь, затем забрался внутрь. Поеду куда-нибудь на весь день. Я могу позвонить Октавии и придумать причину, по которой мне пришлось уехать. Я не её сучка, и этот чёртов магазин не моя ответственность.

Если я не хочу в нём работать, то и не должен.

Разъезжая по городу, я проигнорировал три сообщения от Октавии. Смешно, когда ей не нужен, она никогда не пишет мне. Внезапно это стало раздражать меня. Ещё две недели назад, я был благодарен, что она не сводит меня с ума.

Блисс всё изменила. Она не должна была, но изменила. То, что я видел её и находился рядом с ней, заставляло меня задуматься, насколько на самом деле я доволен той жизнью, которую спланировал. Я поймал себя на мысли о том, насколько мне не хватает драмы в моей жизни, а для меня это было бредом сумасшедшего. Для большинства мужчин это бред сумасшедшего.

Хотя Блисс не была бы драматична. Она бы значила больше. Нуждалась бы в большем. А я не уверен, что справлюсь. Она заслуживает всё это. После дерьма, через которое она прошла, Блисс заслуживает принца, а я не один из них. Я, скорее, «плохой парень». Тот, с которым вы проводите немного времени, а затем продолжаете жить дальше.

Октавия это поняла. Её устраиваю я и то, кем я являюсь. Каким-то образом теперь это не имеет большого значения. Я заехал на парковку дома Блисс и достал свой телефон. Три сообщения от Октавии содержали следующее: *«Ты где?»*, *«Ты можешь достать несколько ящичков для хранения вещей?»*, *«Я должна уехать на весь день. Блисс всё закроет. Увидимся вечером»*.

Вот и всё. Она не стала продолжать расспрашивать о моём местонахождении. Она не позвонила мне. Казалось, ей плевать. Какой мужчина не хочет такого? Только глупый.

В ответ я написал: *«Думаю поеду и навещу деда. Увидимся вечером»*.

Это всё, что ей нужно. Больше никаких объяснений. Ничего.

Простое *«хорошо»* было её ответом.

Легко. Так чертовски легко. Но была ли эта лёгкость тем, чего я на самом деле хочу? Было ли это то, что кто-либо на самом деле хочет?

Я направился от своего внедорожника к дому Блисс и попытался обдумать, как буду ей всё объяснять. Что скажу. Как скажу. Ничего не казалось достаточно подходящим. Я собираюсь поспешить и просто извиниться. Сказать ей правду. Убрать это печальное выражение из её глаз. Боже, на это тяжёло смотреть.

Когда я остановился у её двери, то услышал внутри голоса. Не только её и Элая. Несколько. Громкие голоса, которые разговаривали и смеялись. Словно у них вечеринка. Я серьёзно задумался над тем, действительно ли я хочу сделать это прямо сейчас. Возможно, я должен подождать. Я хочу поговорить с ней наедине. А не в квартире полной людей.

Эти глаза преследовали меня, и я должен всё исправить. Я постучал. Голоса не стали тише, и я задался вопросом, а слышали ли они меня. Должен ли я постучать сильнее? Им нужен чёртов дверной звонок.

Прежде чем я смог ещё подумать об этом, дверь распахнулась, и там стояла Блисс. Я видел людей за её спиной, но не мог сосредоточиться на том, что происходит в комнате. Всё, что я мог видеть, это Блисс. Она мгновенно сменила улыбку на хмурое выражение лица. Затем в её глазах мелькнула злость.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал я прежде, чем она успела захлопнуть дверь перед моим носом. Я не знаю, сделала бы она так или нет, но не собираюсь рисковать.

— Я услышала достаточно, — резко ответила она. Затем, словно её рыцарь в блестящих доспехах, рядом с ней появился Элай. Хмурый вид его лица говорил о том, что он в курсе. Она рассказала ему. Он хотел врезать мне по морде, и я не винил его. Хотя ему не стоит

пытаться: Элай не из моей весовой категории.

— То, что ты слышала, и что происходило на самом деле — две абсолютно разные вещи. На кону была твоя работа, Блисс. Она подумала, что я увлечён тобой. Я должен был что-то предпринять, чтобы всё исправить.

Её глаза округлились, а хмурость исчезла.

— Она занята, — сказал Элай до того, как она смогла ответить.

Но она положила руку на его предплечье.

— Нет, я хочу поговорить с ним. Я скоро вернусь.

Он выглядел так, словно готов схватить её в охапку и захлопнуть дверь перед моим носом.

— Уверена?

Она отвела голову назад и посмотрела на него.

— Да.

Вздыхнув, он шагнул назад, затем снова стрельнул в меня ещё одним предупреждающим взглядом.

Блисс вышла из квартиры и закрыла за собой дверь. Я был рад, что Элай остался с другой стороны и больше не открывал свой рот. Я не нуждаюсь в его мнении, как и Блисс не нуждается в защите от меня.

— Я слушаю, — сказала она, скрещивая руки на груди. На ней была майка без рукавов и обрезанные джинсовые шорты. Её ноги были открыты, а ногти пальчиков ног выкрашены в ярко-розовый цвет. Сегодня она выпила больше, чем один бокал вина. Я чувствовал это по её дыханию. Всё это притягивало меня. Я хотел подойти ближе. Прикоснуться к ней. Вдохнуть её запах. Проклятие, я в полной заднице.

— Ты знаешь, вчера вечером я не мог перестать смотреть на тебя. Ты не раз ловила меня, когда я наблюдал за тобой. Как и Октавия. Мне пришлось сказать ей, что я проверял тебя, чтобы удостовериться в твоей порядочности. Что она может доверять тебе. Мне пришлось придумать для неё несколько причин, иначе она бы уволила тебя. Даже несмотря на то, что ты лучший работник, которого она когда-либо сможет найти. Я не имел в виду ни единого слова, произнесённого мной. Это была чушь, которую ей необходимо было услышать. Ничего из этого не является правдой. Я...

— Я уволилась, — она прервала меня.

Я замолчал, чтобы удостовериться, что правильно расслышал её слова. Она уволилась? И Октавия мне не сказала?

— Что? Когда?

Она подняла руку и убрала локон за ухо. Даже её ушки идеальны. Или, возможно, я настолько необъективен, что мне всё в ней кажется идеальным.

— Я сказала ей сегодня перед тем, как ушла. Я поблагодарила её за работу, затем сказала, что подслушала ваш разговор и что не хочу работать на кого-то, кто так низко оценивает меня. Она даже не извинилась. Думаю, ей вообще всё равно.

Октавии действительно всё равно. Будь я проклят, если меня это не злит.

— Тебе была нужна эта работа.

Она кивнула, соглашаясь со мной.

— Да, нужна. Но пока я не найду другую, я буду работать официанткой в «Лив Бей». Разносить напитки.

И я больше не увижу её. Если только не приду в «Лив Бей», когда она будет там

работать. Из дня в день я знал, что она в магазине Октавии, и теперь это всё закончилось. Боль, сформировавшаяся в моей груди, теперь стала размером с бездну. С пустоту. И я сделал то, что сделал бы любой отчаявшейся мужчина.

Я схватил её за талию, притянул к себе и целовал, пока каждый из нас не начал задыхаться.

Я потерялась в этом моменте. Мой мозг не воспринимал, что правильно, а что нет. Не сейчас. Моё сердце и разум утопали в этом поцелуе, и я позволила этому произойти. Не просто произойти, я хваталась за этот момент изо всех сил и ещё немножко. Мои руки обхватили его мускулистые предплечья, и моё тело прижалось к нему. Я могла бы навсегда остаться в этом положении, где его тело движется напротив моего, а вкус его рта заставляет пальчики моих ног сжиматься.

То, что он сказал, и насколько это ранит больше не имеет значения. Я верю ему. Он не имел в виду то, что сказал. Нейт, которого я знала, не был грубым и надменным. Это была уловка, чтобы спасти мою работу. Работу, которую после всего услышанного я не хотела. И я должна признать, что происходящее намного лучше моих воспоминаний. Ну, конечно же, ведь теперь он взрослый мужчина. И он точно знает, что сделать и как это сделать.

Нет, меня больше ничего не волнует. Это всё, в чём я нуждаюсь.

Пробежавшись руками вверх по его предплечьям, я вдохнула его запах и почувствовала, как стон удовольствия вырывается из меня. Для девственницы с мизерным опытом моё тело слишком сильно зудело, и мне до боли хотелось прижаться ближе. Получить больше.

В тот момент, когда мои руки нашли его широкие плечи, а его руки отыскивали мою задницу, я вспомнила, что на самом деле имеет значение. То, что делает всё это неправильным. Последовавшее ощущение было сравнимо с тем, как если бы тебе оторвали руку или ты отшагнул в холодную тень с палящего солнца. Но я всё же сделала это. Я прервала поцелуй и использовала обе руки, чтобы оттолкнуть его. Подальше от себя. Подальше от того, что я так хотела, но не могла иметь.

Это неправильно. Он не свободен. Он принадлежит другой.

— Блосс, — начал он, но я отрицательно покачала головой. Он не должен что-либо говорить.

— Это было неправильно, — сказала я ему. Он уже знает об этом и именно это и собирался сказать. Но мне самой нужно было сказать об этом. Услышать, как он подтвердит, что этот поцелуй — ошибка, не то, с чем я могу справиться в данный момент. Моё сердце слишком быстро билось, потому что реальность внезапно накрыла меня.

— Ничего в этом не было неправильным, — начал спорить он, делая шаг ко мне. Я отступила.

— Остановись. Не надо. Да, это было неправильно, — сказала я. Хоть я и не согласна с ним, его слова принесли мне столько же облегчения, сколько и причинили боли. Он не сказал, что совершил ошибку. И я благодарна за это, даже если это и эгоистично.

— Блосс посмотри на меня, — взмолился он. Я не думаю, что это хорошая идея. Если я увижу эти глаза и губы, не уверена, что не брошусь к нему. Я не могу прикасаться к нему. Не могу наслаждаться им. Не могу смеяться с ним и целовать его. Он не принадлежит мне, чтобы я могла обнимать его. Он принадлежит другой, а я целовалась с ним.

Худшее в этом то, что я ни о чём не жалею. Я должна чувствовать стыд. Ужас. Я плохо поступила, но мне всё равно. Я бы ни на что не променяла этот поцелуй. Я буду просто жить

со своим преступлением. Со своим недостатком. Кого я обманываю: у меня множество недостатков, но теперь я знаю, что во мне есть действительно серьёзный дефект. Я стала «другой женщиной».

— Тебе лучше уйти, — сказала я, по-прежнему смотря в пол.

Он вздохнул, и я услышала, как он издал разочарованный стон.

— Я не могу, это не... блять! — Он не выразил свою мысль полностью, но я поняла каждое слово. Я чувствовала то же самое. Даже последнее слово. — Там что-то есть. Что-то между нами. Всегда было, с тех пор как я впервые увидел тебя. Но это что-то до смерти пугает меня. То, что у меня есть сейчас... это легко. — Его последнее слово прозвучало тихо, словно ему пришлось признаться в чём-то, чего он стыдится.

Моё сердце уже было разбито, но оно ещё больше раскалывалось на осколки, пока мы стояли тут. Между нами действительно что-то есть. Связь, которая влечёт меня к нему. Заставляя меня желать быть ближе. Он делает мой мир ярче. Я думала, что у меня это из-за ограниченного опыта с парнями, но он тоже чувствует это. Я не одна такая.

Хотя это ничего не меняет. Он хочет лёгкости. А со мной не просто. Это потому что я была больна? Теперь я здорова. Но люди видят во мне только больную девочку. Я ненавижу это. Я не хочу, чтобы кто-либо считал меня таковой, особенно Нейт.

— Я не больна... я избавилась от любых признаков рака, — сказала я, поднимая глаза, чтобы встретить его взгляд. — Уже почти как четыре года.

Он нахмурился и мгновение изучал меня. Словно ничего не понял из того, что я только что сказала.

Дверь открылась позади меня. Я повернулась и увидела Элая.

— Ты в порядке?

Он беспокоится. Мы пробыли здесь дольше, чем я ожидала. Элай, вероятно, расхаживал возле двери, ожидая моего возвращения. Он такой. Он никогда не обращался со мной, словно с больной девочкой. Даже когда у меня не было волос и я проводила дни слишком больная, чтобы поест и усвоить пищу.

— У нас всё хорошо, — заверила я его.

Он не выглядел убеждённым, но, подождав секунду, неохотно закрыл дверь. Он захочет узнать абсолютно всё об этой встрече, а я буду не в состоянии рассказать ему. Я не смогу рассказать ему, что поцеловала жениха другой женщины. Потому что он будет ждать, что я почувствую угрызения совести. Признаю свою вину. А я не могу. Если бы это был кто-нибудь другой, я бы чувствовала вину, но не с Нейтом. Сначала он был моим, а не Октавии.

— Я знаю, что ты избавилась от рака. Зачем ты сейчас говоришь об этом?

Потому что он сказал, что со мной нелегко. А он хочет лёгкости. Он что не помнит, что сказал?

— Ты сказал, что я пугаю тебя, а ты хочешь лёгкости.

В его глазах появилась печаль, когда до него дошёл смысл моих слов. Затем он сделал шаг ко мне, и на этот раз я не отступила. Я решала, что, возможно, меня не заботит тот факт, что он не свободен. Я бесстыдница. Или, по крайней мере, становлюсь таковой.

— Это не то, что я имел в виду, — ответил он. — Моя жизнь... то, что я чувствую к тебе, это слишком. Это никогда не будет легко.

— Так что ты хочешь чувствовать?

— Свободу. Никаких привязанностей.

Он не хочет ничего чувствовать. Он не хочет рисковать почувствовать боль, чтобы

испытать что-то прекрасное. Он трус. Он не любит Октавию. Ему просто нравится, что с ней легко. Её никогда нет рядом, и, кажется, она не особо хочет проводить с ним время. Это не отношения. Это не то, что есть у моих родителей. А я хочу того, что есть между ними. Каждая девушка мечтает о такой преданности.

— Тогда нам не о чем говорить, — ответила я.

Я должна была развернуться и зайти в квартиру. Оставить его одного, не сказав и слова. Устроить грандиозный уход. Но я стояла на месте. Потому что знала, что, как только я уйду, всё закончится. И я, возможно, больше никогда не увижу его, а я пока не могу отпустить его.

— Мне жаль, — всё, что он сказал.

— Мне тоже, Нейт Финли. — Затем я заставила свои ноги шевелиться, своё сердце отпустить его, а свой разум заткнуться. Мне жизненно необходимо вернуться в квартиру. Я не доверяю своему рту, он может сказать что-то, о чём я пожалею. Что-нибудь глупое, как например, начать умолять его о том, чтобы он полюбил меня. Просто попробовал. Но это то, что он должен захотеть сам. И я не должна умолять его об этом. Моя мама — центр мира для моего папы. Они любят нас, детей, но мы всегда знали, что друг от друга они без ума. Это оберегало нас и показывало нам, какими на самом деле должны быть настоящие чувства.

Однажды я встречу мужчину, который будет любить меня именно так. Как бы моё сердце ни желало, чтобы это был Нейт Финли, я знала, что этого не случится. И это ещё очень долгое время будет причинять мне боль.

НЕЙТ ФИНЛИ

Я собираюсь напиться вусмерть. Меня найдут мёртвым на обочине дороги. Или, может, откажет моя печень. Чёрт, я в Алабаме. Велик шанс, что я скажу что-нибудь не то какому-нибудь парню, и он выстрелит мне в голову. Будь я проклят, если меня это волнует.

С этими мыслями я сделал ещё один глоток из бутылки Maker's Mark в моей руке. В данный момент я именно так справляюсь со своей жизнью. Когда я трезв, я думаю о Блесс. Кого я обманываю? Я пьян в стельку и всё равно думаю о Блесс. Просто это ранит чуть меньше из-за отупения, вызванного алкоголем.

Октавия особо ничего не сказала об увольнении Блесс. Её ответом, когда я на следующий день спросил об этом, было: «О, она уволилась. Я достаточно скоро заменю её». Она даже не назвала мне причину. Я, мать вашу, знал причину, но тот факт, что Октавия скрыла её от меня, бесит меня.

Ну, вообще-то сейчас всё, что касалось Октавии, начинало бесить меня. Я постоянно раздражаюсь из-за неё.

Я сделал ещё один глоток. Я припарковался у «Лив Бей». Подумал насчёт того, чтобы войти внутрь, но решил, что в данный момент эта бутылка и мой внедорожник — самое то. Мне не нужна толпа свидетелей того, насколько я опустился.

Когда сегодня Октавия уехала, наняв какую-то тридцатилетнюю мамашу, которая понятия не имеет, что делать, я решил, что могу либо вернуться в Розмари Бич, либо напиться.

Я выбрал второй вариант просто потому, что уехать из Си Бриза, означало уехать от Блесс. И, даже несмотря на то, что я не видел её пять дней, мысль о том, чтобы быть так

далеко от неё, вызывала режущую боль в груди. Что тоже стало причиной, чтобы напиться. Так что именно это я и делал.

Откинувшись на спинку сидения, я наблюдал, как люди, смеясь, заходят внутрь, чтобы чертовски хорошо провести время. Они не похожи на меня. Они здесь, потому что здесь весело. Сейчас время грёбаного веселья. Я вытянул свою бутылку и поприветствовал идиотов снаружи. Они не могли меня видеть сквозь тонированное стекло и из-за темноты на улице, но я всё равно сделал это. Это заставляло меня чувствовать себя не таким одиноким.

Почему я помолвлен? Я не хочу жениться. Чёрт, я чертовски молод, чтобы жениться. В чём моя проблема? Неужели я так отчаянно хотел свалить из Розмари, что посчитал брак решением проблемы? Боже, в каком-то смысле я лишился рассудка.

Я хотел лёгкости, а с Октавией было легко? Чёрт, нет! Не существует простых и лёгких отношений. А брак — это самые сложные отношения из всех. Почему, во имя господи, я думал, что это хорошая идея?

Взяв в руки телефон, я отправил ей сообщением: *«Почему, чёрт побери, мы помолвлены? Я не хочу жениться. И будь я проклят, если этого хочешь ты. Мы не подходим друг другу».*

Я остановился и сделал ещё один глоток прежде, чем отправлю сообщение. Потому что это конец. Я сказал правду, и после неё появятся последствия. Я порвал с Октавией. Отправка сообщения станет концом. Она не драматична и не будет умолять меня остаться. Она примет это за сомнение и уйдёт. Легко. Так чертовски легко.

Я нажал «отправить».

Уставившись на дверь «Лив Бей», я задался вопросом, была ли Блосс там. Была ли она той, из-за которой я только что нажал «отправить»? Изменит ли это моё решение относительно неё? Она не была простой. Это не изменилось. И я не хочу вступать в брак. Вероятно, никогда не захочу. А она захочет.

Мой телефон не завибрировал от ответного сообщения. Не было внезапных аргументов со стороны Октавии. У неё даже не нашлось для меня ответа. Она просто ничего не сказала. Я выпил две трети бутылки прежде, чем наконец-то решил, что, возможно, мне стоит зайти внутрь. Увидеть Блосс. Потому что, в конце концов, она причина, по которой я просиживаю здесь свою задницу.

Мне потребовалось три попытки прежде, чем я смог отыскать дверную ручку. И даже тогда я не смог открыть её. Вздыхая, я закрыл глаза и откинул голову на спинку сидения. К чёрту всё, я не могу вести машину, если не могу даже открыть дверь. Так что мне делать? Всю ночь здесь спать? Дерьмо. Именно это я и хотел, чтобы увидела Блосс, если бы была здесь. Меня, отключившегося в своём внедорожнике.

Стук в дверь испугал меня, и, повернув голову, я увидел грёбаного Элая Харди, стоящего рядом. Он был в своей рубашке-поло, а его волосы были идеально уложены. На его лице был осуждающий, хмурый взгляд, который заставлял вас хотеть сломать ему нос. Или, вероятно, это мне хотелось сломать ему нос. Блосс не хотелось бы, чтобы ему причинили боль, потому что он такой аккуратный и чистенький.

Но, чёрт, это так скучно. Он, вероятно, до смерти достал её. Он раздражал меня, просто смотря в мою сторону. Мне хотелось закрыть глаза и вернуться к моменту отключения. Но он снова постучал, и я знал, что он не оставит меня в покое.

Я снова попытался открыть дверь, и после нескольких попыток я всё-таки сделал это. Мистер Совершенство нахмурился ещё сильнее к моменту, как я открыл дверь, и это

заставило меня захотеть захлопнуть её обратно. Я бы захлопнул, если бы мог сообразить как...

— Ты пахнешь как виски, — были его — ох, какие мудрые — слова.

— Да ну, — промычал я. Да он чёртов Эйнштейн.

— Зачем ты здесь? Блосс заканчивает работу через несколько минут, и это не то, что ей нужно видеть.

Ну разве он не заботливый. Беспокоится, что Блосс увидит меня пьяным. Почему? Она что раньше никогда не видела пьяного мужчину? Думаю, видела, раз она работает в чёртовом баре. Сомневаюсь, что она будет очень шокирована тем, что я пьян.

— Будет, — со злостью ответил я.

— Хм? — Он что, только что прочёл мои мысли?

Элай покачал головой.

— Подвинься. Я отвезу тебя домой.

Да ни хрена. Мне удалось рассмеяться. Громко. Элай Харди думает, что собирается спасти меня? Я засмеялся ещё сильнее.

— Она будет здесь в любую минуту. Ты пьян и ведёшь себя как полный мудака. Ей не нужно это видеть. Ты достаточно боли причинил ей.

Постойте... что? Я не причинял ей боль. Я был нежен с ней. Объяснил своё поведение. Я, чёрт возьми, сломал себя, но с ней я был осторожен. Я не хотел причинять ей боль.

Элай пристально смотрел на меня. В чём его проблема?

— Ей нужно двигаться дальше, — снова ответил он, словно знал, о чём я думаю. Странное дерьмо.

— Я собираюсь спать здесь. Она не увидит меня, — начал спорить я.

— Твой внедорожник припаркован здесь. Каким образом она упустит это?

Хороший вопрос.

— Ну, она не будет знать, что я внутри. Меня невозможно увидеть в темноте.

— Я увидел тебя, — огрызнулся он. — Теперь подвинься. Я отвезу тебя домой.

Я не собираюсь ехать к Октавии. Я чертовски уверен, что только что порвал с ней, или мне это показалось? Может, мне стоит снова написать ей, чтобы удостовериться.

— В чём твоя проблема? Тебе наплевать, что ты ранишь её?

Он снова говорил о боли. Я не ранил её.

— Я не собираюсь причинять ей боль.

В этот раз он был тем, кто засмеялся, но ему было не смешно. Вместо этого он казался грубым и холодным. Словно был тем, кого раздражали. Чёрт, от чего ему раздражаться? Это он вторгся в мой чёртов внедорожник.

— Элай? Нейт? — послышался её голос. Я мечтал об этом голосе.

— Блосс, — сказал я, желая, чтобы Элай подвинулся, чтобы я смог увидеть её. Я скучал по ней.

— Я разберусь с этим. Езжай домой, — не двигаясь, сказал Элай.

— С чем ты разберёшься? — спросила она и начала говорить что-то ещё, когда подошла к нему, отодвигая его от двери своим маленьким телом. — О боже. От тебя несёт виски. Ты в порядке?

Теперь в порядке. Если она заберётся в эту машину, то мне станет ещё лучше.

— Просто пьян, любимая. Ничего серьёзного.

Она выглядела обеспокоенной.

— Я отвезу тебя домой. Элай, езжай за нами, чтобы ты смог подвезти меня до дома.

— Нет, я отвезу его, — предложил Элай.

— Он не хочет, чтобы ты это делал. Я отвезу его.

— Нет, Блисс.

— Элай, прекрати. Ты не можешь принимать за меня решения.

Я хотел с этим согласиться, но мне едва удавалось держать глаза открытыми.

— Ты вообще знаешь, где он живёт? Он в отрубке. Ничего не может вспомнить.

— Я знаю, где дом Октавии. Я работала на неё, если помнишь.

Это был тот момент, когда мне необходимо найти слова и открыть свои чёртовы глаза.

Я не могу поехать туда. Не теперь.

— Думаю, нет... уверен... думаю, что уверен. Будь я проклят, если могу вспомнить, но я чертовски уверен, что порвал с ней. Не могу поехать в её дом.

— Что? — это была Блисс, мне захотелось сосредоточиться на её лице. Она расплывалась у меня перед глазами. Было нелегко. Я скучал по этому лицу. По этой улыбке. По этим глазам. И теперь, когда они прямо передо мной, я не могу даже сосредоточиться. Грёбанный позор.

— Что? Ах, да, я не хочу жениться.

Тишина.

— Он может поехать к своему деду, — это был Элай.

— Нет. Не в таком состоянии. Мы отвезём его к нам.

— Что? — Тон Элайя чуть не заставил меня засмеяться.

— Не усложняй. Он почти отключился. Просто позволь отвезти его к нам. Он сможет проспать на диване, а утром со всем разобраться. Очевидно ведь, что он расстроен.

— Он причинил тебе боль, Блисс.

Она не стала отвечать, и мне захотелось спросить её об этом. Посмотреть, прав ли он. Я не хочу обижать её. Я никогда этого не хотел.

— Я знаю. Но он нуждается во мне. Это всё, что в данный момент имеет значение.

Я почувствовал тепло и напряжение в груди. Если бы я мог, я бы нашёл способ всё исправить. Но в данный момент темнота, с которой я боролся, победила, и мир вокруг затих. Больше не было голосов, которые я мог слышать.

Элай был в бешенстве. Ладно, возможно, это преувеличение. Элай зол на меня. Так будет точнее. Прошлой ночью я привезла Нейта к нам домой, и мне удалось заставить его пройти от внедорожника до нашего дивана в гостиной. Он много чего сказал, что, как я знала, было пьяной болтовнёй, но было так приятно. Так приятно, что большую часть ночи я не спала, думая о его словах.

Должна ли я была привозить его сюда? Вероятно, нет. Элай прав. Я сама напрашиваюсь на новую боль. Но я не могла оставить его или отвезти к деду, что было бы логичнее. Я хотела, чтобы он был здесь, где я могла наблюдать за ним, пока он спит. Теперь у меня неприятности. Замечательно.

Нейт Финли заставляет меня поступать подобным образом. Если бы он только узнал, что я к нему чувствую, это было бы унижительно. Но мне казалось, что я достаточно хорошо скрываю свои настоящие чувства. Стыдно испытывать любовь к мальчику, которым он был семь лет назад. Он продолжает жить дальше. Я нет. Моя жизнь остановилась. Но я не забыла его.

Прошлой ночью Элай был расстроен. Он ушёл в свою комнату и захлопнул дверь. Я боролась с желанием пойти за ним и поговорить. Попросить его понять и не злиться. Обычно именно так я и поступала. По крайней мере, я думаю, что в обычной ситуации я бы так и поступила. Раньше Элай никогда не злился на меня. Всё это было мне в новинку.

Теперь на моём диване лежит парень, который, перепив, отключился, а мой лучший друг зол на меня. Это нормальная ситуация для девушки моего возраста. Пришло время и мне немного пожить. Почувствовать боль взросления. Найти собственный путь в этом мире.

Это звучало крайне драматично. Я однозначно не простая и не лёгкая. А Нейт хочет лёгкости. Но не прошлой ночью, когда он сказал, что порвал с Октавией. Не уверена, что поверила ему, так как он настолько напился, что отключился. Всё же он выпил немало виски.

Я убрала под себя ноги и пригубила кофе, которое приготовила. Он скоро проснётся. По крайней мере, я на это надеюсь. Возможно, будет лучше, если он уйдёт до того, как проснётся Элай. Я привезла его сюда, но чего я добилась этим? Не то чтобы это могло что-то изменить. Меньше недели назад он сказал, что не хочет меня. Сомневаюсь, что это изменилось.

То, что он называл меня красивой и самой идеальной девушкой, которую он когда-либо встречал, ничего не значит. Он также сказал, что скучает по просмотрам «Черепашек-ниндзя». Алкоголь сделал его болтливым.

Думаю, прошлой ночью он просто скучал по прошлому. По всему из прошлого. А я лишь часть этого прошлого. Но прошлое в прошлом. Простота детства ушла безвозвратно. Я тоже по ней скучаю. Я скучаю по нему. Но тот мальчик тоже ушёл. Его заменил мужчина, которого я не знаю. Совсем не знаю.

С дивана раздался стон, и я начала наблюдать, как он потягивается. По крайней мере, он проснулся раньше Элая. Мои мысли застопорились: я была зачарована тем, как его

загорелые мускулистые руки сжимались, пока он вытягивал их и зевал. Я увидела, как он сморщил лицо, и решила, что это боль от утреннего похмелья.

Нейт действительно невероятно сексуален. Его тело, лицо, то, как он движется. Даже вчера ночью, когда он был ужасно пьян, я хотела его. У него есть обаяние, которое невозможно игнорировать.

— Блять, — застонал он, закрывая лицо руками и сильно потирая его, словно пытаюсь смыть воспоминания о прошлой ночи. Или стучащую головную боль, которая однозначно мучила его. Я никогда не была пьяна, но видела достаточно людей, которые выпивали слишком много, а затем на следующее утро платили за это.

— У меня есть аспирин и вода, когда ты будешь готов принять их. А затем тебе может помочь чашка чёрного кофе, — сказала я ему, и он замер.

Я улыбнулась, скрывая свои губы чашкой. Он забыл, где находится. Это немного забавно. Даже если я больше не увижу его, я счастлива, что сейчас он здесь.

Он медленно повернул голову и посмотрел на меня. Его на половину закрытые глаза были налиты кровью. Он не мог до конца раскрыть их. Я заметила, как он ещё раз вздрогнул, когда луч солнца, пробравшийся сквозь окно, осветил его лицо и шею.

— Это не сон. Дерьмо, — пробормотал он, затем закрыл руками глаза. — Зачем ты привезла меня сюда?

Его голос был хриплым и глубоким. Мне стало интересно, всегда ли по утрам он так звучит. Мне понравилось. Кому бы не понравилось? Это то, что заставляет тебя думать о вещах, о которых думать не следует.

— Ты сказал, что не можешь поехать к Октавии, — сказала я ему. Я должна была что-то сказать. Технически его дед живёт в этом же здании, но я не стала об этом упоминать.

— Ты должна была оставить меня в машине. Я заслужил это.

— Охрана «Лив Бей» вызвала бы полицию, и ты бы провёл ночь за решёткой.

Он убрал руки от лица, чтобы посмотреть на меня.

— И ты привезла меня сюда. К себе домой. Когда мой дед живёт в этом же здании.

Я пожала плечами.

— Я не знаю, в какой квартире, а ты прошлой ночью был не в состоянии говорить или указывать направление.

Из него вырвался стон, и он сел. Одеяло упало с его груди, обнажая её. Когда он снял свою рубашку? Это точно была не я, но я и не жалею. Его грудь — готовая обложка для журнала. Какая бы женщина не захотела увидеть это?

— Скажи мне прямо. Что я наговорил? — Он был обеспокоен, и я решила, что он вспомнил достаточно, чтобы заволноваться. Я пропущу часть, где он сказал, что, если бы женился, то только на мне. Или что он думал обо мне каждую чёртову минуту дня, так много, что эти мысли заполнили его разум. Это была пьяная болтовня, в которую я не верила, и ему хотелось бы быть уверенным, что не поверю. Это будет слишком болезненно. Я всегда буду молчать об этом.

— Ты порвал с Октавией или, по крайней мере, так думал. — Это нуждалось в некотором разъяснении.

— Дерьмо. То есть я рад, но чёрт... Я должен позвонить ей и поговорить об этом. Не помню, что написал ей. Даже боюсь смотреть в сообщения. — Он похлопал по карману. — Где мой телефон?

— Ты выронил его в машине. Я там его и оставила.

Он кивнул, затем грубо потёр своё лицо.

— Где Элай?

Элай, вероятно, в своей комнате слушает нас и по-прежнему злится.

— Спит.

Нейт встал.

— Я должен идти.

Это всё? Он не собирается ничего обсуждать? Ни что из того, что сказал вчера? Совсем? Он больше не помолвлен. Но, кажется, он и во мне не особо заинтересован. Вместо этого он выглядит так, словно хочет сбежать и не может достаточно быстро это сделать.

— Хорошо. Твои ключи на баре, — сказала я ему, не став вставать, чтобы подать их. Я всё ещё переваривала тот факт, что он собирается просто уйти. Мы не собираемся говорить. Совсем.

Как я упустила тот факт, что Нейт Финли стал мудаком?

Он остановился, а я ждала, глотнув кофе и смотря в окно. Я не знала, что сказать или как с этим справиться. Это похоже на тот странный момент после перепихона, но между нами не было секса. Никакой случайной ночи.

— Спасибо, что привезла меня сюда. Что позаботилась о том, чтобы я не спал за решёткой. Мои родители сошли бы с ума, если бы всё кончилось моим пребыванием в тюрьме.

Было ли это эквивалентом: «Было здорово. Спасибо за горячий трах»? Потому что чувствовалось именно так.

— Как я сказала, я не могла оставить тебя там.

Он не шевелился, а я не смотрела на него. Я отказываюсь позволить ему увидеть, что я в действительности чувствую в данный момент. Думаю, он пойдёт и найдёт очередную «лёгкую», чтобы заменить Октавию. Даже несмотря на то, что прошлой ночью он признался мне, что больше не хочет лёгких отношений. Что хочет большего. Это тоже пьяная чушь. И всё же я думала об этом всю ночь.

— Блисс, я сказал что-то, за что этим утром должен нести ответ?

Он ничего не помнит.

— Нет, ничего. Удачи, — ответила я, бросив на него мимолётный взгляд, пока вставала.

Сначала он не шелохнулся, и я подумала, возможно, он будет настаивать на большем. Но прежде чем я задумалась об этом, он прошёл к двери.

Когда она открылась, я позволила себе взглянуть. Чтобы запечатлеть это в своей памяти. Нейта Финли, уходящего от меня. Я должна выбросить его из своей головы и из своего сердца.

Наши взгляды встретились, но ни один из нас не сказал и слова. Мне стало интересно, смог ли он прочесть всё в моих глазах, потому что в его глазах я увидела то, что не может быть правдой. Сожаление, которое я увидела, — всего лишь принятие желаемого за действительное. Он не жалеет об этом. Он уходит с лёгкостью. Никакого беспокойства. Никаких вопросов. Только я была той, которая чувствовала боль. Я всегда была той, кому больно.

— Ещё раз спасибо, — сказал он, и всё, что я смогла сделать, это кивнуть.

Когда за ним закрылась дверь, я выдохнула, и мои плечи поникли. Элай вышел из своей комнаты, и я не смогла посмотреть на него. Он всё слышал. Он знал, что я привела Нейта на что-то надеясь... на что-то, чему даже не могла дать название.

Сильные руки Элая обняли меня, и я прижалась к нему. Но я не плакала. Я не настолько слабая. И больше никогда не буду.

НЕЙТ ФИНЛИ

Я сидел на диване своего деда три часа, уставившись в никуда. Действительно в никуда. Мои мысли были о Блисс и о сегодняшнем утре. А также о моём неожиданном статусе холостяка. Я наконец-то решил разобраться с Октавией, потому что устал, что мои отношения заключались лишь в сексе. В них должно быть что-то большее, чем секс, и я знаю об этом. Того, что было у меня с Октавией, недостаточно.

Одно единственное сообщение, которое я получил от неё, говорило достаточно: *«Рада, что ты понял это прежде, чем стало поздно»*.

Вот и всё. Ничего больше. Никаких телефонных звонков или всплесков драмы. Только одно сообщение. Такая чёртова лёгкость. Или же это чёртова пустота. Возможно, пустота и означает лёгкость.

Я мог бы сидеть здесь и задаваться вопросом, испортил ли я что-то хорошее. Но это лишь потеря времени. Потому что я свободен и всё, о чём я могу думать, это Блисс. Я должен вернуться в её квартиру и сказать ей, что хочу её. Хочу нас. Хочу получить шанс.

Хотя по какой-то причине я не мог заставить себя сделать это. Может, это из-за того, что я с похмелья проснулся в её квартире и не был достаточно уверен в том, что наболтал ей прошлой ночью. О чёрт, я, вероятно, самый тупой ублюдок в мире. Кто бы мог подумать, твою мать. Всё, что я знаю, что всё, что я могу себе позволить, это сидеть здесь.

Прошлой ночью я не хотел ничего больше, кроме как стать свободным и заполучить Блисс. Сегодня я свободен и напуган. Желание позвонить маме было слишком сильным, но я боролся с ним. Я мужчина и не нуждаюсь в совете матери. Кроме того, она была бы настолько счастлива, что я порвал с Октавией, что ей было бы сложно сосредоточиться на проблеме с Блисс.

Сильный стук вырвал меня из внутренней борьбы, и я озадаченно посмотрел на дверь. Кто, чёрт возьми, стал бы стучаться? Дед на работе, и каждый, кто знает его, знает, где можно его найти. Я решил подождать: новый сильный стук захватил всё моё внимание.

Я направился к двери и открыл её, ожидая увидеть кого-то, ищущего моего деда, но вместо этого нашёл Блисс.

— Я должна кое-что сказать, — заявила она и прошла в квартиру мимо меня.

— Хорошо, — удалось мне ответить, смотря на неё. Она развернулась с руками на боках и со злостью посмотрела на меня. Она раздражена и горячая, как ад. А ещё она знает, где квартира моего деда. Об этом она солгала.

— С меня хватит. Больше не крутись возле меня. Не появляйся пьяным там, где я работаю. Возвращайся в Розмари Бич к своим друзьям из загородного клуба и оставайся там. Я больше не позволю тебе причинять мне боль. Я слишком через многое прошла, чтобы позволить какому-то парню разрушить моё счастье. Прошлой ночью, — сказала она, затем рассмеялась, хотя не казалось, что ей весело. Её глаза блестели от непролитых слёз. — Я так отчаянно хотела получить от тебя хоть что-то, что цеплялась за болтовню пьяного мужчины. Я поверила в глупости, которые лились из твоего рта, и подумала, что, возможно, у нас есть

шанс. Но я ошиблась. Это были глупые надежды девочки, которая когда-то любила тебя. Мы выросли, и оба изменились. Я поняла. Но я хочу, чтобы ты уехал.

Мне не хватило времени ответить до того, как она прошла мимо меня и вышла за дверь.

— Блосс, подожди! Что... что я пропустил? — Я только сегодня утром покинул её квартиру, и она не была так чертовски зла на меня.

Она остановилась, и я увидел, как её плечи приподнялись, а затем опустились с сильным вздохом. Несколько минут ничего не было сказано. Я уже собирался заговорить, когда она наконец-то повернулась ко мне.

— Я — та девушка, — сказала она, — девушка, которая цепляется за надежду, что парень заметит её. Парень, о котором она думала, о котором мечтала, но он был вне её досягаемости. Но я не хочу быть этой девушкой. Больше не хочу. Я хочу быть девушкой, ради которой парень бросит всё на свете. Девушкой, за которую он будет бороться. Я хочу быть достойной этого.

Когда она ушла, я потерял дар речи. Я смотрел, как она уходит, пока она не завернула за угол и не пропала из виду. Это будет нелегко. Ни на одну грёбаную секунду. Я не готов к ней. Не готов быть парнем, которого она хочет. Я не уверен, что вообще когда-нибудь для кого-нибудь стану таким парнем.

Она права. Я должен уехать. Покинуть это место. Позволить ей жить своей жизнью и найти того парня, который заслуживает её. Я не тот парень. Хочу им быть. Но боюсь.

Пустота в моей груди заняла от мысли покинуть это место. Она стала резкой болью, когда я подумал о парне, который, в конце концов, полюбит её. О том, кого она ищет. Прежде чем меня затянуло бы глубже туда, откуда я не смогу выбраться, я направился к своему внедорожнику. Я собираюсь вернуться домой. Вернуться в Розмари Бич. Блосс Йорк хотела найти свою сказку, и я не собираюсь стоять на её пути.

Когда я добрался до парковки, она стояла там. Наблюдая за мной. Я почти повернулся, собираясь вернуться в квартиру деда, чтобы спастись от этого. Я хочу, чтобы у Блосс было всё. А я не могу быть таким. Я не могу дать ей обещание. Она слишком много значит для меня.

— Ты уезжаешь.

Она спросила меня. Или, скорее, приказала мне.

— Да.

Она нахмурилась.

— Это было так легко?

Я был сбит с толку.

— Что?

— Заставить тебя уехать. Это было так легко.

— Ты только что сказала, чтобы я уехал, — напомнил я ей.

— Да. Но глубоко в душе я надеялась, что ты побежишь за мной и... и... я не знаю. Просто. О, забудь, — сказала она, махнув рукой, словно пыталась отогнать мысль. — Не уезжай пока.

Женщины. Чертовски сбивают с толку.

— Почему?

— Потому что, Нейт Финли, я хочу провести с тобой последнюю ночь. Если ты действительно покидаешь Си Бриз, то подари мне её. Только одну. Это всё, о чём я прошу.

Ничего из этого не казалось хорошей идеей. Ночь с Блосс станет соблазном. Она

слишком красива и чертовски обворожительна. Я забуду все причины, почему у нас ничего не получится.

— Не думаю, что нам стоит это делать.

— Ты прав. Не стоит. Но я боролась с химиотерапией и продолжала жить. Я выжила, и, пока была больна, напугана и без волос, знаешь, о чём я думала, чтобы пройти через это?

Я покачал головой, потому что понятия не имею.

— О тебе. О нас. О том лете. Те воспоминания были тем, за что я держалась. Так что перед тем, как ты уедешь, я хочу снова почувствовать это. Что-то, что останется мне как память, что я смогу прокручивать у себя в голове.

Блять.

Мне было сложно дышать после того, как в моей грудной клетке только что образовалась трещина. Я не ожидал такого. Она думала обо мне. Бог знает, я тоже думал о ней, но я не сталкивался со смертью.

— Хорошо, — ответил я. Это, вероятно, плохая идея, но будь я проклят, если теперь скажу ей «нет». Не после её слов.

— Спасибо. — Эти простые слова были такими искренними. Мне хотелось притянуть её в свои объятия и пообещать, что она всегда будет в безопасности. Я позабочусь обо всё. Но я не мог, потому что я ни коим образом не могу знать, что с ней будет всё в порядке. Но если Бог есть, он однозначно дарует ей долгую жизнь.

— Я зайду за тобой в семь, — сказал я ей.

У меня был момент. Ну, знаете один из тех сумасшедших моментов, когда ты срываешься и делаешь что-то безумное? Так вот у меня был такой момент. Я заставила Нейта Финли позвать меня на свидание. Какая женщина — даже очень отчаянная — поступила бы так? Теперь я не могу отступить. Я в ловушке. Я повела себя как идиотка, и теперь должна через всё пройти и покончить с этим.

В следующий раз, когда я отправлюсь на свидание, оно будет с кем-то, кто пригласил меня, потому что сам хотел этого. По крайней мере, я так думаю. Сегодняшняя встреча — ошибка. Я знала об этом ещё до начала нашего свидания. Элай не разговаривал со мной и, смотря вечерние новости и поедая кусочек курицы гриль с пареными брокколи, тоже был согласен с этим. Ему это не нравится, но не Элаю принимать за меня решения. Я должна сама это сделать и всё испортить.

Основная дилемма дня: что надеть. Я перемерила пять платьев, два брючных костюма и три костюмчика с шортами и шлёпанцами. Ничего не подходило, но разве на самом деле это имеет значение? Не похоже, что сегодня будет весело. Благодаря мне это будет странно и неудобно.

Я попыталась поговорить об этом с Элаем, но он просто тупо посмотрел на меня, а затем снова вернул внимание телевизору. Он разочарован во мне. Я видела это по выражению его лица, даже если он и пытается делать вид, что ему всё равно. Думаю, я и сама должна быть разочарована в себе. За сегодня я не раз хотела отменить встречу, но тогда это было бы моим решением или же всё-таки решением Элая? Не уверена, поэтому ничего так и не предприняла. Чему это может на самом деле навредить? Очевидно же, что у меня не осталось гордости.

Голубой сарафан, который я надела, доходит мне до колен. Мне он нравится. В нём комфортно, плюс он и нарядный, и в то же время весьма обычный. Я больше не стану менять наряд. Обычно так поступают девушки, прибывающие в восторге перед свиданием. Я не в восторге.

В последний раз я вошла в гостиную и встала между Элаем и телевизором. Нейт будет здесь в любую минуту.

— Ты можешь меня игнорировать сколько угодно, но это глупо. Я знаю, что это плохая идея. Но я должна сделать это. Так что прекращай пытаться защитить меня и позволь мне делать то, что я хочу. Позволь мне делать ошибки. Все, без исключения. Ладно?

На секунду я подумала, что он продолжит игнорировать меня, но он издал расстроенный звук, который был похож на вздох.

— Хорошо.

Это всё, в чём я нуждалась.

— Спасибо.

Он не выглядел повеселевшим. Он просто покачал головой.

— Этот парень мудак.

Слова крутились на кончике моего языка. Я хотела защитить его. Сказать Элаю, что

Нейт не плохой парень. Но не стала. Здесь я не могла защищать его. Элай может думать так, как хочет. В любом случае Нейт скоро уедет.

Стук в дверь не позволил нам продолжить разговор, и Элай плотнул воды. Он в любом случае закрыл эту тему.

— Увидимся позже. Сомневаюсь, что я надолго.

Он лишь кивнул.

У меня нет времени на разговоры. Я схватила сумочку и направилась открывать дверь.

Когда она широко раскрылась, я почти пожалела, что вообще открыла её. Жаль, что я не позвонила и не отменила всё. Это уберёгло бы меня от многих проблем. Главной проблемой было то, что Нейт Финли красивый. Идеальный, словно модель. Он порочный, но изысканный. Прекрасный и симпатичный. Такой аппетитный. И я должна помнить, что он ведёт меня на свидание, потому что я заставила его.

— Привет, — сказал он с улыбкой, которая заставила моё сердце глупо и беспорядочно забиться. Чёрт возьми. Всё моё тело предавало меня.

— Привет. Ты вовремя, — ответила я. Это было глупо. Я нервничаю. Почему я нервничаю? Это Нейт. И это свидание ничего не значит. Я не должна никуда с ним идти. Он пришёл, потому что я чуть ли не лично притащила его сюда. Я ненавижу это чувство. Он так идеален, а я... ну, я это я.

Я не хочу помнить его таким. У меня слишком много воспоминаний, которые я лелею. Это может всё разрушить. О чём я только думала?

— Я передумала. Думаю, это плохая идея. Спасибо, что делаешь это, но я не хочу идти на свидание с парнем, которого заставила пригласить себя.

Взгляд Элая был на мне. Он прожигал дыру в моей спине. Я чувствовала его. Могу поспорить, что он повернулся в тот момент, когда первые слова вылетели из моего рта.

— Я не делаю того, чего не хочу. И, увидев тебя в этом платье, увидев твои красивые локоны, я ни при каких обстоятельствах не отступлюсь. Ты хотела этого, а теперь хочу и я.

Я не ожидала такого ответа. Мой разум приготовился увидеть, как он уходит, сказав: «Всего хорошего!» Это удивило меня. Он хочет пойти на свидание.

— Правда? — «блестящее» слово, сорвавшееся с моего языка. Не «спасибо» или что-то ещё... не знаю, возможно, что-то умное. Я просто сказала: «Правда?»

Он усмехнулся.

— Да, определённо — да.

Ладно. Ну тогда это всё меняет. Он здесь, выглядит как секс на палочке и хочет повести меня на свидание. Наше последнее воспоминание, которое будет удовлетворять меня всю оставшуюся жизнь. Я по-прежнему жалкая, но я собираюсь пойти на свидание. Я перестала жалеть себя. Кроме того, он считает мои локоны красивыми.

— Ну хорошо... э-э... ну... да, думаю, тогда я готова, — пробормотала я, словно ненормальная. Боже, помоги мне, становится только хуже.

Сексуально дёрнув головой, он указал в сторону парковки. Очень в стиле Нейта Финли. Он всегда заставляет обычные вещи казаться клёвыми.

— Идём.

Я вышла из квартиры, не оглянувшись на Элая. Я не готова к его взгляду. К взгляду человека, не подпавшего под очарование Нейта. Он не женщина. Ему не понять.

— Я рад, что ты захотела это свидание, — сказал Нейт, когда закрылась дверь.

— Рад?

— Да, рад. — Этих слов было достаточно. Они ослабили моё напряжение, и я снова была с Нейтом. С парнем, которого знала. С парнем, которого любила. С парнем, воспоминания о котором помогли мне пройти сквозь тёмные дни в моей жизни. Это правильно. С ним всегда всё ощущалось правильно.

— Ты и Октавия действительно разошлись? — спросила я: мне необходимо знать, что я не делаю что-то неправильное.

— О да. Всё кончено. — Я улыбнулась. Парень только прошлым вечером расстался со своей невестой, а я не могла скрыть свою радость. Господи, помоги мне, мне необходимы уроки «Как вести себя на свидании». В таких делах я полный ноль.

НЕЙТ ФИНЛИ

Если бы только можно было заморозить этот вечер во времени. Ни до, ни после. А только этот вечер и больше ничего, тогда я мог бы умереть счастливым. Потому что он настолько близок к совершенству, насколько в моей жизни вообще возможно. Проблема в том, что реальность всё равно наступит. А с ней и правда, к которой не готов ни один из нас.

Я хотел единолично обладать Блосс. Никаких её друзей, которые могли бы отобрать моё ограниченное с ней время. Да, я звучал как собственник и ревнивец, но всё, что у меня есть, это сегодняшний вечер, и я не собираюсь делиться. Ещё до того, как вечер начался, я знал, что так будет. И это всё, что я получу.

Во время нашего уединённого ужина на крыше отеля, принадлежащего моему дяде Гранту, я делал всё, что мог, чтобы заставить её смеяться. Смех Блосс был заразен. Он заставлял меня улыбаться. Необходимость смеяться и чувствовать свободу от любой темноты очень сильно заставляла меня желать отдаться чувствам и сдаться... очень сильно, но не достаточно. Потому что я знаю правду, я знаю реальное положение дел. Я просто рад, что она не знает. Хотя бы сейчас. Завтра или послезавтра она узнает и поймёт. И я больше никогда не увижу её.

Она смахнула с глаз слёзы, вызванные смехом, а я с благоговением наблюдал за ней. Я никогда не знал такой девушки, как Блосс. Всё, что я видел, это то, чем она является. Она ничего не скрывала и была уверена в себе. Она просто была самой собой, и ей было комфортно в своём теле. Какой бы была моя жизнь, если бы я мог проводить каждый свой день вместе с ней? Была бы моя жизнь другой? Был бы я другим?

— Тогда расскажи мне о своём первом свидании. Ты достаточно посмеялся над моим, — сказала она, наклонившись вперёд с улыбкой, которая сияла в лунном свете. Такой момент, который ты захочешь продлить на всю жизнь.

— Ни за что. Твоё было весёлым, а моё — просто позорным, — сказал я, вставая, а затем протянул ей руку. Она так доверительно скользнула рукой в мою ладонь и встала.

— Это несправедливо! Моё свидание было позорным!

Её свидание было милым и невинным. Моё закончилось эякуляцией прежде, чем я смог всунуть член в опытное влагалище Хейли Мартин. Это был позор. Но когда ты шестнадцатилетний парень, а девушка восемнадцати лет с большими сиськами и качествами порно-звезды раздевается догола в твоей машине и просит трахнуть её, это слишком захватывающе, чтобы не взорваться раньше времени. Однако Блосс не поймёт всего юмора

этой ситуации. И я не собираюсь ей рассказывать.

— Я лучше посмотрю с тобой на звёзды, — ответил я и повёл её на диванчики, которые по моему требованию стояли так, чтобы с них открывался вид на воду и лунный свет. Это то, в чём нуждается Блосс. Романтика. Она не похожа на других женщин, которые были в моей жизни. Я не могу перегнуть её через диван и похоронить себя внутри неё, пока мы будем смотреть на звёзды. Хотя мне это казалось очень романтичным. Блосс заслуживает большего. Чтобы перейти к сексу, ей необходима романтика.

Мы сели на диван, и я обнял её за плечи, притягивая к себе. Было миллион вещей, о которых я мог бы спросить её. Я мог выбрать несколько тем, так какого чёрта я сказал:

— Когда ты впервые занялась сексом? — не знаю почему, но всё же спросил.

Она вздёрнула голову и посмотрела на меня округлившимися глазами, затем рассмеялась. Слава богу она посчитала это забавным, а не почувствовала себя напряжённо и некомфортно рядом со мной. Это было бы полным провалом. Я хочу её тёплой и расслабленной в своих объятиях. Она восхитительно пахнет, и это ещё одна вещь, которую я запомню и сохраню для тех дней, когда мне будет необходимо почувствовать себя счастливым. Это воспоминание доставит мне радость.

— Ты собираешься весь вечер задавать мне вопросы, а сам не отвечать ни на один из моих? По крайней мере, я должна услышать историю о твоём первом сексе. Раз уж мне не дано услышать историю о твоём первом свидании.

— Это одна и та же история, — ответил я.

Её огромные глаза стали ещё больше, а затем она прикрыла рот и засмеялась.

— У тебя был секс на твоём первом свидании?

Я пожал плечами. Это то, чем мне нравилось хвастаться в школе, но с Блосс я не собираюсь вспоминать всё заново.

— Теперь ты должен рассказать. Это просто нечестно.

Она хотела услышать историю о моём первом сексе. Теперь Блосс взрослая. Она не та милая, невинная девочка, в которую я влюбился. Если бы любая другая девушка попросила бы меня об этом, я бы рассказал и во всех деталях. Было ли правильно с моей стороны относиться к Блосс так, словно она невинная и хрупкая? Ведь очевидно, что она не хочет этого.

— Ты действительно хочешь услышать об этом?

Она кивнула, повернувшись ко мне всем телом и прижавшись грудью к моей руке. Это немного отвлекло, но я не позволил своему взгляду опуститься к глубокому вырезу её платья и насладиться видом. Разговоры с Блосс о сексе до чёртиков возбуждают меня.

— Ей было восемнадцать. Мне — шестнадцать, — начал я. Я ожидал, что Блосс встрянет с комментарием о разнице в возрасте, но она молчала. Так что я продолжил: — Мы пошли в кино; я не могу вспомнить, что мы смотрели, потому что она продолжала скользить рукой по моему бедру, затем взяла мою руку и просунула её себе под юбку. Мне было шестнадцать, и всё, о чём я мог думать, это то, что тем вечером я потеряю девственность. — Блосс тихо усмехнулась, и я продолжил: — Мы не дождалась конца фильма. Как только моя рука оказалась под её юбкой, она раскрыла ноги, и, ну, ей не понадобилось много времени, чтобы мы были готовы уйти.

— Ты прикасался к ней... без трусиков в виде барьера?

Господи. Только один вопрос, и мой член такой чертовски твёрдый, что я могу сломать им что-нибудь.

— Э-э, она не носила трусиков. Одна из причин, почему юбки Хейли были знамениты на всю школу. Когда она наклонялась или раскрывала ноги, тебе было всё чётко видно. Учителя мужчины и даже несколько учителей женщин наслаждались этим так же, как и мы.

— О боже мой, — сказала Блисс, но не ужаснулась. Она была восхищена и немного смущена. Сумасшествие. Улыбаясь, я положил руку на её бедро, чтобы не сойти с ума из-за того, что не прикоснулся к чему-нибудь ещё, кроме её плеч.

— Вообще-то я слышал, как однажды тренер Джей сказал то же самое в своём кабинете за пять минут до того, как оттуда вышла Хейли, вытирая уголки своего рта и улыбаясь.

Блисс схватила меня за руку.

— Она сделала минет тренеру?

Я кивнул.

— Уверен, несколько. Тренер Джей был молодым, и девчонки любили его.

— И что произошло, когда вы ушли из кино?

Блисс была слишком заинтересована. Я должен был быть романтиком и подарить нам обоим воспоминания. А не рассказывать ей истории про секс. Но будь я проклят, если её интерес не заводит меня. Я получаю от этого такое же наслаждение, как и она, если не больше.

— Мы, э-э, ты уверена, что хочешь услышать об этом? — Она снова кивнула, так что я продолжил: — Мы добрались до моей машины, тогда это был «рейнджровер». Она забралась на заднее сидение и разделась догола. Я последовал за ней и стянул с тебя одежду так быстро, как смог. Она натянула презерватив на мой член, что было хорошо потому, что я не знал, как это делается. Затем она забралась на меня и оседлала, ну, её сиськи были перед моим лицом, а её киска начала опускаться на мой член, и я, чёрт возьми, взорвался прямо в ту минуту. К счастью на мне был презерватив. Это был мой не самый лучший момент.

Блисс захихикала, а я улыбнулся. Раньше я никому и никогда не признавался в этом. Просто с Блисс всё казалось правильным.

Мне не была обещана ещё одна ночь с Нейтом. Я та, благодаря кому произошло это свидание. Практически насильно. Только потому, что мы хорошо проводим время или, по крайней мере, я так думаю, не значит, что у меня будет ещё одно свидание с ним. Он сказал, что покидает Си Бриз.

Моё тело начало покалывать в тех местах, которые жаждали разрядки, пока я слушала, как он говорит о сексе. Но как мне об этом сказать? Я не из тех, кто может снять с себя одежду и забраться в его внедорожник. Хоть и хочу быть такой. Я хочу узнать, каково заниматься сексом с Нейтом. Я никогда не занималась сексом, но мне хочется. С Нейтом.

Его рука была на моём бедре, так что я сделала единственное, о чём могла думать. Я накрыла своей ладонью его руку, скользнула ею вверх по моей ноге и зажала её между моих бёдер. Он замер. Я даже не уверена, что он дышал. Из-за нервов и возбуждения моё сердце так быстро билось в груди, что я могла слышать его.

— Блосс, — произнёс он моё имя низким тоном, когда его рука сжалась и обхватила меня между бёдер.

— Да, — ответила я шёпотом.

— Ты уверена? — спросил он.

— Да, — снова сказала я.

Больше ему ничего и не требовалось. Его тело повернулось и накрыло моё, когда мы опускались на диван. В этот раз, когда его губы коснулись моих, я знала, что это не на мгновение. Не было никакого чувства вины. Я пропустила пальцы сквозь его волосы и сжала их, пока его твёрдое тёплое тело скользило по моему. Было так, как должно было быть. Вот почему я никогда не позволяла парням зайти дальше. Я хотела Нейта. Я представляла, что это будет Нейт. Представляла с тех пор, как мне было пятнадцать.

Одна его рука обхватила моё лицо, пока другая скользнула вниз по моему телу, касаясь и лаская нужные места. Мне хотелось быть обнажённой. Было бы восхитительно почувствовать прикосновение его руки к моей коже. Я заёрзала от этой мысли, и твёрдость его эрекции коснулась моей ноги. Я застыла. Мне захотелось потереться об неё. Почувствовать её сильнее, но для меня всё это было в новинку, и я нервничала.

Язык Нейта скользнул в мой рот, и его вкус ещё больше возбудил меня. Когда он прижался ко мне своей эрекцией, я издала звук, который не узнала. Но он прижался ко мне именно там, где я нуждалась. Именно там, где моё тело ныло, ожидая контакта.

Если бы сейчас я была обнажена, это было бы идеально.

— Блосс, — он прошептал моё имя, когда его рот отстранился от моего, оставляя дорожку из поцелуев вдоль моей шеи. Я прижалась к нему, и его руки скользнули под мой сарафан и двинулись выше по моему телу, лаская мой живот перед тем, как накрыть мою грудь. Раньше Нейт уже прикасался ко мне в этом месте. Но тогда я была моложе, и мы в основном экспериментировали. По-настоящему не зная, что делать. Я по-прежнему не знала.

Мои ноги раздвинулись, чтобы он мог прижаться ближе. А я могла почувствовать больше. Вместо этого он отодвинулся от меня, и я уже начала протестовать прямо перед тем,

как он схватил подол моего сарафана и вздёрнул вверх по моему телу. Я подняла руки, чтобы он мог снять его с меня, не говоря ни слова.

За сарафаном последовала его рубашка, затем он начал расстёгивать штаны. Вероятно, мне не следовало смотреть, но я была очарована, наблюдая за ним. Я никогда не видела обнажённого мужчину. У меня это впервые. Как и всё, что он делает. Нейт с лёгкостью стянул с себя свои джинсы, и не было никакого чувства неловкости. Должно было быть, но не было.

Затем он снова накрыл меня собой. На нём по-прежнему оставались его боксеры. Мои трусики и бюстгальтер тоже были на мне, выступая барьером. Я не хотела никаких барьеров. Я хотела почувствовать его. Но острые ощущения от прикосновения кожи к коже заставили меня забыть обо всём остальном.

Нейт поцеловал мой живот и выпуклости моей груди перед тем, как завести за меня руки и снять раздражающий предмет одежды. Теперь я чувствовала себя голой. Обнажённой. Он несколько секунд пристально смотрел на меня, и в этот промежуток времени мне хотелось прикрыться. Что, если я не достаточно хороша? Что, если я не оправдаю его ожидания?

— Это... лучше, чем я представлял. А я представляло это много раз. Охренеть, как много раз.

Я улыбнулась. Он словно знает, что мне необходимо услышать. Сладкое заверение заставило меня ещё сильнее полюбить его.

— У меня нет презерватива, — сказал он, когда дотянулся до моих трусиков и начал стягивать их вниз по моим ногам. — Так что я не стану снимать боксеры.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я могла бы сказать ему, что никогда не забеременею. Но не смогла. Я победила рак, но он так много отнял у меня. Одна вещь, которая ранила больше всего, это то, что я никогда не смогу выносить ребёнка. Напоминать ему о моей болезни в такой момент... мне не хотелось этого делать.

Мои мысли начали погружаться в темноту от этого напоминания как раз в тот момент, когда он закинул мои ноги себе на плечи. Я знала об этом... я читала об этом в книгах. Я знала, что он собирается сделать, но внезапно мне стало страшно.

Хотя он не дал мне возможности долго думать об этом, когда его язык коснулся моего центра, мои бёдра оторвались от дивана и вскрик удовольствия вырвался из моего рта. Все мысли, которые пугали меня, исчезли. Я обхватила руками его затылок и прижала к себе. Не заботясь, что это могло быть неправильно или что я делала что-то, чего не должна. Я сделаю, всё, что он захочет, если он будет продолжать целовать меня там. Пробуя меня на вкус. Я знаю, что такое оргазм. Я часто дарила их себе. Так что я знаю, к чему стремится моё тело. Однако у меня никогда не было таких ощущений. Мои пальцы никогда не заставляли моё тело ощущаться так, словно я дрожащий шар, готовый взорваться и в любой момент воспламениться. Я хочу этого, и я хочу, чтобы это мгновение продолжалось вечно. Меня разрывало от понимания, к чему это приведёт, и желания продолжить ощущать это.

Он скользнул рукой вверх по внутренней стороне моего бедра и развёл мои ноги, ещё больше раскрывая меня для себя. Мне было достаточно увидеть, как он снова зарылся в меня головой. Освобождение, накрывшее меня, было не похоже ни на что из того, что я когда-либо ощущала. Я снова и снова выкрикивала его имя, пока моё тело то дрожало, то тряслось.

К счастью, его рот покинул меня, потому что я была уверена, что умру от

чувствительного давления, которое за этим последовало. Он проложил поцелуями дорожку вверх по моему телу, а затем уткнулся лицом в изгиб моей шеи.

— Боже, ты такая вкусная.

— А ты... э-э... — Я должна была сделать паузу, чтобы восстановить дыхание. — Ты действительно хорош в этом.

Он снова усмехнулся у моей шеи.

— Спасибо.

Я всё ещё чувствовала его эрекцию напротив своего бедра.

— Я могу... э-э... сделать то же самое. — Как другие спрашивают у парней, не сделать ли им минет? И знаю ли я вообще, что собираюсь делать? Должна ли я лизать его? Или его действительно надо сосать, словно леденец? Хотелось бы мне знать больше. Не быть такой чертовски неподкованной.

— Блисс, — сказал он, поднимая голову, чтобы посмотреть на меня. — Ты предлагаешь мне отсосать?

Это один из способов выразить то, что я собираюсь сделать. Я кивнула.

С секунду он не двигался. Я разрывалась между надеждой, что он скажет: «Нет, спасибо» — потому что не знала, как это делать, и беспокойством, что он не захочет, потому что я сделала что-то, что оттолкнуло его.

— Если бы я был джентльменом, я бы сказал: «Нет, всё в порядке. Ты не должна» — но к чёрту всё это, — сказал он, отодвигаясь назад и стягивая свои боксеры. Его эрекция величественно стояла, и он был огромным. Я хочу сказать, хоть я никогда и не видела пенис, но я не думала, что они могут быть такими большими. Как я смогу полностью поместить его в рот? — В этой жизни мне ничего не хочется увидеть больше, чем твою голову над моими коленями и твой рот наполненный моим членом.

Область между моих ног вернулась к жизни после того, как уже получила свою порцию удовольствия. Почему грязные словечки Нейта так возбуждают меня?

НЕЙТ ФИНЛИ

Когда Блисс наклонила голову над моим членом, у меня во рту по-прежнему ощущался вкус её оргазма. Если бы у меня был презерватив, я бы нагнул её сладкую попку и похоронил свой член глубоко внутри этой мокрой киски. Но у меня нет.

Её язычок скользнул по головке, и я вздрогнул. Я был чертовски уверен, что не выдержу её поддразнивания. Мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы не схватить её голову и не опустить этот маленький сексуальный ротик на мой член. Я не хочу, чтобы она подавилась... ну, в данный момент это было ложью. Мысль, что она давится моим членом, возбуждает меня. Услышать, как она давится моим членом, находящимся в её горле, было бы горячо, как ад. Но она, кажется, нервничает. И я не хочу напугать её. Потому что она может остановиться, а я... господи, я не хочу, чтобы она останавливалась.

Её язычок прошёлся с каждой стороны, а мои руки буквально дрожали. Я сжал их в кулаки. Мне достаточно много раз отсасывали и весьма профессионально, но никто из них не шёл ни в какое сравнение с Блисс. Даже если она ещё пока не сосала его. Её подготовительный момент чуть не убил меня.

После того как она тщательно облизала его, и я был на пороге того, чтобы начать молить её взять его в свой рот, она вскинула голову и посмотрела на меня.

— Я... делаю ли я... делаю ли я всё правильно? Или я должна просто сосать его? — Её щёчки покраснели, и её слова медленно дошли до меня. Она раньше никогда не делала этого.

Меня не привлекал образ рта Блосс на члене другого парня, и теперь знание, что такого никогда не случилось, будоражило меня. Хотя и не должно. Она не моя, но, чёрт побери, мне это нравится.

Я нежно коснулся её головы.

— Медленно возьми его в рот. Возьми столько, сколько сможешь, затем соси.

Пока я объяснял ей это, то чертовски завёлся. Словно мне необходимо что-то ещё, чтобы желать её. Она обхватила его обеими руками, и затем мой член наконец-то вошёл в её рот. Ощущения были невероятными: влажное тепло её рта и то, как её язычок щёлкал по моему пенису, глубже погружающемуся в неё.

— Да, вот так. — Блять! Вот оно. Я коснулся её головы, но не позволил себе толкнуться в неё так, как мне хотелось.

Она продолжила делать, как я сказал, и с каждым стоном и похвалой, срывающимися с моих уст, она становилась всё более уверенной. Скоро она уже брала меня глубже в своё горло, а я знал, что не смогу кончить в её рот. Не тогда, когда она делала это в первый раз. Но чёрт, образы этого заставили мой член дрожать.

— Блять... Блосс... да, малышка. — Я потерялся в раю, который не хотел покидать. Никогда. То, что произойдёт завтра и в будущем, больше не имеет значения. Не тогда, когда Блосс сосёт мою головку и работает своими ручками по всей длине.

Зажмурившись, я попытался сдержаться. Я не хотел, чтобы это заканчивалось, но конец был близок, и, схватив свой член, я отодвинул её голову.

— Я кончаю. — Мне удалось высвободиться прежде, чем моя сперма стрельнула на её обнажённую грудь. Широко открытыми невинными глазами она наблюдала за тем, как я покрываю её сиськи спермой, и только от этого вида, я кончил ещё сильнее.

— Бля-я-ять, — простонал я, и моя сперма начала скатываться по её соскам. Я никогда не забуду, как она выглядела в этот момент.

Она подняла свой взгляд, чтобы встретиться с моим, и улыбнулась. У неё был такой счастливый вид, который заставил меня усмехнуться.

— Вау, — сказала она, и я рассмеялся ещё сильнее.

— Я не собирался покрывать тебя своей спермой, — сказал я ей.

Она улыбнулась мне.

— Мне нравится, что ты это сделал. Это приятно.

Я снова становился твёрдым. Боже, ей нужно замолчать. Мы не можем заняться сексом.

— Оставайся на месте, — сказал я, вставая и направляясь к столу, чтобы взять салфетки и стакан воды. Ей необходимо вытереться.

Когда я встал перед ней на колени, чтобы вытереть её, она позволила мне, выпятив грудь. И мой полутвёрдый член стал ещё твёрже.

— Вероятно, я должен позволить тебе самой сделать это, — сказал я ей. — Потому что это... то, что ты делаешь... я хочу трахнуть тебя.

Её щёчки были красными. Я не уверен, были ли они такими из-за минета или это мои слова заставили её покраснеть. Но мне это нравилось.

— Тогда сделай это.

Нет, нет, нет, нет. Я потряс головой и протянул ей салфетку перед тем, как отойти.

— Этого не случится.

Я не смотрел, пока она вытирала себя. Не мог. Иначе мы бы трахнулись.

— Тебе не обязательно кончать внутри меня.

Она хочет, чтобы я заранее вышел из неё. Чёрт меня подери, я хочу этого. Я знаю, что чист, и после этого минета, я знаю, что её опыт невелик, так что она тоже чиста. Но проклятье... что, если? Это риск, а я не уверен, что нам стоит рисковать.

— Плохая идея, — сказал я ей и дотянулся до своих боксеров, чтобы прикрыть себя, прежде чем искушение станет слишком сильным.

— Хорошо, — наконец-то сказала она, и я повернулся посмотреть на неё. Она по-прежнему была обнажена и пока не вытерла всю мою сперму со своей груди.

— Bliss, — мой тон был предупреждающим.

— Да.

— Прикройся. Оденься. Ты не хочешь играть со мной в эту игру.

Она не шевельнулась.

— Нет, хочу.

Блять. Блять. Блять.

Я собираюсь уйти. Уйти и отправить за ней машину. Вот что я должен сделать. Но, когда я двинулся, то направился в её сторону. Дёрнув, я поднял её и прижал к своей груди перед тем, как поцеловать её со всем страстным желанием и расстройством, которое она пробуждала во мне. Это было жёстко и слишком грубо, но она ответила на поцелуй с такой же ярой непреклонностью, что я не смог принять правильное решение. Я не смог уйти.

Я разорвал поцелуй и опрокинул её обратно на диван. Обхватив обе её ноги, я раскрыл их и посмотрел на неё. Её глаза были широко открыты от волнения. Я собираюсь сделать это. Когда знаю, что не должен. Я собираюсь сделать это.

Я мгновенно освободился от боксеров, которые успел натянуть и одним толчком бёдер погрузился в неё. Крик боли и тонкий барьер сказали мне о том, о чём мне самому следовало догадаться. Я должен был знать. Но, проклятье, теперь она стала женщиной. Я не ожидал этого.

Одно дело её первый минет, но первый секс? Пещерный человек взял надо мной верх. Мне хотелось ударить себя в грудь и крикнуть «моя», но это невозможно. Мне придётся уехать. Она не сможет быть моей. Она заслуживает своего принца.

Я провёл рукой по её голове и посмотрел на неё. Слёзы наполнили её глаза, и я знал, что это из-за боли. Если бы я знал, я был бы нежнее. Хотя сделал бы я это, если бы знал?

— Сделай глубокий вдох. Я не стану двигаться, пока ты не привыкнешь.

Она глубоко вдохнула и продолжила смотреть на меня.

— Всего лишь немного побаливает.

Я двинулся так, чтобы удовольствие возросло и побыстрее забрало боль.

Её дыхание стало сбиваться, и я задвигался быстрее. Узость её девственного входа так сильно сжимала меня, что желание кончить пришло слишком быстро. Когда она начала дрожать в моих объятиях и её глаза закрылись, я знал, что приближается её оргазм. Я прикусил язык, чтобы не кончить вместе с ней.

— Ах! О боже! — выкрикнула она, а я обнимал её, пока она распадалась на части в моих руках. Когда она была всё ещё потеряна в своей эйфории, мне пришлось выйти из неё, пока не стало слишком поздно. Схватив свой член, я вскрикнул от высвобождения, покрывая её

бёдра своей спермой.

На моей коже и на внутренней стороне её бёдер были следы крови. Смешанные с моей спермой. Делая её моей, когда я знал, что она никогда не будет принадлежать мне.

Я не выглядела по-другому. Стоя в своей ванной, я изучала себя. Поймёт ли Элай? Конечно, нет. Мне не хотелось говорить с ним об этом. Я прикоснулась к своему обнажённому животу и улыбнулась. Нейт Финли поцеловал меня сюда. Он целовал меня абсолютно везде. Когда он прошлой ночью привёз меня домой, он так нежно поцеловал меня, словно я очень хрупкая.

Затем Нейт сказал, что сегодня позвонит. То, что началось как ошибка или, точнее, что я считала ошибкой, закончилось великолепно. Я получила своё свидание с Нейтом и каким-то образом получила и самого Нейта. После всех этих лет мы снова вместе. Моё сердце ощущалось переполненным, словно могло взорваться от наслаждения, наполнявшего его в данный момент. Я была счастлива. На самом деле счастливее, чем когда-либо. Простой ночью было всё то, на что я надеялась. О чём мечтала. Да, было больно, но боль прошла, и всё чувствовалось восхитительно.

Даже чувствительность сегодняшним утром в том месте приятна. Она напоминает мне о Нейте и о том, что мы разделили. На самом деле у меня нет никого, кому бы я могла рассказать об этом. Но мне и не хочется. Я хочу, чтобы это было только нашим моментом. Если рассказать об этом друзьям, то этот момент лишится своей особенности.

Возможно, я и выгляжу по-другому. Чувствую себя я однозначно иначе. Более полноценной. Словно моё тело знает, что кардинально изменилось. Что никогда не будет прежним.

— Я сделал кофе. Хочешь яичницу? — спросил Элай через дверь.

Нет. Да. Я голодна, но не готова встретиться с Элаем лицом к лицу. Он спросит о вчерашнем вечере, а у меня на лице будет глупая улыбка. Он что-нибудь поймёт. Что, если он догадается? Я с ужасом посмотрела на своё отражение. Этого не произойдёт. Я буду готова поговорить с ним через день или два.

Но не сейчас.

— Спасибо, но я собираюсь навестить маму, — ответила я. Хотя и не планировала этого, но теперь это казалось единственным, что мне хотелось бы сделать. Я не смогу всё рассказать ей, но, возможно, мне поможет, если я просто увижу её и, может быть, задам несколько вопросов о сексе и отношениях. Она единственная, кому я должна задавать эти вопросы. Я верю тому, что она говорит.

— О. Ладно. Ты работаешь сегодня?

Работаю. Но не хочу. Я хочу увидеться с Нейтом. Но у меня есть работа, и я не должна пропускать её.

— Да. С семи и до закрытия.

— Тогда увидимся вечером. Я весь день буду на работе.

Элай работает у своего деда в агентстве по продаже машин. Он обновляет их компьютерную базу, отвечает за социальные каналы и связь с общественностью. Это лёгкая работа, но я не злословлю. Он предлагал мне её. Я просто отказалась. Я знаю, что они не нуждаются во мне. И я не хочу, чтобы они придумывали для меня работу.

— Хорошо. Я иду в душ. Если ты уйдёшь до того, как я выйду, тогда увидимся вечером.

Я включила воду, чтобы закончить этот разговор. От него мне некомфортно, потому что я знаю, что Элай хотел спросить о вчерашнем вечере, но не стал. Он хочет, чтобы я сама рассказала ему об этом.

В этот раз Элаю не удастся обо всём узнать.

Въезжая на подъездную дорожку у дома моих родителей, я всегда чувствовала себя в безопасности. Я не так давно съехала, но знала: это место всегда будет моим домом. Грузовичка, которым пользовались ребята не было, значит они уже уехали на учёбу. Я приехала как раз вовремя. Папа будет работать, а мальчишки ушли.

Я бы не прочь увидеться с братьями и папой, но я хочу побыть с мамой наедине. Я даже не успела подойти к двери, когда она открылась и мама вышла на крыльцо. На её лице была широкая красивая, как и она сама, улыбка. Я всегда считала, что у меня самая красивая мама.

— У меня компания, которую я не ожидала. Хорошо, что я напекла побольше печенья. — Мама всегда пекла побольше печенья. Она выросла на этой ферме, кормя своего отца и рабочих. Это то, чем она занимается и сейчас. Её делают счастливой муж и трое ребят, которых она кормит.

— Как насчёт томатного супа? Есть немного? — спросила я.

Она кивнула.

— Конечно, есть.

— Тогда я голодна.

Она обняла меня, когда я поднялась на крыльцо.

— Я скучаю по тому времени, когда видела это личико каждый день. Требуется вся моя сила воли, чтобы не поехать в Си Бриз и не увидеться с тобой. Но ты хорошо выглядишь. Ты выглядишь счастливой.

— Я счастлива, — заверила я её. Если бы она сказала мне то же самое вчера, я бы не смогла так ответить. По крайней мере, абсолютно честно.

— Заходи в дом и позволь мне накормить тебя, пока ты будешь рассказывать, что или кто заставил появиться на твоём лице эту улыбку, — сказала она, открывая дверь, чтобы мы могли зайти внутрь.

— Вчера вечером у меня было свидание. — Я решила не говорить ей, что сама напросилась на это свидание.

— О, с кем?

— С Нейтом Финли, — ответила я.

Она остановилась.

— А что насчёт его невесты?

— Они расстались. После моего увольнения. Всё произошло одно за другим.

Мы зашли в дом, и мама ничего не сказала. Я знаю, что она думает по этому поводу. Как и Элай, она не хочет, чтобы мне было больно. Но в отличие от Элая, она действует осторожно. Я ждала, пока она решит, что собирается сказать дальше.

Пройдясь до шкафчика, чтобы достать чашку для кофе, я затаила дыхание. Я хочу, чтобы она была рада за меня. Но я не уверена, что так и будет. Это не идеальная ситуация. Но это то, что я хочу.

— Он порвал с ней или она? — наконец-то спросила мама.

— Он.

— Из-за тебя?

— Нет, — ответила я, наблюдая за выражением её лица на предмет любой зацепки касательно того, о чём она думает.

— Тогда почему?

— Потому что он хотел большего. Они были странной парой. Никакой связи. Никаких обязательств. Кажется, ей даже было всё равно, когда он порвал с ней. Было похоже на то, как она отреагировала, когда уволилась я.

Мама не стала накладывать мне еды. Она села, позволяя мне самой позаботиться о себе. Что в этом доме считалось нормой. Мама воспитывала нас так, чтобы мы сами могли позаботиться о себе.

— Ты счастлива с ним?

Это лёгкий вопрос.

— Очень.

Она вздохнула и обеими руками обхватила чашку с кофе перед собой.

— Это хорошо. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Я хочу, чтобы у тебя было всё. Но я не хочу, чтобы тебе было больно, а ты будь готова, потому что это может причинить тебе боль. Слишком странно, что она так легко отнеслась к расставанию.

— Ты не знаешь, какая она. Она самовлюблённая, и в любом случае эти отношения никогда не были настоящими.

Мама кивнула.

— Ладно.

Она не стала копать глубже, но я видела это в её взгляде. Мои слова не убедили её.

— Ну, расскажи мне всё о свидании. Мне хочется узнать, был ли он таким, как ты надеялась.

Он был намного лучше. Но я не собираюсь рассказывать ей абсолютно всё. Есть некоторый вещи, которые мама не должна знать. Хотя мне хочется поговорить о нём. Мне хочется улыбаться и чувствовать головокружение. Мне хочется рассказать ей всё о том, как это произошло, и как то, что я считала ошибкой, оказалось таким идеальным.

НЕЙТ ФИНЛИ

Я должен уехать. Bliss заслуживает больше, чем то, что хочу я. Но будь я проклят, если смогу заставить себя уйти от неё. Я не спал большую часть ночи, проигрывая в своей голове каждый момент с ней. Это самое лучшее свидание в моей жизни, и, несмотря на то, что Bliss девушка, которой нужен брак, дети и домик с забором, я по-прежнему не в состоянии оставить её в покое.

Чёрт, возможно, я мог бы сделать это. Остепениться и не путешествовать по миру. Жить в маленьком городке и воспитывать детей. Если у меня будет такой секс каждый день, и я буду слышать её сладкий смех, то это стоит того. Жизнь, которую я спланировал, в действительности не является счастливой. Она была одинокой. Полной приключений, но одинокой.

Bliss заставляет меня говорить безумные вещи. Я уставился в окно квартиры моего деда и наблюдал, как волны бьются о берег. Я задавался вопросом, была ли она сейчас здесь.

Всего этажом выше, в своей комнате. Если я прямо сейчас уеду и не вернусь, что она почувствует? Возненавидит ли она меня? Вероятно. Она должна ненавидеть меня. Я сам ненавижу себя.

Нет. Я не могу уехать. Я должен остаться. Посмотреть, возможно, это станет чем-то большим. Чем-то, что я искал, когда считал приключением то, что хотел прежде. Это может быть приключением. Блосс могла бы путешествовать. Она, возможно, хочет посмотреть мир и исследовать разные места. Я предполагал, что она хочет размеренную жизнь в маленьком городке. Но я не знаю точно.

Я взял свой телефон. Я сказал, что позвоню сегодня. Это мой момент. Должен ли я позвонить и остаться? Или должен сбежать, не оглядываясь назад? А затем жалеть об этом до конца своей жизни?

Я нажал на её сохранённый номер и стал ждать. Она ответила с третьего гудка.

— Привет.

— Доброе утро. Хорошо спала? — Я мог видеть своё отражение в зеркале. Я улыбался. Её голос заставлял меня улыбаться. Зачем же мне сбежать от этого?

— Да, а ты?

Даже глаз не сомкнул, чёрт возьми.

— Да, замечательно выспался. Ты завтракала? — Уже почти обеденное время. Она позавтракала, если только ей не было лень.

— Только что уехала из родительского дома. У мамы осталось много всего после завтрака, и мы поели.

У неё была жизнь. Такая же, как и у меня. Мы часто говорили об этом, когда были моложе. Насколько нормальна наша жизнь и какие у нас замечательные родители. Я рад, что у неё есть это. Если бы у неё были отстойные родители, смогла бы она выжить?

— Хотя я готова для обеда. Вечером я работаю.

Она будет в «Лив Бей». И не сможет провести время только со мной. Это испортило моё настроение. Я глубоко втянулся, раз меня беспокоит это. Девочка должна работать. Я не должен нервничать и переживать по этому поводу.

— Если вечером ты работаешь, тогда могу я провести с тобой весь день?

На другом конце раздался тихий смех.

— Да. — Её голос был радостным, и я надеюсь, это означает, что ей нравится идея провести со мной весь день. Потому что теперь всё, о чём я могу думать, это как перегнуть её через диван и отрахать эту сексуальную сладкую задницу.

— Я вернусь домой минут через двадцать. Когда ты хочешь увидеться?

Я буду не в состоянии есть с таким сильным желанием прикоснуться к ней.

— Приходи в квартиру моего деда. Там и решим.

В её дыхании была пауза и небольшая заминка. Она была умной девочкой. Она поняла, что я хочу, и тоже хочет этого. Слава богу.

— Хорошо.

Мы завершили разговор, и я продолжил смотреть в окно. Теперь мои мысли сосредоточились на другом. На её теле и на том, как оно идеально подходит моему. Ни один мужчина в трезвом уме не сможет отказаться от такого. Не захочет.

Эта жизнь... внезапно показалась действительно привлекательной. Или же необходимость в теле Блосс изменила моё мнение? Я никогда так сильно не хотел Октавию. Она однозначно была сумасшедшей. С ней я проделывал безумные порнографические вещи.

Но было по-другому. Чего-то не доставало, и теперь я знаю, что не доставало связи. Той, которая есть у меня с Блосс. Той, которая всегда была у меня с Блосс.

У Октавии была нужда трахаться в общественных местах, где она знала, что кто-то может застать нас. Она заводилась, когда за ней наблюдали. Сначала мне нравилось это дерьмо, но затем она стала заходить слишком далеко. Как например, в тот раз, когда захотела сделать это в магазине, надеясь, что нас застукает Блосс. Я не собирался потакать ей. Последнее, чего я хотел, это чтобы Блосс увидела меня, трахающим Октавию

Когда ей захотелось сделать это в первый раз, мы сделали это в мужском туалете клуба. С парнем, который зашёл и увидел нас. Когда зашёл тот парень, она попросила меня трахать её жёстче и стала безумной, пока он наблюдал. Он начал дрочить, пока наблюдал за нами, и это заставило её кончить. Ни один из нас не был трезв, но той ночью я был уверен, что смогу прожить с Октавией всю свою жизнь.

Я ошибался. Извращённого секса недостаточно. Я вспомнил об этом в тот момент, когда упали те коробки, и за ними появилась Блосс, смотря на меня распахнутыми от потрясения глазами. В то мгновение ко мне вернулся глубокий смысл, и с тех пор я боролся с ним.

Стук в дверь вернул меня обратно в реальность. Я пошёл открыть дверь, и там стояла Блосс в коротком бледно-розовом сарафане без бюстгалтера под ним. Всё, что мне нужно.

— На тебе есть трусики? — спросил я, хватая её за руку и затаскивая в квартиру, затем захлопывая за ней дверь.

— Конечно.

Я пробрался под её коротенькое платье и сдёрнул маленькие шёлковые трусики.

— Хорошо, — был мой ответ. — Болит?

Она покраснела.

— Немного.

Я прижал её к двери и упал на колени. Взяв одну из её ног, я закинул её себе на плечо и начал нежно целовать розовую чувствительную плоть, которой обладал прошлой ночью.

— Нейт, — выдохнула она, и её голова со стуком ударилась о дверь. — Не знаю, смогу ли устоять на ногах, пока ты будешь это делать.

Я начал работать языком над её клитором, и она, задыхаясь, начала шептать моё имя, на пару вспоминая бога. Это было очаровательно и заставляло меня хотеть ещё больше дразнить её. Вообще-то я работал здесь, снизу, заставляя её почувствовать себя лучше, чтобы похоронить свой член внутри неё. Сейчас. Скоро.

Чтобы кончить, я не нуждаюсь в том, чтобы кто-то наблюдал за нами. И она тоже. Один лишь её запах сводит меня с ума от возбуждения.

Её ноги задрожали, и она наклонилась вперёд, а её руки схватили меня за плечи. Я в последний раз лизнул её перед тем, как опустить её ногу и встать.

— Я хочу трахнуть тебя, Блосс. Не сладко и нежно, как прошлой ночью. Я хочу нагнуть тебя, схватить за бёдра и трахнуть твою киску сзади.

Если я собирался напугать её, то разговор такого плана точно является подходящим. Вместо этого она по-прежнему задыхалась.

— Хорошо. Хочешь, чтобы я нагнулась прямо здесь?

В этот раз было сложно не засмеяться над её невинным вопросом. Но я не засмеялся. Она была искренней, и мне не хотелось смеяться над ней.

Я взял её за руку и потянул к дивану. Она будет не в состоянии сделать это стоя. Не сейчас, когда лишь одно моё поедание её киски чуть не заставило её рухнуть на пол.

— Встань на колени и перегнись через диван.

Она сделала, как я сказал, и я задрал её платье, обнажая её попку. Я собираюсь кончить на эту задницу. Смотреть, как моя сперма будет стекать к её киске. Сдёрнув штаны, я уже был голым под ними. Я освободился от треников и подошёл к ней сзади.

— Вынь руки из лямок и освободи сиськи. Я хочу иметь возможность прикасаться к ним.

Его большая рука обхватила мою талию с силой, которую я не ожидала. Я была напугана и одновременно восхищена. Моё сердце сильно билось, и я не знала, чего ждать. Весь день я чувствовала слабую боль между ног, и мысль о том, что он снова войдёт в меня, заставляла меня нервничать. Но после того как он совершил волшебство своим языком, это всё, о чём я могла думать.

Боль была приятнее, чем всё остальное. Моё тело страстно желало такого же освобождения, как и прошлой ночью, и я вжалась в диван, желая быть наполненной им.

— Раздвинь ноги пошире и приподними попку, — голос Нейта был тяжёлым и глубоким. Я была готова умолять его, поэтому сделала так, как было сказано. Что бы не заставило его поскорее войти в меня, я сделаю это.

В то мгновение, когда моя попка приподнялась, его руки сжали мои бёдра, и он оказался внутри меня. Одно жёсткое движение, как и прошлой ночью, и я наполнена. В этот раз не было разрывающей боли. Немного покалывало и всё. Там, внизу, безостановочно ныло от желания, чтобы он продолжал двигаться. Дал мне больше.

— Блять, это самая узкая киска, — прорычал он. — Которая нуждается в трахе. Это моя узкая киска. Она познает мой чёртов член. Ты будешь становиться влажной, думая о том, как хорошо он ощущается. Как сильно ты хочешь его.

Он прав во всём. Мне было тяжело дышать. Я не могла ничего ответить. Его руки обхватили мои груди и сжали их. Это послало электрические импульсы через всё моё тело прямо вниз, к моему клитору. Как я могла так много лет не заниматься этим? Неудивительно, что в старшей школе девочки залетали. Если секс был таким, тогда я понимаю их слабость. Я, вероятно, могла бы преследовать Нейта, прося об этом, словно маленький щенок.

Он ущипнул мои соски, и я вскрикнула, когда он начал жёстко двигаться внутри меня. Каждый раз, когда он погружался внутрь, он делал это с ещё большей силой, и это приближало меня к оргазму. А ещё его рычание и ощущение его рук, грубо прикасающихся ко мне. Его ненасытность мной опьяняла.

— Когда я кончу, я сделаю это на твою попку. Кругленькая маленькая попка будет покрыта моей спермой. Чертовски идеально. — Если не его тело, то его грязные словечки точно приближали меня к раю. Он так же дико хотел меня, как и я его.

— О боже, — выкрикнула я, когда первая дрожь прошла сквозь моё тело. В этот момент я бы пообещала ему всё что угодно. В этот момент я бы отдала ему всё что угодно, лишь бы он не останавливался. Этот оргазм, который наступает, омоет меня и отправит в эйфорию. — Пожалуйста, — взмолилась я, когда меня начало накрывать. — Жёстче! — выкрикнула я.

— Ты хочешь жёстче? Горячая маленькая киска хочет жёстче, я, чёрт возьми, трахну её жёстче. — Он стал так жёстко толкаться, что я чувствовала, как его яйца задевали мой клитор, и этого было достаточно. Я распалась на миллион кусочков и закричала, когда оргазм накрыл меня.

— Вот так, — подбодрил меня Нейт, затем вышел из меня и зарычал: — Бля-я-ять! — Я почувствовала тепло его спермы, покрывающей мой зад. Положив голову на спинку дивана, я попыталась восстановить дыхание. Моя попка зависла в воздухе, покрытая его спермой. Я вся вспотела. И мне всё равно. Моё тело восстанавливается, а ощущения волшебные.

— Не уверен, что смогу выйти с тобой на люди, — спустя несколько минут молчания сказал он.

— Почему?

— Потому что хочу держать тебя голой и с моим членом глубоко внутри тебя.

Улыбаясь, я прикусила нижнюю губу. Не думаю, что это плохая идея.

Его пальцы прошли по моему невероятно чувствительному входу, и я вздрогнула.

Он усмехнулся.

— Просто удостоверяюсь, что не сделал больно.

— О, сделал. И можешь сделать больно ещё раз, когда будешь готов.

— Ты убьёшь меня, — подраживая, сказал он, вытирая мою попку. Когда он закончил, я перевернулась и села, не утруждаясь, чтобы спустить сарафан и прикрыть себя. У меня до сих пор нет сил.

Он улыбался мне и тоже совсем не был обеспокоен тем, чтобы прикрыться, когда сел рядом со мной на диван.

— Теперь я голоден.

Я тоже. Всё это заставило меня проголодаться.

— Я бы что-нибудь съела.

— Мы можем заказать на дом или пойти куда-нибудь. Выбирай.

Если мы пойдём куда-нибудь, тогда мне придётся делить его внимание. А я только заполучила его. Я ещё не готова делиться им. Вечером я буду работать, и мы не сможем провести время наедине.

— Заказывай на дом.

Он засмеялся, позволяя своей голове откинуться на спинку дивана.

— Я рад, что ты хочешь этого так же сильно, как и я. Потому что как только я восстановлюсь, я поведу тебя в душ.

Я задрожала от волнения. Полностью мокрые и все в мыле, похоже, будет весело.

Ладно.

— Но не прикроешь ли ты хотя бы эти сиськи, чтобы дать моему члену передышку. Он уже снова становится твёрдым.

Только потому что сама нуждалась в перерыве. Я просунула руку обратно в лямки сарафана и прикрыла себя.

— Твой дедушка ведь не вернётся домой, не так ли?

— Неа. Он приходит домой только по воскресеньям.

Это стало облегчением. Не думаю, что было бы хорошо, если бы его дедушка застал нас.

— Когда ты собираешься домой? — спросила я, даже несмотря на то, что не хочу знать. Он не может жить здесь... или может, но станет ли? Розмари Бич не так далеко, но это не одно и то же, как когда он находится в одном здании со мной.

— Не уверен. Когда поеду, возможно, ты тоже сможешь поехать со мной. И погостить.

Я не ожидала этого. Мне придётся оставить работу, но, если я смогу проработать несколько недель, то возможно у меня получится выделить несколько дней.

— С удовольствием.

Он не стал сразу отвечать, и молчание не было неприятным. Нам не нужно говорить, чтобы заполнить время. Вместо этого мы просто сидели. Он схватил одеяло и положил его на колени, затем притянул меня к себе перед тем, как взять телефон и заказать нам пиццу.

Это казалось таким правильным. Как было и всегда. Моё сердце никогда раньше не было настолько счастливо. Ещё много чего не ясно, но прямо сейчас жизнь идеальна.

— На следующей неделе, — сказал он. — Давай, поедем в Розмари Бич на следующей неделе.

Я не должна так быстро брать выходные. Но до отъезда могу взять несколько дополнительных смен.

— Хорошо. — Если он хочет, чтобы я поехала с ним, я что-нибудь придумаю.

НЕЙТ ФИНЛИ

У меня был двадцатичетырёхчасовой опыт секса с Блосс. И каждый раз был восхитителен. Тем не менее тот секс в душе, возможно, был лучшим. Она ушла готовиться к работе, и я знал, что проведу вечер в «Лив Бей». Она словно магнит, и я не в состоянии держаться от неё подальше. Особенно после того, как она намылила меня, ласкала мой член, а затем обхватила меня ногами, пока я толкался в неё. У неё должно болеть там. Чёрт, мой член болит. Но она просила об этом и сжимала мои плечи, а затем вцепилась в меня, словно хотела, чтобы я остался внутри неё и жил там.

Если по этой причине мужчины женятся и остепеняются, тогда я полностью понимаю их. Они находят самую горячую киску, принадлежащую кому-то настолько красивому и милому, как Блосс, и умоляют, чтобы их повязали.

Когда я кончил на её живот, пока она наблюдала за мной, я решил сделать ей предложение прямо в тот же момент. Конечно же, я не сделал этого, но, чёрт меня подери, если не хотел. Она смотрела на меня с мокрыми после душа волосами, улыбаясь, словно моя сперма на её животе — это самая лучшая вещь на свете.

То, что она ушла на работу, фигово. Мне нравится, когда она здесь, со мной. Но у неё есть работа, и ей нужны деньги. Я не могу просто удерживать её. Осенью я закончил свой последний семестр в колледже и даже не пытался найти работу, потому что знал, что буду помогать Октавии при открытии её нового магазина.

Теперь уже нет, и мне нужно решить, чем я собираюсь заниматься. Отъезд больше не кажется привлекательным. Но здесь я не хочу получить постоянную работу. Мне необходимо что-то временное. Всё это в новинку для меня, и я хочу быть рядом с Блосс как можно больше. Посмотреть, к чему мы идём. Дать нам шанс.

Я потянулся за своим телефоном. Скорее всего, у деда есть идея, где я смогу поработать. Пока не пойму, куда направляюсь. Или же, чёрт возьми, собираюсь ли я пустить здесь корни.

Отец моего отца открыл для меня трастовый фонд после моего рождения, как впрочем, и для моих сестёр. Этот фонд для того, чтобы я мог начать своё дело. Я хочу что-нибудь построить. Что-нибудь создать. Просто пока не уверен что именно. У меня степень в бизнесе. Есть идеи, но я не уверен, на что хочу потратить эти деньги.

— Ты всё ещё в моём доме, — было приветствие моего деда.

— Ага. Слушай, я подумываю остаться здесь, по крайней мере, до конца лета. Мне

нужно найти работу и собственное жильё. Знаешь кого-нибудь, кому нужна помощь на лето?

Он усмехнулся.

— Чёрт, да, мне. Часы не самые лучшие. Будешь много работать поздней ночью. Но я хорошо плачу.

На самом деле я не хочу работать на своего деда, но он продолжал говорить, и энтузиазм в его голосе от того, что я буду работать там, делал отказ невозможным.

— Ты уверен, что не придумываешь эту работу специально для меня? — спросил я его.

— Нет. В этом месяце я собираюсь нанять несколько человек.

Мне придётся это сделать.

— Хорошо. Спасибо. На следующей неделе мне нужно поехать домой и привезти кое-какие вещи. Но я сразу же вернусь и буду готов начать.

— А относительно жилья, живи у меня.

Я подумал о Блисс на диване с зависшей в воздухе попкой и понял, что не смогу отказываться от этого каждое воскресенье, когда дед будет дома.

— Лучше мне найти собственное местечко. Что-нибудь арендную.

Дед откашлялся, а затем рассмеялся.

— Тогда предполагаю, что это из-за той девушки.

— Да, это так.

— Хорошо. Самая умная вещь, которую ты сделал за последнее время.

Я решил, что он рад этому. Как будет рада и моя мама. Она будет в восторге, когда познакомится с Блисс.

Как только я положил трубку, мой телефон завибрировал в моих руках, и, посмотрев вниз, я увидел сообщение от Октавии. Этого я не ожидал. И тем более не хотел.

«Нам нужно поговорить».

Нет, не нужно. То, что было сделано и сказано, в прошлом. *«Я так не думаю».*

Я подождал несколько секунд, и она ответила: *«Пожалуйста. Мне жаль. Я была холодной и со мной было сложно иметь дело. Давай поговорим».*

Если бы я любил её, всё было бы по-другому. Но то, что было между нами, было пустым, и мы теряли время. Это было легко, а я больше не хочу ничего лёгкого. Не такой ценой. Лёгкость, которая была с Блисс, отличалась. Эта лёгкость заставляла меня что-то чувствовать.

«У нас ничего не получилось. Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Не хочу того, что было между нами».

Это тяжело, но с Октавией можно говорить подобным образом. Она грубая и жёсткая. С ней нет необходимости подслащать правду.

Я подождал ответа. Когда ничего не пришло, я положил телефон и пошёл одеваться. Мне нужно позвонить маме и сказать о своём приезде на следующей неделе, а также о своих летних планах. Она не из тех, кто постоянно звонит и беспокоит. Она позволяет мне самому звонить ей, поэтому с ней очень легко общаться, и я стараюсь держать её в курсе дел. Кроме того, если я заставлю её слишком сильно беспокоиться, мой отец надерёт мне задницу.

Вечером я пойду в «Лив Бей». Нужно познакомиться с друзьями Блисс и вписаться в её мир. Я хочу, чтобы она хотела этого так же сильно, как и я. Потому что теперь нет пути назад. Возможно, один из них даже знает место, которое я могу арендовать.

Мой телефон снова завибрировал, и я проигнорировал его. Октавия ещё что-то написала. Я не хочу быть грубым, но всё кончено. Она должна это понять. Я не её парень.

Никогда не был.

Я могу рассказать ей о Блесс, и это заставит её остановиться. Её гордость не позволит ей продолжать пытаться, если она будет знать, что я двигаюсь дальше.

Зайдя в спальню, я улыбнулся беспорядку на кровати. Она тоже промокла из-за наших влажных тел сразу после душа. Сегодня вечером я приведу её сюда. Всё будет нежно и медленно. Не то чтобы Блесс не наслаждалась грубыми моментами, но она нуждается в том, чтобы моё отношение к ней тоже было особенным. Единственное, что мне нужно для этого, держать свой грязный рот на замке.

Снимая мокрые простыни, я закончил определяться с планами на вечер.

Мне не нужно было видеть, как он пришёл, чтобы понять, что он здесь. Я весь вечер искала его глазами. Уже было за десять. Сегодня много народу. Ларисса поставила меня работать в той части, где сидела наша компания. Больше никто не хотел иметь с ними дело, когда они были такими шумными.

Мика спорил с Джудом, Деймон флиртовал с Саффрон. Ему виднее. Но он пьян. К счастью, сегодня Холланд пришла с Саффрон. Она единственная, кто тихо наблюдал за диким балаганом, происходящим за столом.

У меня был полный поднос выпивки для них, когда обернувшись, я увидела Нейта, идущего ко мне. Улыбка появилась мгновенно. Я ничего не могу с собой поделать. Увидев его, я становлюсь взволнованной и счастливой. словно есть только то лето и настоящий момент. А всё, что было между, исчезло. И больше ничего не значит.

— Привет, — сказала я, внезапно чувствуя себя смущённой.

Он подошёл ко мне, скользнул рукой по моей спине и поцеловал меня. Прямо здесь. Это был не горячий, сексуальный поцелуй, но он говорил: «Привет, это моя женщина» — и мне это понравилось.

— Привет, — сказал он, когда слегка отодвинулся и ухмыльнулся. — Прости, я опоздал. Пришлось заехать к деду и обсудить некоторые детали моей новой работы на него.

Его новой работы?

— Что?

Его ухмылка так и не исчезла, словно он наслаждался выражением замешательства на моём лице.

— Мне нужна работа, и он предложил её мне. Сказал, что ему нужна дополнительная помощь на лето. Следующий шаг: найти место для жилья. Знаешь какое-нибудь хорошее местечко в аренду?

Он нашёл работу и собирается найти жильё. Боже мой! Улыбка, которая расплылась по моему лицу, была моей единственной реакцией. У меня был полный поднос с выпивкой, иначе бы я, скорее всего, бросилась к нему в объятия.

— Ты остаёшься? — Это было очень похоже на писк, но мне всё равно.

— Конечно. Я не хочу уезжать, если ты здесь.

Это говорило больше, чем любые сказанные им слова.

— Мне действительно очень хочется схватить тебя и поцеловать, — сказала я ему.

— Давай доставим этот поднос к столику. Тебе пришлось достаточно долго стоять и держать его. Представь меня снова своим друзьям, не думаю что знаком со всеми. Я не помню их имена.

У меня однозначно была энергичная походка, когда мы шли к столику. Мика встал и начал забирать напитки с моего подноса.

— Нейт Финли, я что, только что видел, как ты целуешь нашу девочку? — спросил Мика с явным весельем в голосе.

Прежде чем он смог что-то ответить, я заговорила:

— Это Мика. Ты видел его в прошлый раз. Это Джимми, его ты тоже видел, но тогда он был пьян, как и сейчас, поэтому сомневаюсь, что он помнит. Саффрон, она подкатывала к тебе. Её сестра-близнец Холланд, которая не станет флиртовать, так что можешь не беспокоиться о ней. И Джуд, брат Мики. Элая ты знаешь. О, и Деймон. Эй, все, это Нейт Финли. Мой... друг. — Я не уверена, кто мы друг другу, но называть его другом было странно.

— Я твой друг, и ты никогда не обсасывала моё лицо, — сказал Мика с ухмылкой.

— Заткнись, — огрызнулась ему Холланд. Она самая спокойная и милая близняшка, но у девочки есть характер.

Я не смотрела на Элая, потому что мы не говорили о моём свидании и о чём-либо ещё, касающемся Нейта, так что я не знаю, что он чувствует, увидев поцелуй до того, как услышать о наших отношениях. Он мог очень странно относиться к таким вещам. До Нейта я почти всё обсуждала с Элаем.

— Блосс! — Ларисса позвала меня, и я поняла, что слишком надолго задержалась.

— Мне нужно вернуться к работе. Вы все, пожалуйста, не рассказывайте Нейту слишком много ерунды, — сказала я, затем повернулась, чтобы поцеловать его в щеку перед тем, как убежать к Лариссе.

Когда я подошла к бару, то улыбалась как идиотка.

— Парень перевернул весь твой мир, не так ли? — спросила она, когда я подошла к ней.

— Он... нравится мне. Всегда нравился.

Она громко засмеялась.

— Я знаю. Я имею в виду, невинная Блосс больше не настолько невинна. Всё написано у тебя на лице. Думаю парень, который так выглядит, знает, что делать. Тебе понравилось?

Она говорила о сексе. Я замерла. Я не могу об этом говорить с ней... или могу? Будет ли это неуважительно в отношении Нейта, или ему всё равно? Я оглянулась на него и увидела, как Джимми рассказывает что-то, что смешит всех остальных.

— Да. Мне очень понравилось. — Слова сорвались с моего языка до того, как я смогла остановить их.

— Тогда он действительно профи. Первый секс не всегда хорош. Он может быть ужасен. У меня была подруга, которая после первого раза клялась, что больше никогда не повторит этого. Конечно же, в конце концов, она снова занялась сексом.

— Не могу представить, что это может не понравиться.

Ларисса снова засмеялась.

— Да, он хорош. Я рада за тебя, Блосс. Но прямо сейчас, мне нужно, чтобы эти напитки были отнесены за четвёртый столик. Затем прими заказ у шестого столика. Они продолжают махать.

Я поспешила сделать то, что она сказала, пытаясь не смотреть на Нейта, хотя и чувствовала его взгляд на себе. Мне нравится знать, что он здесь и наблюдает за мной. Что мне нравится ещё больше, так это то, что сегодня вечером я уйду и он уйдёт вместе со мной.

Следующие три часа прошли как в тумане. Клуб был переполнен, и мне не часто удавалось остановиться у их столика и пообщаться с Нейтом.

Был час до закрытия, когда я посмотрела на Нейта, чтобы удостовериться, что он по-прежнему хорошо проводит время с моими друзьями, и увидела, что его нет. Я решила, что он вышел в туалет, так что не стала из-за этого заморачиваться, пока он так и не вернулся.

Мой мозг искал причины, по которым он мог уйти. Думаю, он должен был подойти ко

мне и сказать, что собирается уйти. Нет никакого смысла в том, что он просто ушёл. Только если кто-то что-то не сказал ему.

Я посмотрела на Элая, который тоже смотрел на меня и хмурился. Сказал ли он что-то Нейту? Если сказал, тогда у нас будет эпическая ссора. У него нет никаких прав совать свой нос в мои дела. А ещё он не знает Нейта. Он просто предполагает, что знает всё на свете.

К тому времени, как закончилась моя смена, мой мозг прокрутил тысячи причин, почему Нейт мог уйти. Из-за этого я разозлилась на Элая, что глупо. Я понятия не имею, виноват ли он. Сначала я должна узнать причину. Что означало, я должна повидаться с Нейтом.

НЕЙТ ФИНЛИ

Ветер продолжал дуть, волны продолжали биться об берег, солнце продолжало садиться, а луна продолжала освещать вечернее небо. Всё это продолжалось. Ничего не изменилось. Ничего. Всё оставалось по-прежнему. Только потому, что одна жизнь закончилась, мир не перестал вращаться. Это казалось несправедливым. Хотя, наверное, в этом мире было бы намного тяжелее жить, если бы он оплакивал каждую оборвавшуюся жизнь.

Один телефонный звонок изменил мою жизнь и заставил её совершить крутой вираж. Я знал, что уже никогда не смогу иметь то, к чему стремился ещё час назад. Это изменит меня. Сделает жёстким. Я никогда не смогу простить себя за принятое решение. Или забыть две жизни, которых больше нет. Одну, которой я должен был дать шанс. И одну, в которой имел право выбора.

Блисс является всем самым чистым в этом мире. Она солнечный свет и счастье. Она прошла через ад и по-прежнему остаётся светлой и яркой. Она по-прежнему с оптимизмом смотрит на жизнь. У неё была битва, и она победила.

Я принял одно неверное решение, и мой мир навсегда изменился. Блисс нужен кто-то цельный, а я уже никогда не буду в порядке. Никогда. Как я могу? Почему я должен наслаждаться жизнью, когда с тем, кого я должен был защищать, произошла трагедия?

Мои вещи лежали в спортивной сумке в моих руках. Но они похожи на неподъёмный груз. Я знал, что когда сегодня уеду, больше никогда не смогу вернуться. Будет слишком больно видеть Блисс и понимать, что я потерял то, что мог иметь. Она не заслуживает ту темноту, которая теперь повсюду будет следовать за мной.

— Нейт? — Она нервничала. Она увидела мою сумку. Даже не спросив, она знала, что я уезжаю. Чего она не знала, это того, что я наделал. Я потерпел неудачу. Я позволил горю ворваться в нашу жизнь. Моё желание иметь её привело к тому, что случилось. Никто не заслуживает такого урока.

Я не мог заставить себя повернуться. Я увижу её, и агония, через которую я прохожу, станет сильнее. Потому что я люблю её. Я буду любить её до последнего дня своей жизни. Но она всегда будет напоминать мне о том, что я наделал. К чему привёл мой эгоизм.

— Ты уезжаешь, — просто сказала она, но не смогла скрыть эмоции в своём голосе.

— Да. — Она заслуживает больше, чем это. Но произнести слова. Признать ужас... как я это сделаю?

— Кто-то что-то сказал тебе? Если Элай сказал что-то, он идиот. Я разберусь с ним. Но чтобы это ни было, мы можем поговорить об этом. Нет причин уезжать.

Она думает, что это из-за неё. В каком-то смысле так и есть. Она мой выбор. Который привёл к подобному результату. Но я не могу винить её. Она не сделала ничего плохого. Она идеальна, а я испорчен. Сломлен. Чертовски разбит.

— Твои друзья ничего не сказали. Они все были приветливы. Даже дружелюбны.

Боже, как я смогу сказать это вслух?

— Тогда почему? Я сделала что-то не так? — В её голосе звучала надломленность. Небольшой надрыв. Я ранил её. Я никогда не хотел ранить её. Её нужно обнимать и любить. Но ей нужен цельный мужчина. Я не смогу обнимать её и быть счастливым.

— Ты ничего не сделала. Ты идеальна. — Это не ответ на её вопрос. Знаю. Я должен сказать ей. Признаться. Она должна знать правду. Рассказ об этом ещё больше сломит меня. Но у меня нет другого выбора. Это тоже причинит ей боль, но она будет знать правду и сможет двигаться дальше. Она найдёт кого-нибудь другого, кого сможет полюбить. Кого-то, кто не будет оболочкой человека. Кого-то, кто сможет быть с ней, не имея тёмноту в своей душе. — Звонил мой отец, — начал я. Чёрт, моё горло сдавило. Было тяжело дышать. — Они... её мачеха. Мачеха Октавии нашла её два часа назад. Она... — Боже, я закрыл глаза и сделал глубокий вдох. В моей голове стояли образы произошедшего. Въевшиеся так глубоко, даже несмотря на то, что я не видел этого. Ясность произошедшего и чистый ужас разрушали меня. — Она повесилась на потолочных балках в доме своего отца. Верёвка вокруг её шеи и записка... — Здесь я должен был остановиться. Моя голова разрывалась, пока эти слова снова и снова проигрывались в моей голове. Записка. Боль в голосе моего отца, когда он говорил мне об этом.

— О боже мой, — прошептала Блосс. Затем её ладонь коснулась моей руки, и я вздрогнул. Отошёл в сторону. Не сейчас. Сейчас она не может прикасаться ко мне. Она по-прежнему не знает всего. Всего того, что будет вечно преследовать меня.

— Беременна. Она была на четвёртом месяце беременности. — Я сглотнул желчь в горле. — Моим ребёнком. Он был слишком мал и неразвит, чтобы выжить вне её тела. Они не смогли спасти его. Она рано отпустила персонал. Сказала, что собирается насладиться тихим вечером. Её мачеха, забеспокоившись, пришла домой, когда домработница позвонила ей и сказала, что Октавия выпроводила всех. — Я задержал дыхание. И снова сделал глубокий вдох.

— Нейт, — тихо сказала она, и в её голосе слышалась неподдельная печаль. Это не пытка, которую я буду испытывать всю оставшуюся жизнь, или ночной кошмар, который я буду ежедневно прокручивать в своей голове. Но я знал, что она поняла.

— Это был мальчик. — Я должен был закончить. Вытащить всё наружу. Признать, что у меня был сын. Тот, которого у меня забрали. Тот, с которым у меня не было возможности познакомиться. Тот, у которого не было шанса прийти в этот мир. Его мать сделала этот выбор за него. Считая этот мир слишком холодным местом и желая покинуть его, зачем она вынашивала этого ребёнка?

Наступило молчание. Сказать было нечего.

— Значит ты уезжаешь. Насовсем. — Это не вопрос. Она просто подтверждает то, что и так знает.

— Да.

Я бросил на неё взгляд. Слезы скатывались по её лицу, она оплакивала потерянные

жизни. Это образ Блесс будет последним, который останется у меня. Развернувшись, я ушёл. Уехал из Си Бриза. Уехал от счастья. Уехал от жизни, которую никогда не заслужу.

Подойдя к парковке, я заметил знакомый чёрный G-Wagon, который принадлежал моему отцу. Он вышел со стороны водительского места, а мой дядя Грант — со стороны пассажирского. Они оба посмотрели на меня, затем отец направился ко мне.

Когда его руки обняли меня, я снова стал пятилетним мальчишкой, а его объятия стали моим безопасным местом. Но в этот раз папа не мог облегчить мою головную боль.

— Грант отгонит твой внедорожник. Садись в мою машину, — хрипло сказал он. Ему тоже больно. Во всём виноват я. Я. И моя эгоистичная потребность в женщине.

Казалось, будто мои эмоции воюют друг с другом, сражаясь за победу. Чтобы выяснить, кто из них сильнее. Не уверена, как вернулась с пляжа в свою квартиру. Я не помню. Мои мысли были наполнены болью, печалью, неверием, и я ничего не могла с этим поделать. Ничего не могла сказать.

Он не хотел моих утешений. Не было правильных слов, которые я могла бы сказать ему. Не было возможности умолять его не уезжать. Позволить мне помочь ему скорбеть. Я не могла скорбеть за него. Это был удар. Глубокий и жестокий. Я сталкивалась со смертью. И, пока я стояла с ней лицом к лицу, я переживала за тех, кого оставляю. За боль, которую причиню. Мне приходилось бороться, даже когда я не была уверена, что должна продолжать борьбу, потому что я не собиралась позволить им пережить мою смерть.

Но Нейт... ему придётся пережить не только смерть своего ребёнка, но и ужасную трагедию. Ту, которая ранит его так, как я и представить не могу. Я бы хотела быть там, вместе с ним. Мне было ненавистно отпускать его. Но он не хотел меня рядом.

Думать о себе и о своей потере неправильно. Я не буду этого делать. Не буду переживать за себя. Из-за того что любила мужчину и потеряла его. Когда у него не было даже возможности обнять своего сына. Я оплакиваю это, но я оплакивать и его. Не потому что сама потеряла его, а из-за того, что потерял он. Я люблю Нейта Финли, даже если это и односторонняя любовь. Для меня этого достаточно. Я знаю, что такое любовь. Мне удалось дважды ненадолго испытать это чувство. И оба раза с ним.

Дверь открылась, и за ней стоял Элай. Выражение его лица было озадаченным и обеспокоенным.

— Я видел, как он уехал с двумя мужчинами. Один повёз его, другой — его внедорожник. У него была спортивная сумка. Ты в порядке? Что он сделал?

Я просто стояла на месте, пытаюсь сосредоточиться. Зная, что должна хоть что-то сказать Элаю, но моя душа была настолько сломлена, что было больно даже думать. Стоять. Говорить.

— Клянусь богом, я отследю его жалкую богатую задницу и набью ему морду! Что он сделал? — Элай был зол. Волновался, что Нейт причинил мне боль. Он причинил, но у него не было выбора. Ему намного больнее. Я понимаю это.

— Октавия повесилась, Элай. И она была беременна его сыном.

Злость Элая сдуло, словно пламя свечи. Его лицо стало непроницаемым, а затем ужас моих слов отразился в выражении его лица.

— Святое дерьмо, — прошептал он.

— Он уехал. — Эти два слова не могли сказать всё, но и не должны были. Элай знал. Нейт уехал и не вернётся. Я чувствовала себя ужасным человеком, просто скорбя о его потере. Что потеряла его ещё до того, как мне удалось насладиться любовью к нему.

Руки Элая обняли меня, и, как только я оказалась в его объятиях, я позволила боли вылиться наружу. Я рыдала из-за всего того, что потерял Нейт. Того, чего не будет у него, и того, чего никогда не будет у нас с ним.

Следующим утром я проснулась в своей кровати, но на мне по-прежнему была одежда. Вчера вечером Элай обнимал меня, сидя на диване, пока я рыдала. Это последнее, что я помню. Видимо, я заснула. Я прикоснулась к своим глазам. Они были опухшими и влажными. Боль в груди никуда не делась, и я устала лежать на потолке. Сегодняшний день был таким же, как и любой другой. Я встану, поем, оденусь, пойду на работу. Жизнь будет продолжаться. За исключением того, что моё сердце находится в другом месте. С другим человеком. И я не могу ему помочь. Я не могу обнять его так, как Элай обнимал меня.

Раздался тихий стук в дверь, затем она медленно открылась, и Элай заглянул в комнату.

— О, ты проснулась, — сказал он, открывая дверь шире и проходя вовнутрь. — Я сделаю тебе кофе. Не хочешь что-нибудь съесть?

Он относился ко мне так, словно я только что потеряла своего ребёнка. Слово это ужасная реальность была моей. Кто позаботится о том, чтобы у Нейта было что поесть? Был ли кто-то, кому он позволит обнять себя? Плакал ли он? Оплакивал ли пустоту и утрату? Кто был рядом с ним?

Я ненавижу это. Мне невыносимо от того, что я не знаю, в порядке ли он. Но он ясно дал понять языком своего тела, что не хочет, чтобы я была рядом. При дневном свете я осознала, что он винит меня. Нас. За то, что произошло. Октавия сделала это, потому что Нейт расстался с ней. Разорвал отношения. Люди постоянно расстаются. Это так несправедливо. Реагировать таким способом. Забрать другую жизнь вместе со своей. Должно быть, у неё были тяжёлые времена, но я всё равно злилась на неё. За её выбор. За то, что она забрала. Как она могла так поступить? Оставить свою семью? У меня не было права выбора. Мне пришлось бороться, чтобы жить, а она просто выкинула свою жизнь и жизнь своего ребёнка.

— Думаешь, кто-нибудь позаботится о том, чтобы он поел?

Элай подошёл ближе и сел у моих ног на краю кровати.

— Да. Теперь, когда я знаю, что случилось, я понимаю, что видел прошлой ночью. Думаю, это его отец приехал, чтобы забрать его. Не хотел, чтобы Нейт ехал за рулём. И привёз с собой другого мужчину, чтобы отогнать домой внедорожник. Я видел, как отец Нейта крепко обнял его. Думаю, за ним присматривают. Он не один.

— У него хорошие родители, — я сказал это больше для себя. Напоминая себе о том, о чём и так знаю.

— Я рад.

Я кивнула и наконец-то села.

— Он винит меня. Он винит нас. То, что мы сделали. То, что он порвал с ней из-за меня. Я... целовалась с ним до того, как он порвал с ней. Может, меня действительно стоит винить. Он может возненавидеть меня и будет прав. — Я уронила голову на руки. — Я просто не понимаю этого. Как кто-то может быть настолько расстроен, чтобы покончить с собой, зная, что оставит после себя пустоту и печаль.

Элай глубоко вдохнул.

— И я не понимаю. Но мы не знаем, что было в её голове. Возможно, она была потеряна и не знала, как попросить о помощи. Кто знает.

Мне недостаточно этого. Возможно, Элай считает, что у неё есть оправдание, но я так не думаю. Она просто покончила с собой и с жизнью ребёнка, словно это ничего не значит. Слово каждый сделанный нами вздох не является даром. Потому что это дар. Я знаю. Я знала это каждый раз, когда встречала рассвет. Жизнь нельзя воспринимать как что-то само

собой разумеющееся. Она то, за что нужно быть благодарным. От неё нельзя просто отказаться и выбросить за ненадобностью. Жизнь особенна. Неважно насколько она трудная, она всегда может стать лучше. Ты обязан в это верить.

— Я знаю, что ты боролась за жизнь, Блосс. Ты видишь жизнь как драгоценный дар. Я также знаю, что ты сидишь здесь и пытаешь переварить это в своей голове. Но у людей бывают проблемы. Их разум предаёт их. Они нуждаются в помощи, возможно, даже в медикаментозной. Ты не знаешь, какими были её мысли, когда она решилась на это.

Сейчас мне нужно, чтобы он просто замолчал. Я не хочу это слышать. Я не верю в это. Рана, которую оставил её эгоистичный поступок, никогда не затянется и не перестанет болеть.

НЕЙТ ФИНЛИ

Я слышал их голоса внизу. Они все здесь. Обе мои сестры. Мой дядя Грант, тётя Харлоу и Лиля Кейт. Тётя Нан, дядя Коуп, Финн, и я даже мог разобрать громкий голос Каллы. Кажется, сегодня они позволили ей пропустить школу. Они все здесь ради меня. Это моя семья. Так поступаем мы. Находимся рядом с друг другом.

Хоть я и ожидал подобного, но не хотел. Папа, который появился прошлой ночью и привёз меня домой, был тем, в ком я нуждался. Тот факт, что я был эмоционально сломлен, чтобы вести машину, никак на это не влиял. Просто когда он и дядя Грант вышли из машины, я знал, что хочу, чтобы они были рядом.

А большая компания внизу не то, что я хочу. Мне нужно, чтобы меня оставили одного. Они не могут помочь мне. Они не знают всего. Никто не знает, что конкретно произошло. Они винили во всём Октавию и её лекарства. Она была в депрессии. Чего я не сказал никому, это то, что, возможно, это я обернул ту верёвку вокруг её шеи.

Теперь я знаю, что она хотела рассказать мне о ребёнке. Своим ответом я дал ей понять, что мне всё равно. Всё потому что я был влюблён в Блосс Йорк. Любовь не должна приводить к таким последствиям. Она должна делать тебя счастливым и приводить ко всему тому дерьму, которое сейчас происходит внизу. Пока я рос, я наблюдал за женатыми людьми и задавался вопросом, неужели любовь настолько прекрасна. Или же она требует тяжёлой работы.

Когда я наконец-то посчитал, что, возможно, они были правы, я попал в кошмар. К чёрту эту любовь. Я хочу лёгкости. Я выбрал что-то большее, и оно испортило всё остальное. Ранило так много людей. Оно забрало моего сына. Моего сына. У меня был сын.

Но его не стало. Как и его матери. Так быстро. Так напрасно.

Моя дверь открылась, и мама зашла в комнату, закрыв её за собой. Извиняющееся выражение её лица сказало мне, что она знает, что я не хочу, чтобы они были здесь.

— Они беспокоятся о тебе, — просто сказала она.

Я понимаю. Но по-прежнему хочу уединения.

— Ты можешь пойти и поесть с нами, или я могу принести завтрак в твою комнату. Но ты должен поесть.

Прошлой ночью она была у машины ещё до того, как я успел выйти из неё. Как и папа, она обняла меня. Её лицо было влажным от слёз, а глаза покрасневшими и опухшими. Она

ничего не сказала, кроме того, что любит меня.

Больше было нечего сказать. Она понимает меня лучше кого-либо. Даже папы. Как сейчас. Она тихо пришла проведать меня. Зная, что я не захочу спуститься вниз и встретиться со всеми остальными.

— Я спущусь вниз поесть. Если не спущусь, они все начнут подниматься сюда. — Я не хочу, но с Блэр Финли отказаться от еды не получится. Она упрямая.

— Я хотела бы провести для него поминальную службу, только для членов семьи, — она так тихо произнесла эти слова, что я почти не расслышал её. «Для него». Моего сына. Того, кому не был дан шанс. Боль с такой силой прошла через меня, что я вздрогнул. Но она права. Мы должны. Он заслуживает, чтобы его помнили. Признали его существование.

— Хорошо, — ответил я.

Она кивнула, и слёзы наполнили её глаза. Она подошла ближе, чтобы снова обнять меня.

— Он был бы прекрасен. Прямо как ты. — Сейчас я не хочу об этом думать. Возможно, когда-нибудь я буду в состоянии думать о том, как бы он выглядел. Каким бы он был. Но не сейчас. Я не готов. Но я позволю своей маме скорбеть так, как она хочет. Она отпустила меня и поцеловала в щеку. — Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

— Приходи, когда будешь готов, — сказала она перед тем, как развернуться и выйти из комнаты.

Я не уверен, что буду готов даже через год, но она не это имела в виду. Она хотела, чтобы я спустился в течение часа. Покончить с этим и вернуться к своему одиночеству лучше, что я могу сделать.

Схватив футболку, я надел её к спортивным штанам, в которых спал. Мне было всё равно на мои волосы и чистку зубов. Если у меня будет вонять изо рта, они, возможно, будут держать дистанцию. Я подготовил себя ко всей любви и поддержке, ждущим меня, и направился вниз.

Когда я вошёл в комнату, тётя Нан говорила о плохих оценках Каллы и угрожала забрать её из команды чирлидерш. Казалось, они все разом заметили моё присутствие, и комната погрузилась в тишину. Никто не двигался, кроме тёти Нан. Она быстро встала со своего стула и подошла ко мне. Взяла меня за руки и поцеловала в щеку, затем притянула в свои крепкие объятия.

— Ты сильный, Нейт Финли. Крепкий, как камень. Тебе будет больно так, как я и представить не могу, но ты справишься. Ты найдёшь своё счастье, и у тебя всё будет хорошо. — Её слова были сказаны с такой убеждённостью, что я почти поверил в них.

Я обнял её в ответ и прошептал «спасибо», даже если и считал, что не заслуживаю хоть когда-нибудь обрести счастье. Когда она отпустила меня, то повернулась к моей маме:

— Я налью ему кофе, пока ты готовишь еду.

Мама кивнула, уже готовя для меня тарелку.

— А теперь, все вы, прекратите стоять здесь, ведя себя так, словно звук ваших голосов может сломать его. Разговаривайте, чёрт возьми, — слова дяди Гранта заставили бы меня улыбнуться, если бы я мог. Они все начали медленно разговаривать. Мама поставила мою тарелку напротив того места, где сидел мой отец с чашкой кофе. Он молчал, но его пристальный взгляд был направлен на меня. Я посмотрел на него, и серьёзное выражение в его глазах сказало больше любых слов. Он беспокоится обо мне и хочет всё исправить, но

знает, что это не в его силах.

— Ты поспал? — спросил он, когда я сел.

— Немного.

Он кивнул и сделал глоток кофе. Его взгляд переместился на дядю Гранта, когда тот сел рядом со мной.

— Люблю тебя, парень, — сказал он мне, сжимая моё плечо.

Я знаю это. Я знаю, что они все любят меня, но не знают, что сказать.

Финн нервно стоял в нескольких шагах от нас, но я видел, что он наблюдает за мной. Он не уверен, должен ли подойти ближе и что-то сделать. Я повернулся к своему младшему кузену.

— Присядь, — сказал я ему, кивая на стул возле меня. — Всё в порядке.

Сейчас Финну девятнадцать. Когда он родился, он был малышом, который доставал меня. Но вскоре он стал моей маленькой тенью, и мне это нравилось. То, что он смотрел на меня и пытался подражать, заставляло меня чувствовать себя важным. Он был младшим братом, которого у меня никогда не было. Несмотря на то, что теперь он намного больше меня. Он был размером со своего отца, а дядя Коуп крупный мужчина. Он также был спокойным, как и его отец. Однако его сестрёнка была похожа на тётю Нан. Она любила поболтать и обожала внимание.

— Мне жаль, — сказал Финн своим глубоким голосом.

— Мне тоже, — ответил я.

Руки обвилились вокруг моей шеи и обняли меня сзади. Мой нос почувствовал запах дорогих духов, а затем на моей щеке был оставлен поцелуй. Она ничего не сказала. Ей и не нужно. Это была Офелия. Сестрёнка, которую я обожал, пока она не украла мою спальню и не перекрасила её в розовый цвет. Тогда я был злым шестилетним ребёнком. Но родилась Феникс, и моим родителем нужно было переделать комнату Офелии под детскую для новорождённой. А я был самым старшим, поэтому они переселили меня в дальнюю спальню. В итоге я простил её, когда она пришла в мою комнату, рыдая большими крокодильими слезами после того, как Феникс привезли из роддома. Она больше не была самой маленькой и боялась, что они забудут её или отдадут.

Я прикоснулся к её руке. Мне не нужно что-либо говорить. Она знает, что я рад, что она здесь. Теперь мы не так часто видимся, и я скучал по ней. То, что они все здесь, не так уж и плохо, как я думал. Их голоса стали громче, когда они начали обсуждать разные темы.

Завтракая, я слушал и пытался поддерживать беседу, когда они обращались ко мне. Но моё сердце не участвовало в этом. Я больше не уверен, что у меня есть сердце.

Глава Двадцать Первая

БЛИСС ЙОРК

Вино было хорошим. Мне нравится вино. Нет, я обожала вино. Это, вероятно, лучшая когда-либо созданная вещь. Иисус любил вино. Он превращал воду в вино. Вино это хорошо. Однозначно вкуснятина.

Сидя за баром, я уставилась на три пустые бутылки, пока поглощала картофельные чипсы, которые купила, когда покупала вино. Позор, у меня закончилось вино. Мне нужно ещё, но я не уверена, что если покину сейчас квартиру, то смогу найти дорогу обратно. Мне придётся идти пешком. Может, я и пьяная, но не глупая. Я не могу сесть за руль. Не в таком состоянии.

Несколько чипсин не попало в мой рот, и я наблюдала, как они падают на пол. Я должна поднять их. Но мне всё равно. Элаю бы не было всё равно. Я должна поднять их ради него. Вместо этого я поставила пакет с чипсами и перешла к брауни, которые тоже купила. Брауни были хороши. Возможно, так же хороши, как и вино. Но не думаю, что Иисус ел брауни. В любом случае в воскресной школе никогда не упоминали о брауни. Я задумалась над тем, когда были придуманы брауни. Должна ли я погуглить это. Найти и отпраздновать день их создания.

Дверь захлопнулась, и я подпрыгнула, вскрикнув и уронив брауни. Наверное, я и его не подберу.

— Блисс? — голос Элая привлёк моё внимание.

— Привет, Элай.

Его взгляд переместился с меня на бутылки вина и на еду, которую я поглощала прямо со столешницы.

— Ты в порядке? Звонила Ларисса и сказала, что ты не появилась на работе.

Ах да. Работа. Я не в настроении работать. На прошлой неделе я взяла выходные, потому что мне было слишком тяжело покинуть свою комнату. Я избегала всех, кого могла. Затем, когда пришло время выйти на работу, я проехала мимо неё и вместо этого направилась к продуктовому магазину, где купила вино, чипсы, брауни, торт, острые крылышки и немного винограда.

— Я была голодна. И мне сильно хотелось пить, — объяснила я.

— Я вижу.

Я протянула ему коробку с брауни.

— Они хороши. На них маленькие карамельки вместо орехов. Хочешь один? Я выпила всё вино, но у меня осталась еда.

У него округлились глаза.

— Ты выпила три бутылки вина?

Вздохнув, я кивнула.

— Да. Надо было купить четыре.

— Нет, ты должна была купить одну бутылку, — сказал он. — Давай остановимся на сегодня, ладно? Кажется, тебе уже достаточно. Утром ты будешь плохо себя чувствовать. Время спать. Иди, ложись, а я принесу тебе стакан воды и аспирин.

Я начала спорить, что я по-прежнему голодна, но мой желудок скрутило, и я покрылась потом.

— Хорошо, — согласилась я и направилась в ванную. Я нехорошо себя чувствую. Совсем нехорошо. Как только я дошла до двери своей ванной, мой желудок снова скрутило, и я побежала к унитазу, только я успела упасть перед ним на колени, как меня начало выворачивать наизнанку. Раз за разом.

Когда это наконец-то прекратилось и во мне ничего не осталось, у меня начались одни только пустые рвотные позывы, и я почувствовала позади себя Элая. Он держал мои волосы. Мне захотелось прилечь, и я начала ложиться, но холодное полотенце прикоснулась к моему лицу, и это было так приятно.

— Это поможет утром. Сейчас в тебе ничего не осталось. Давай уложим тебя в кровать.

Я встала, когда он поднял меня за руки, и, шатаясь, направилась в свою спальню. Кровать казалась такой далёкой, а поспать на полу — такой хорошей идеей. Я попыталась. Хотя Элай не позволил. Он заставил меня продолжать идти, и когда я наконец-то преодолела великий океан своей комнаты, я упала ничком. В мягкое тепло. На свою кровать.

Я никогда не была по-настоящему пьяной. Меня никогда не рвало из-за алкоголя. Я никогда не спала всю ночь в одежде с запахом рвоты. До сегодняшнего дня. Было больно открывать глаза. Но хуже всего был вкус в моём рту. Фу. Я закрыла глаза, и это помогло унять боль. Хотя не помогло с противным вкусом во рту.

В квартире слышались голоса. Элай не один. Мне не хочется вставать, и я надеюсь, что никто сюда не зайдёт. Вчерашний вечер был не самым лучшим. Вероятно, он был самым позорным. Но на какое-то время я была счастлива. У меня была еда, а алкоголь помог с пустотой и печалью, с которыми я пыталась жить всю последнюю неделю.

— Я сказал тебе, с ней всё хорошо, Ларисса. Оставь её в покое. — Голос Элая был достаточно громким, так что я могла слышать его через дверь.

— Она пропустила работу. Она неделю не выходит из своей комнаты. Ей больно Элай, и она нуждается в помощи. Ей нужен кто-то, кто вытянет её из этого.

Ларисса знает. Они все знают. Это стало новостью. Отец Октавии слишком известен, чтобы это было не так. Мир уже трубил о её закончившихся отношениях с внуком Дина Финли. Видеть это было ужасно. Знать, что у Нейта нет возможности спрятаться и погоревать в спокойной обстановке.

Затем дверь открылась, и, прищурившись, я увидела, что в комнату вошла Ларисса. Она закрыла за собой дверь.

— Я понимаю, что тебе больно. Всё это трагично. Ужасно и меня убивает то, что тебе приходится с этим сталкиваться. Из всех людей ты та, кто должен жить в счастливом мире, где не происходит всякое дерьмо. Но оно случается. Это причиняет боль. Ты знаешь это лучше всех. Как твой друг я здесь, чтобы заставить тебя встать с постели, помыться, одеться и вытащить тебя из этого места. Мы поедем поесть, погуляем по пляжу, сходим в магазин, что угодно. Ты больше ни дня не проведёшь здесь.

Мне хотелось поспорить, но не думаю, что с ней у меня есть хоть какой-то шанс.

— И очень хорошо, что ты напилась. Пропустила работу. И сделала что-то неожиданное. Как раз вовремя. Ты не можешь быть идеальной, Блисс. Никто не идеален.

Я ведь не пытаюсь быть идеальной, не так ли?

— Вставай. Идём. Ты воняешь вином и рвотой. — Она потянула меня за руку, и я села. — Ты самый сильный человек из всех, которых я когда-либо встречала. С тобой всё

будет хорошо. Жизнь продолжается, и ты исцелишься. Ты найдёшь счастье. И он тоже исцелится.

Слёзы жгли глаза. Не из-за меня. Не из-за моей боли. А из-за Нейта.

— Она убила его сына, — это всё, что я смогла сказать.

Ларисса обняла меня.

— Да. Убила. Он будет долго переживать эту потерю. Но однажды он найдёт способ двигаться дальше. Он всегда будет помнить, но он исцелится.

— Я хочу, чтобы он исцелился. Но он никогда не будет моим. Я всегда буду напоминанием. Это причиняет такую боль. Я не хочу, чтобы он думал обо мне и мгновенно вспоминал об этом.

Ларисса крепко обняла меня.

— Со временем ты не будешь напоминать ему об этом. Ты будешь напоминать ему о самых счастливых моментах. О тех, которые он будет лелеять.

Она не права. Но я всё равно позволила ей это сказать.

НЕЙТ ФИНЛИ

Передо мной появилась чашка с кофе, пока я сидел, уставившись на волны, разбивающиеся об песок. Откинув назад голову, я посмотрел на Лилу Кейт. На этой неделе она была тихой. Не особо говорила на семейных собраниях или на поминальной службе. Но она такая. Она не громкая, как Калла. Она не пыталась привлечь внимание, как Феникс. И она не эффектная, как Офелия. Она просто... ну, она такая же, как и её мама.

— Как ты держишься? — спросила она, присаживаясь рядом со мной. Лила Кейт могла бы быть моим партнёром в преступлениях, когда мы были детьми, если бы не была такой чертовски милой. Она была такой хорошей и послушной, что я никогда не мог особо повеселиться с ней. Круз Керрингтон и я всегда ввязывались в какие-то неприятности, а Лила Кейт всегда была рядом, волнуясь о нас и пытаясь отговорить. Мы были вместе с рождения. Дразнить Лилу Кейт было нашей любимой забавой.

Всё изменилось, когда Крузу было тринадцать, а Лиле Кейт четырнадцать, и он поцеловал её. Затем через неделю Круз поцеловал Мелани Харнетт. Больше Лила Кейт не разговаривала с ним. Круз, казалось, не замечал этого. Он менял девчонок каждую неделю. Я знаю, что для Лилы Кейт всё было по-другому, когда она поцеловала Круза, в отличие от нашего с ней поцелуя. Нам не понравился тот опыт. Однако было очевидно, что она так не думает об их с Крузом поцелуе.

Одна вещь, которую я всегда замечал, это то, что Лила Кейт наблюдает за ним. Годами. Он никогда не замечал этого. Круз был полностью в своём мире. Ничего особо не видел, кроме хорошего времяпровождения. Но я видел её. Вероятно, потому что часто задумывался о том, что наши родители могут быть правы. Возможно, мы предназначены друг другу. Затем я начал думать о ней больше как о сестре и быстро избавился от этой мысли.

— Фигово, — наконец-то ответил я на её вопрос.

— Да, думаю это так.

Лиле Кейт не нужно много говорить. Она утешала своим молчанием. Мне всегда это нравилось в ней.

— Ты заставляешь их всех волноваться. Блэр была сегодня у моих родителей. Я зашла на кухню и увидела, что она плачет. Мама успокаивала её.

Это ещё одна вещь о Лиле Кейт: она не осторожничает, потому что беспокоится о том, что может ранить тебя. Она милая и добрая, но бескомпромиссная. Честная, наверное, это слово лучше всего описывает её.

— Мне не нравится заставлять её плакать. Но я не могу притвориться, что со мной всё в порядке.

— Я и не сказала, что ты можешь. Просто даю тебе знать о том, что происходит.

Какое-то время мы сидели, попивая своё кофе. Я знал, что она ещё не закончила. Она собиралась сказать больше, но решала каким образом и что. Мне не интересно чьё-то мнение. Никто не знает, насколько тяжела моя потеря. Они не знают, что было кое-что ещё. Что я полюбил женщину и был виноват в том, что случилось. И, несмотря на то, что Октавия и мой сын умерли, я по-прежнему люблю Блисс, даже когда эта любовь послужила причиной того, почему всё произошло. Рассказать об этом хоть кому-то не казалось возможным.

На поминальной службе моего сына, я хотел, чтобы рядом была Блисс. Чтобы стояла возле меня. Утешала меня. Я нуждался в ней. Даже если и не заслуживаю её. Есть маленькая могила, на которой написано «Малыш Финли», что говорит, что я не заслуживаю счастья.

А Блисс для меня является счастьем.

— Кто она? Девушка из записки.

Никто не спрашивал меня об этом. В записке Октавии говорилось, что она надеется, что я буду счастлив с женщиной, ради которой расстался с ней. Мы все читали её записку. Её отец позаботился об этом. Он винит меня в том, что Октавия перестала принимать свои лекарства. Что я повернулся к ней спиной. И он прав. Когда она хотела поговорить, я должен был позволить ей сделать это. Тогда бы у моего сына по-прежнему был шанс.

— Я люблю её. Люблю с тех пор, как мне было шестнадцать. Но это больше не имеет значения.

Лиля Кейт повернула ко мне голову, и я почувствовал её взгляд.

— Почему? Потому что больная женщина действовала под влиянием собственной темноты? Боролась в одиночку? Где были её родители? Почему они не знали, что ей плохо? Не ты должен был защищать её. Вы расстались. Не справедливо позволять Октавии влиять на твой выбор. Не справедливо ни в отношении тебя, ни в отношении девушки, которую ты любишь.

У меня нет на это ответа. Я просто знаю, что не всё так просто.

— Не сейчас... я не могу, — ответил я, наконец-то повернувшись, чтобы посмотреть на неё.

Она нахмурилась, затем откинулась на своё сидение. Следующий час мы пили наше кофе и сидели в тишине.

Когда на лестнице послышались шаги, я перевёл своё внимание в ту сторону. С пляжа появился Круз. Он возвращался с пробежки. Весь потный и в своих шортах для бега. Он был на поминальной службе, но не знал, что сказать. Большинство людей не знало.

— Привет. У вас найдётся для меня место? — спросил он.

Лиля Кейт мгновенно встала.

— Я собиралась уходить. — Затем она развернулась и просто ушла. Как поступала всегда. Когда к нам собирался присоединиться Круз. Не секрет, что он ей не нравится. Её

действия дали это понять много лет назад.

— Всегда мог заставить эту девчонку освободить мне место. Не могу понять, почему она так чертовски сильно ненавидит меня.

Я бы поспорил насчёт его глупости. Что он знает почему. Но, если честно, я не уверен, что он понимает. Он слишком сильно поглощён самим собой, чтобы замечать что-то ещё.

— Ты подарил четырнадцатилетней Лиле Кейт её первый поцелуй, а затем неделю спустя переключился на другую девчонку. Пока маленькая Ли́ла Кейт была влюблена, ты делал себе репутацию бабника.

Круз сел.

— В самом деле? Она ненавидит меня, потому что я поцеловал её? Это когда было, восемь лет назад? Это не может быть из-за поцелуя.

У меня нет сил что-то объяснить или на что-то указывать. Вместо этого я пожал плечами. Он может верить в то, что хочет.

— Что насчёт тебя? Справляешься?

Выживаю.

— Конечно. — Что ещё я должен был ответить на это?

— Прости, мужик. Я должен был прийти раньше, но я не знал, что сказать. По-прежнему не знаю.

Он ничего и не может сказать.

— Каково это, работать на своего отца? — спросил я его.

Он раздражённо застонал.

— Тяжело. Я скучаю по колледжу.

В один прекрасный день загородный клуб «Керрингтон» будет принадлежать ему. У него есть два младших брата. Блейз и Зендер. Он должен позволить одному из них занять его место.

— Кто-нибудь из твоих братьев интересуется клубом?

Он покачал головой.

— Блейз всё ещё в Лос-Анджелесе. Пытается стать следующим Заком Эфроном. А Зендер планирует вступить в морскую пехоту.

Я видел Блейза в телевизионной вечерней драме, он делал себе имя благодаря ей. Но я только однажды смотрел и не до конца. Феникс смотрела эту драму и хотела, чтобы я увидел Блейза.

Мы не говорили ни о чём важном, и на какое-то время я перестал думать о том, что происходит в моей жизни.

Глава Двадцать Вторая

БЛИСС ЙОРК

Мне следовало продолжать ехать. Но я не могла. Вывеску уже сняли и окна были тёмными. Теперь там ничего нет. Место было пустым. Я сидела в своей машине и думала о первом дне, когда вошла туда на собеседование. Это было всего несколько месяцев назад. И всё же с тех пор мой мир кардинально изменился.

Вывеска «У Октавии» пропала. На двери весела табличка «Сдаётся в аренду». Та самая дверь, через которую я вышла и уронила коробки, а затем столкнулась лицом к лицу с Нейтом. Которого никогда не ожидала увидеть снова.

Было бы всё по-другому, если бы в тот день я не пошла на собеседование? Если бы я пошла в другое место и никогда бы не встретила с Нейтом? Остался бы он с ней, женился бы, имел бы сына? Слёзы начали жечь мои глаза, когда я подумала о жизни, которую он мог иметь.

С тех пор как он уехал, прошло три недели. Не проходило и секунды, чтобы я не думала о нём. Чтобы не беспокоилась о нём. Чтобы моё сердце не болело из-за того, через что ему приходится проходить. Но я не могу позвонить. Не могу спросить в порядке ли он или как у него дела. Я ничего не могу сделать.

Сегодня я начну свою новую работу. Я буду новым руководителем отдела молодёжной сети обслуживания и маркетинга в библиотеки Си Бриза. Мама Саффрон и Холланд известная писательницей, так что она сделала несколько звонков для меня. Я не знала об этом, пока не получила работу. Мой босс упомянул, что Блайт Корбин будет раздавать автографы, потому что я получила эту должность. Я спросила у мамы, знает ли она что-нибудь об этом, и она ответила «нет». Понятия не имею, как Блайт узнала о моей заявке.

Как бы мне не нравилось работать в «Лив Бей», это не то, чем я хочу заниматься. Я предпочитаю ходить туда, как клиент. Порой обслуживать моих друзей трудно. Я не знаю, как Ларисса справлялась с этим.

Я хотела уже отъезжать, чтобы направиться на работу, когда машина Элая припарковалась рядом с моей. Он проезжал мимо и увидел мою машину, и, вероятно, подумал, что я снова раскисла. Мне не хотелось выходить из машины. Это глупо, но теперь выйти и постоять у магазина казалось неправильным.

Элай вышел из машины и подошёл, чтобы сесть ко мне на пассажирское сидение. Сначала он ничего не говорил. Просто смотрел на магазин и его пустоту. Здесь столько всего произошло за такое короткое время. Октавия была беременна его сыном, когда я получила эту работу. Знала ли она? И если знала, почему не сказала Нейту?

— Выглядит грустно. Одиноко, — отметил Элай.

— Так и есть.

— Ты давно здесь?

— Нет. Просто мне необходимо было увидеть его.

Он вздохнул.

— Тебе, кажется, лучше.

— Мне лучше. Моё сердце всегда будет болеть за Нейта. За его боль. Но моя жизнь

будет продолжаться. Я не могу просто закончить её. Жизнь — это дар.

— Ты знаешь это лучше кого-либо.

Я не имела в виду, что другие не знают об этом. Но, да, после того, как ты сталкиваешься со смертью, ты по-другому смотришь на жизнь. Это меняет тебя.

— Думаешь, он когда-нибудь вернётся сюда? Я когда-нибудь снова увижу его?

— Не знаю. Возможно. Надеюсь на это. Ради тебя.

Он действительно имеет это в виду.

— Я скучаю по нему. Я просто не знаю, смогу ли выдержать новую встречу с ним. Возможно, хорошо, что это произошло ночью на пляже. Моё последнее воспоминание о нём. В конце концов, я начну двигаться дальше, но не думаю, что моё сердце когда-нибудь действительно сможет сделать это.

— Bliss, однажды он вернётся. Я, возможно, не терял ребёнка. И, возможно, не знаю, каково это, когда кто-то совершает самоубийство из-за тебя. Но я мужчина. Я знаю, как мы мыслим. И я знаю, что, если бы я был влюблён в кого-то, как ты, я бы вернулся. Должен был бы вернуться. Но, как говорится, ты не можешь поставить свою жизнь на паузу. Когда будешь готова, начни снова ходить на свидания. Наслаждайся жизнью.

Я не уверена, что он прав. Часть меня надеется на это, другая молится, чтобы он ошибался. Я просто не хочу жить, ожидая возвращения мужчины, который никогда не вернётся. В данный момент это неважно. Я не собираюсь в ближайшее время двигаться дальше. У меня есть друзья и работа. И мои воспоминания.

— Хочешь, чтобы я привёз сегодня обед?

Нет. Мне не хочется есть.

— Да. Было бы здорово. — Пришло время отодвинуть печаль. Попытаться снова найти радость.

— Я приеду около полудня с жирными бургерами.

— Нет. Не бургеры. Что-нибудь другое. — Я ела жирные бургеры в первый день работы у Октавии. В тот день, когда приехал Нейт. Теперь я не могу их есть.

— Хорошо. Тогда выбор за мной, — сказал он, не спросив почему.

Он вылез из машины и вернулся к своему внедорожнику. Но не уехал, пока я не завела свою машину. Как только я выехала на дорогу, он последовал за мной. Всё это время Элай был терпеливым и понимающим. Быть дома вместе с ним спокойнее и легче, чем было бы в доме моих родителей. Они бы опекали меня. А мне этого не хочется. Мне необходимо было выпить слишком много вина, съесть глазурь прямо из банки и несколько раз очистить желудок.

Он держал мои волосы и вытер моё лицо, и позаботился о том, чтобы моя пьяная задница смогла добраться до кровати. Он самый лучший друг на свете. Тот, который будет всегда с тобой и который знает, в чём ты нуждаешься.

Мне нужно заехать в «Лив Бей» и забрать последний чек с оплатой, но я сделаю это сегодня вечером после работы. Элай не упоминал об аренде, и я забыла. Сегодня утром я вспомнила, что должна отдать ему свою часть. Забывать что-то подобное не в моём характере, но в эти последние несколько недель я была совсем не похожа на Bliss.

Я взяла свой телефон, когда заехала на парковку библиотеки и написала сообщение Элаю: *«У меня есть деньги на аренду. Я отдам их тебе. Прости, что забыла».*

Несколько секунд я ждала ответ: *«Хорошо. Мне бы не хотелось выгонять тебя на улицу».*

Я рассмеялась. Я не смеялась несколько недель. Три, если точно.

Улыбаясь своему телефону, я была благодарна, что могу смеяться. Я надеюсь, что и Нейт может. Я надеюсь, он найдёт то, что заставит его улыбнуться. То, что сделает его день ярче. И то, что наше время вместе не является плохим воспоминанием. Мне хочется думать, что он сможет снова думать обо мне и улыбаться. Не сегодня. Но когда-нибудь.

Выйдя из машины, я взяла свою сумочку и ноутбук и направилась внутрь, чтобы начать что-то новое. Снова.

НЕЙТ ФИНЛИ

«Бентли» цвета шампанского было припарковано у дома моих родителей. Я не приезжал к ним несколько дней. Как только я вернулся в свой дом, я установил дистанцию между собой и всеми остальными. Это беспокоит маму и отца, по словам Офелии, которая позвонила и сказала мне об этом. И прежде чем мой отец появится у меня дома и надерёт мне задницу за то, что я не приезжаю увидеться с мамой, я решил повидаться с ней.

У мамы гости, а я не в настроении для встречи с кем-нибудь ещё. Но сейчас я здесь и должен справиться с этим. В конце концов, мне придётся встречаться с другими людьми. Только если я не куплю необитаемый остров и не перееду на него.

Я не стал стучать. Никогда не стучал. Это тот дом был моим девятнадцать лет. Я зашёл внутрь и направился на звук голосов. Они были в гостиной. Как только я зашёл, мои уши услышали голос гостя, и, несмотря на то, что я только несколько раз встречался с этой женщиной, я знаю, кто она.

Мой взгляд скользнул с мачехи Октавии к моей матери. Почему она здесь?

— Нейт, рада, что ты здесь. Сейлор вообще-то пришла повидаться с тобой, — сказал мама. Слово я хотел повидаться с кем-то, имеющим отношение к Октавии.

— Зачем? — был мой единственный ответ.

— Потому что у неё есть кое-какая информация, и она считает, что ты должен это услышать. Я согласна с ней.

Моя мама не из тех, кто слушает то, во что не верит. Только поэтому я остался в комнате. Хоть и хотел, не оглядываясь, направиться к двери.

— Сядь, Нейт, — сказал мама. Не: «Не хочешь ли присесть?» Тем самым она говорит, что я останусь и выслушаю. Что означает, я останусь и выслушаю.

Я сделал, как было приказано, но сел на место самое близкое к выходу. Если она начнёт говорить о том, что я не хочу обсуждать, я уйду. Они обе должны быть готовы к этому.

— Вчера Сейлор позвонила мне и спросила, может ли она прийти и поговорить с тобой. Я сказала, что сначала она может поговорить со мной. Выслушав её, я была готова позвонить тебе. Вижу, что твой отец опередил меня в этом. — Она повернулась к Сейлор. — Можешь начинать.

Когда-то Сейлор была моделью нижнего белья. Она познакомилась с отцом Октавии во время фотосъёмки, в которой участвовала для его торгового центра. Они вспыхнули к друг другу страстью. И он начал трахать её, а его жена узнала об этом. Их брак распался. Спустя месяц он женился на ней. Она по-прежнему была молода и красива, едва переступив возраст допустимый для моделей нижнего белья. Октавия и Сейлор хорошо ладили. Просто Октавию

на самом деле не волновало, с кем её отец, пока он даёт ей деньги.

— Я знаю, что тебе сказали. В чём тебя обвинили. Сначала я тоже так считала. Но потом произошло несколько вещей, которые заставили меня задуматься о том, что Октавия хотела сказать в своей записке. Конечно, у неё были проблемы. Мы все знали об этом. Она была сломлена и не могла излечиться. Когда её психотерапевт пришёл на похороны и сказал нам, как сожалеет о нашей потере и что пытался помочь Октавии последние несколько лет, всё, что смог потребовать её отец, это отдать записи её дела, или же он в чём-нибудь обвинит врача, и его лишат лицензии. Так что он получил записи. Октавию, ещё когда она была ребёнком, совратил близкий друг её отца. Он подвергал её сексуальному насилию. Это продолжалось несколько лет, пока Октавия не стала достаточно взрослой, чтобы уйти от него. Два года назад она заплатила киллеру, чтобы он убил его. Исчезновение Винсента Бруклина теперь раскрыто. Он мёртв уже как два года, а его тело находится на дне Миссисипи. — Она сделала паузу, а я попытался осмыслить сказанное ею. Я раньше бывал с её отцом в доме этого человека. Когда он исчез, Октавия была по-настоящему расстроена или же вела себя так. Она звала его дядей Винсентом. — Вина за его убийство усугубила её депрессию. Она переехала и работала над магазином, чтобы отвлечь себя. Она знала, что беременна уже три месяца. Она думала об аборте и говорила, что не хочет быть матерью. За месяц до вашего расставания. То, о чём она хотела поговорить с тобой... она хотела признаться в своём преступлении. Она думала, что рассказав тебе всё, облегчит свою вину. Она никогда не планировала рассказывать тебе о беременности. Она не собиралась сохранять этого ребёнка. Дата аборта была назначена. Ты не являешься причиной, по которой она повесилась или убила твоего ребёнка. Она даже не собиралась говорить тебе о беременности.

Всё, что я мог, это просто сидеть здесь. У меня снова было ощущение, словно я слышу ужасную историю, которая не может быть реальной. В этот раз я не чувствовал вину на своих плечах. Но ужас был тем же. Октавия жила с мыслями намного темнее, чем я мог представить.

Она страдала и была психически нестабильна. Всегда была. А я не замечал этого. Думая, что её безразличие и отстранённость это хорошо. А она вела себя так, чтобы защитить свой секрет.

Но это не меняло того факта, что я потерял сына. Я в любом случае потерял бы его и даже никогда не узнал бы об этом. Она бы никогда не позволила мне иметь его. Она не хотела ребёнка. Она часто об этом говорила.

Встав, я ушёл. Я не мог говорить. Не мог задавать вопросы. Мне просто необходимо уйти. Побывать одному. Мама не побежала за мной. Она понимала.

Я забрался обратно в свой внедорожник и уехал. Я игнорировал свой телефон. Я потом им перезвоню. Я просто ехал. Я ехал, пока не сменился город. Пока местность не стала знакомой. Пока не припарковался у бара своего деда.

Сидя там, я позволил себе взвесить все факты в своей голове. Я в состоянии перестать винить себя. Перестать чувствовать вину. Я оплакивал жизни, которые не должны были оборваться. Заболевания, которые заставляют людей вести себя так, что люди разрушают свои жизни и часто совершают самоубийство. Я оплакивал женщину, которой она могла бы быть, если бы над ней не надругались. Я оплакивал ту жизнь, которую не смог иметь мой сын.

Но я больше не винил себя. Я свободен от этого чувства. Мой выбор не заставил

Октавию покончить с собой и с жизнью моего не рождённого сына. Это сделал её выбор и эмоциональное расстройство. Я не замечал этого. Да. Я не видел, что она скрывает боль, не между нами никогда не было связи. Я называл это лёгкостью. Когда на самом деле это было ошибкой.

Я хочу то, что есть у моих родителей. Я хочу эту связь. Я хочу жизнь с женщиной, которую люблю. С которой могу разделить жизнь. Всё остальное больше не кажется лёгким. Оно является одиноким. Пустым.

Я хочу Bliss.

Открыв дверь внедорожника, я вылез наружу и направился внутрь. Мой дедушка беспокоился обо мне. Звонил несколько раз. Мама сказала ему не приезжать, потому что мне необходимо время. Теперь мне нужен план. Решить, как я появлюсь в жизни Bliss. Она ничего не слышала от меня в последние два месяца. Я не знаю, чем она занимается и встречается ли с кем-то. То, что мы чувствовали... то, что между нами было, мне не хочется думать, что она могла так быстро начать двигаться дальше. Но я многое ей задолжал. И я хочу дать ей всё это. Я готов бороться за неё. Чтобы мне ни пришлось сделать, я готов.

Глава Двадцать Третья

БЛИСС ЙОРК

Сегодня был успех. Первый «День подростков» в библиотеке оказался масштабнее, чем я надеялась. Сто одиннадцать подростков пришли встретиться с автором и поучаствовать в викторинах, которые мы организовали для них. Я счастливо напевала себе под нос, закончив прибирать место, где мы проводили мероприятие, когда в комнату вошёл Мэтью Гудвин, руководитель отдела средств массовой информации. Он был ростом шесть футов^[11], с тёмно-каштановыми волосами и красивыми зелёнными глазами. Его очки и техническая сторона его работы создают определённую атмосферу «зануды» вокруг него, но он привлекателен. И справляется с работой.

Судя по его ежедневному флирту, могу сказать, он заинтересован во мне. Это было тонко. Почти застенчиво. Если бы в моей жизни не было Нейта. Если бы всего несколько месяцев назад я снова не влюбилась в него, тогда, возможно, с Мэтью было бы весело. Возможно, у нас что-то и могло получиться. Но был Нейт. И моё сердце ещё не готово.

— Прекрасное мероприятие, — сказал Мэтью со своей ровной и белоснежной улыбкой.

— Да, прекрасное. Я очень довольна тем, как всё получилось.

— Здесь никогда не было таких успешных мероприятий.

Этот факт заставил меня почувствовать гордость. Возможно, я и получила эту работу благодаря Блайт, но быть в ней успешной важно для меня. Я хочу, чтобы они были рады, что наняли меня.

— Я рада, что завтра воскресенье. Мне нужен ленивый день дома.

— Могу представить после сегодняшнего. Что насчёт вечера? Ты едешь домой?

Я подумываю поехать в «Лив Бей». Выпить, повидаться с друзьями, побыть нормальной. Вещи, которые теперь я очень редко делаю.

— Не уверена, — ответила я честно.

— Хочешь пойти выпить?

Вот он. Вопрос. Это не свидание. Просто выпивка. Я могу пригласить его в «Лив Бей». Мы можем насладиться компанией друг друга. Это будет хорошо для меня.

— Я подумываю поехать и увидеться с друзьями в «Лив Бей». Хочешь со мной?

Улыбка вернулась на его лицо. Хотелось бы мне тоже так радоваться. Однако мне это казалось неправильным. Но теперь я не могу дать задний ход.

— Звучит весело.

Здорово. Он собирается пойти. Ладно. Я сама спросила его, теперь мне просто нужно пройти через это.

— Я направляюсь к выходу. Ты готов? — я старалась звучать счастливо.

— Ага, уже закрыл свой отдел.

Мы начали идти к выходу, а мой мозг в бешеном темпе пытался найти причину, чтобы всё отменить. Мне не хочется этого делать. Теперь я хочу поехать домой. Побыть одной. Я передумала. Я начала что-то говорить, когда мой взгляд остановился на мужчине, стоящем у моей машины. Я остановилась.

Он здесь.

Или же у меня галлюцинация.

Может быть, я сошла с ума.

— Ты знаешь его? — спросил Мэтью, и я кивнула. Мой голос пропал. Слов не было. Если Мэтью тоже видит его, значит я не сошла с ума. Он действительно здесь. У моей машины. — Ты в порядке? Хочешь, чтобы я заставил его уйти?

В этот раз я просто покачала головой. Я по-прежнему не могла произнести ни слова. Нейт сделал шаг в моём направлении, и я не уверена, как мне вести себя. Он здесь, чтобы что-то сказать мне? Чтобы увидеть меня? Чтобы вскрыть раны, которые всё ещё так свежи?

— Я не могу... я должна... — Я пыталась сказать Мэтью, что не поеду в «Лив Бей». Потому что после этой встречи мне понадобятся побольше бутылок вина и торт, пока я снова буду зализывать раны.

— Если ты не хочешь видеться с этим парнем, я могу заставить его уйти, — сказал Мэтью. Он говорил так, словно верил, что может это сделать. Я знала, что не может. Неважно. Я хочу увидеться с Нейтом. Услышать его голос. Узнать, что он в порядке. Даже если за этим последует вино и много калорий.

— Мне нужно увидеться с ним. Сегодня я не поеду в «Лив Бей».

Вот я и произнесла слова. Они сами вышли из меня.

Мэтью сделал паузу, затем ответил:

— Хорошо. Ну, тогда увидимся в понедельник.

И снова я просто кивнула.

Я сделала первый шаг в направлении Нейта, и моё сердце сжалось и затрепетало. Зная, что это будет нелегко, я по-прежнему хотела быть рядом с ним. Он выглядел похуевшим. Под глазами залегли тёмные круги. Но он всё равно красив. Самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела. Уверена, он всегда будет таким.

— Я должен был сначала позвонить, — сказал он, когда я подошла достаточно близко.

— Всё нормально. Я... я рада видеть тебя.

Его взгляд метнулся к Мэтью, который медлил со своим уходом.

— Он... вы встречаетесь?

Боль в его глазах, когда он задал вопрос, сказала мне, что ему бы этого не хотелось. Это приятно. Знать, что он по-прежнему хочет меня. Что даже после всего плохого ему не всё равно. Что я не ужасная ошибка. Я не хочу ею быть.

— Нет. Он друг. Коллега. — Взгляд Нейта вернулся ко мне. Он издал то, что можно описать лишь как вздох облегчения.

— Как давно ты здесь работаешь? Это подходит тебе больше, чем «Лив Бей».

— Несколько недель. Может, месяц. — Я не уверена. Моя голова полна вопросов.

— Мы можем куда-нибудь пойти? Поговорить? Или у тебя планы? — Разве он не осознаёт, что ради него я отменю любые планы? Разве два месяца назад я не прояснила это, когда мы переспали. Я не легкомысленна в этом отношении.

— Да.

Он кивнул в сторону своего внедорожника.

— Я поведу. Идём со мной.

Я пошла вместе с ним, и он открыл дверь со стороны пассажирского сидения. Он стоял так близко, что я почувствовала запах его одеколona, когда прошла мимо него, чтобы забраться внутрь. Даже после всей боли, всё, о чём я могла думать в данный момент, это о том, чтобы уткнуться головой в его шею и вдохнуть его запах. Почувствовать тепло его тело

рядом с моим. Хоть на мгновение. Я хочу испытать это до того, как он снова уйдёт.

Дверь закрылась, как только я оказалась внутри. Он обошёл машину спереди той же лёгкой крутой походкой, что и всегда. Мелочь, по которой я скучала. Сейчас он здесь. Мне надо впитать в себя всё это. Его голос, его запах. То, как он движется. Всё. Раньше я не осознавала, что всё это может так быстро исчезнуть.

НЕЙТ ФИНЛИ

«Когда ты встретишь девушку, которую будешь продолжать любить и после того, как она станет женщиной, тогда ты не сдашься...» Слова деда снова и снова звучали в моих ушах. Он был прав. Я влюбился в девочку, и женщина, которой она стала, завладела мной. Моё счастье заключается в ней. Жизнь без неё не то, с чем я собираюсь ещё когда-либо сталкиваться. К чёрту лёгкость. Жизнь не была лёгкой. Любовь не была лёгкой. Что-то настоящее никогда не бывает лёгким. Что-то настоящее причиняет адскую боль и дарит тебе самые лучшие моменты в жизни.

Я припарковал машину у здания, где находится её квартира и квартира моего деда. У места, где я оставил её. Теперь именно здесь я буду бороться за неё... за нас.

— Давай пойдём в квартиру моего деда. Он на работе, и мы сможем уединиться.

— Хорошо, — согласилась она.

Мы не разговаривали во время нашей короткой поездки сюда. Я прокручивал в голове всё, что должен сказать. Теперь же я боялся того, что в своей голове прокручивала она. Готова ли она поговорить по душам?

Я открыл дверь в квартиру деда и отошёл назад, чтобы она могла пройти внутрь. Она не похожа ни на одного библиотекаря, которого я когда-либо видел. Жёлтые шортики и белые босоножки на сексуальном тонком каблучке, должно быть, отвлекали каждого мужчину, который приходил за книгой. Или подростка. Она работает в отделе для подростков, как сказала мне Ларисса, когда я пришёл в «Лив Бей», разыскивая её.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спросил я.

Она покачала головой.

— Нет.

И я не хочу.

— Как твои дела?

Она нахмурилась.

— Хорошо. А твои?

— Жизнь была отстойной. Тёмной, уродливой и болезненной. Но кое-что изменилось. Поэтому я здесь. — Стоило ли начинать с этого?

— Что изменилось?

Она знала, я уехал, потому что винил себя. Я ясно дал понять это.

— Мачеха Октавии приходила увидеться со мной. Они узнали кое-что о смерти Октавии. Были вещи, о которых они не знали. Секрет, о котором никто не знал, вина, живьём поедавшая Октавию. Она наблюдалась у психиатра, который пришёл на её похороны. Отец Октавии набрался силы потребовать записи её визитов и нашёл настоящую причину, стоящую за её самоубийством.

Было тяжело говорить о моём сыне. Знание, что у него с самого начала не было и шанса на жизнь, причиняло боль. Мне хотелось кричать из-за несправедливости, пока моя грудь не перестанет болеть. Дыра, которую оставила его смерть, всегда будет там. Она никогда не исчезнет.

— Она подверглась сексуальному насилию, будучи ребёнком. Со стороны друга семьи. Человека, которого она называла дядей. Став взрослой, она заказала его убийство, и вина за это поела её. Даже если этот человек и заслуживал смерти за сексуальное насилие над ребёнком. Она не смогла жить с этим секретом.

Блисс прикрыла рот одной рукой, и слёзы наполнили её глаза.

— О боже мой, — выдохнула она. — Нейт. Мне так жаль.

— У неё был запланирован аборт на конец месяца. Она не собиралась позволить нашему ребёнку появиться на свет. Она не собиралась рассказывать мне о нём. Она не хотела его.

Слёзы, текущие по её лицу, были искренними. Ей больно за меня. За Октавию и моего сына.

— Вред, который он причинил ей... Я сама прошла через ад, но не такой. У меня была поддержка и любовь, пока я боролась с болезнью. А у неё никого не было. Она, будучи ребёнком, столкнулась с монстром, и не было ни любви, ни поддержки, на которые она могла бы опереться. Это разбивает мне сердце.

Я не думал об этом в таком аспекте. Блисс права. Октавия в одиночку прошла через собственный ад. Её психического расстройства можно было бы избежать, если бы вокруг неё были любовь и поддержка. Но она прошла через всё в одиночку. Одинокая женщина, которая нуждалась в деньгах и успехе. Которая искала что-то, что заполнит её пустоту.

Мы стояли в тишине. Я всегда буду сожалеть, что не знал о боли Октавии и был не в состоянии помочь ей. Даже если бы я знал, не уверен, что смог бы ей помочь, но я бы попытался.

Блисс снова вытерла слёзы.

— Я люблю тебя, — слова так легко сорвались с моего языка. Слова, которые я уже давно должен был сказать. Сказать в тот момент, когда упали те коробки и появилась она, смотря на меня этими большими голубыми глазами. Потому что даже тогда глубоко в душе я знал, что это правда.

Она шагнула ко мне.

— Любишь?

Я надеялся на ответное «я тоже тебя люблю», но её вопрос и удивление на лице всё равно заставили меня улыбнуться.

— Да. Всегда любил. Девочку, которой ты была, и женщину, которой стала.

Из неё вырвалось рыдание, и затем она оказалась рядом со мной, уткнувшись головой в мою шею. Я не хотел заставлять её плакать, надеюсь, это слёзы радости.

— Блисс, — сказал я, нежно прикасаясь рукой к её волосам, чтобы успокоить её. — Это не должно было заставить тебя расплакаться.

Она засмеялась, затем подняла на меня своё заплаканное лицо.

— Прости. Слишком много всего за один раз. Печаль, а затем это. Я не ожидала.

— Ты не ожидала, что я скажу, что люблю тебя? — спросил я, желая прояснить.

Она кивнула.

— Да. Я люблю тебя. Я так сильно люблю тебя. Но я не думала... я просто считала, что

очень нравлюсь тебе. Но затем мы расстались.

— Очень нравишься? — спросил я ухмыляясь.

Он сжала губы вместе, пытаясь не улыбнуться.

— Да.

— Мои чувства выходят далеко за рамки «нравишься».

Она тихо вздохнула и закрыла глаза.

— У меня такое чувство, словно я не должна быть счастлива. То, что ты пришёл мне рассказать, грустно. Как я могу быть счастлива?

Я понимаю. Да, я скорблю. Но, в конце концов, я ничего не могу изменить.

— Я всегда буду думать о своём сыне. Теперь ему принадлежит часть моего сердца. Это никогда не изменится. Но я хочу жизнь, в которой будет радость. Я хочу испытать, насколько жизнь порой может быть сложной и трудной, но я хочу испытать это вместе с тобой. Я хочу всё это, Блосс. До тех пор, пока ты со мной.

И снова она уткнулась головой в мою шею и обняла меня.

— Я тоже.

Я обнимал её, пока мы молча стояли. Это наше начало. Всё остальное было нашим прологом. Но теперь начнётся настоящая история.

Глава Двадцать Четвёртая

БЛИСС ЙОРК

Когда я открыла глаза, солнечные лучи едва пробивались сквозь ставни. Нейт спал рядом со мной. Прошлой ночью мы ели и говорили о разных вещах. Я задала все свои вопросы, и он, казалось, хотел мне всё рассказать. Затем мы целовались, пока не исчезла вся наша одежда, и часами занимались любовью. Это было медленно и нежно. Грязные словечки были не нужны.

Вид того, как он мирно спит, перекинув через меня руку, ощущался, словно я во сне. Том, который видела миллионы раз, но никогда не ожидала испытать. Я протянула руку и убрала волосы с его глаз. Он мой. После всех этих лет Нейт Финли стал моим.

Но надолго ли?

Прошлой ночью я задавала ему вопросы, теперь я задумалась, пыталась ли я таким образом избежать разговора обо мне. О моём прошлом. Моей болезни. Я избегала этого разговора, потому что не хотела, чтобы он видел во мне больную девочку. Если у нас действительно есть шанс на настоящие отношения, то мне придётся рассказать ему всё, через что я прошла. Как это повлияло на мой организм. Особенно сейчас. Он создал ребёнка, которого ему никогда не удастся взять на руки. Если мы останемся вместе, он никогда не сможет создать другого. Мой организм не работает должным образом. Из-за лечения я потеряла часть себя.

Я передвинулась, чтобы тихо встать и не помешать ему, и натянула его футболку перед тем, как пойти на кухню за кофе. Нейт сказал, что любит меня. Всё, что он говорил и делал прошлой ночью, также говорило, что он любит меня. Он хочет, чтобы у нас всё получилось. Сохранять в тайне то, через что прошёл мой организм, особенно тот факт, что я не смогу иметь детей, это ложь. Я не стану лгать ему.

Страх, что в итоге он бросит меня ради кого-то, чей организм не испорчен, был сильным, но это правда, с которой теперь я должна столкнуться. Откладывать этот момент несправедливо по отношению к нам обоим. Я смирилась с тем фактом, что стану матерью через усыновление, и меня это не беспокоит. Я хочу подарить ребёнку семью. Я хочу любить его и воспитывать. И я знаю, что когда-нибудь усыновлю больше одного малыша.

Налив в чашку кофе, я села на диван, убрав под себя ноги, и посмотрела в окно. Оно не выходило на пляж, но утреннее солнце плясало в мире за окном. Оно было таким умиротворённым. Наполненным обещаниями.

— Ты покинула меня. Наше первое утро как настоящий пары, и ты покинула меня.

Я повернулась и увидела Нейта, стоящего без рубашки в одних боксерах. Его волосы по-прежнему взлохмачены после прошлой ночи, а глаза припухшие ото сна. Мужчина не должен так хорошо выглядеть. Это несправедливо по отношению ко всему женскому населению мира.

— Я не хотела беспокоить тебя.

Он изогнул бровь.

— Ты всё ещё была голой?

Я кивнула.

— Тогда я бы предпочёл, чтобы ты побеспокоила меня. В следующий раз залезь на меня.

Я рассмеялась в свою чашку с кофе. Я так сильно этого хотела. Но сначала он должен узнать.

— Я должна кое-что сказать тебе.

Его дразнящая ухмылка исчезла.

— Ты выглядишь серьёзной. Это заставляет меня нервничать.

Я могла тянуть резину и объяснить всё, но мне хотелось просто сказать это. Позволить ему осмыслить всё и решить, есть ли у нас будущее. Одно дело встречаться и наслаждаться друг другом. Другое, состариться вместе. Возможно, он не захочет усыновлять ребёнка. После потери сына ему, возможно, нужен другой ребёнок, в котором будет его кровь. Его улыбка. Его частичка.

— Я не могу иметь детей. Химиотерапия разрушила эту часть меня. — Вот я и сказала. Напомнила ему о своей болезни. Что я не всегда выглядела, как сейчас. Что я не полноценная.

— Хорошо, — сказал он, подойдя ко мне. Он сел рядом со мной и положил мои ноги на свои колени. — Как ты к этому относишься?

Что? Он спрашивал меня, как я к этому отношусь? Я знаю об этом уже давно. Он тот кому нужно принять это и решить, как он к этому относится. Но я всё равно ответила на его вопрос:

— Я собираюсь усыновить ребёнка, когда буду готова. Ребёнку не обязательно расти внутри меня, чтобы быть моим.

Он кивнул.

— Хорошо. Ну, он в любом случае не рос бы внутри меня, так что я согласен с тобой. Я не стал бы меньше любить детей только потому, что в их жилах не моя кровь. Мне нравится идея, что мы подарим детям дом, который им необходим. Что мы будем любить их и растить так, как делали это наши родители.

Я снова собираюсь расплакаться. За последние двадцать четыре часа я очень много плачу.

— Ты действительно так думаешь?

— Чёрт, да, я действительно так думаю. — Он притянул меня ближе, и я обхватила чашку с кофе обеими руками, чтобы не пролить его. — Всё, что мне нужно, это ты. Если ты со мной, я счастлив. Воспитывать с тобой ребёнка это то, что сделает меня счастливым. Нашему ребёнку не нужно быть зачатым нами, чтобы быть нашим.

Я поставила чашку рядом с диваном. Затем мгновенно забралась к нему на колени, обвила руками его шею и начала покрывать поцелуями его лицо.

— Теперь я люблю тебя ещё больше, а я и не думала, что это возможно.

Он усмехнулся.

— Хорошо. Мне нужно заставить тебя любить меня так чертовски сильно, чтобы ты никогда не смогла отпустить меня.

— Ты преуспел.

Он скользнул руками под свою футболку, которая была на мне.

— Как насчёт того, чтобы я показал тебе, как сильно люблю тебя.

— Это не любовь. Это похоть.

Он переместился и опустил голову, целуя внутреннюю сторону моего бедра.

— Нет, малышка, это любовь. Настоящая, мать её, любовь. Я люблю твою киску. Верь мне.

Я начала смеяться, пока его рот не прижался к стыку моих бёдер. Я замолчала и задержала дыхание, когда его язык скользнул там, чтобы лизнуть мой опухший клитор. Такая форма любви мне тоже очень нравится. Мне нравится его любовь к нескольким частям моего тела.

Потому что прямо сейчас я действительно люблю его язык. Очень. Я очень сильно люблю его.

— Нейт, — захныкала я.

— М-м-м, — сказал он, продолжая работать между моих ног.

— Трахни меня, пожалуйста. — Он остановился и поднял голову, чтобы посмотреть на меня.

Затем он переместился. Так быстро, что через секунду был внутри меня.

— Блять, — простонал он. — Я смогу кончить внутри тебя.

— Да, — ответила я.

— Черт возьми, это становится только лучше, а я и не знал, что такое возможно.

Подняв мои ноги, он погрузился в меня глубже. Это была моя сказка. Она есть у всех маленьких девочек. Обычно в них есть принц и замок. Пока они не взрослеют, тогда их сказки меняются. Моя была мужчиной с серебристыми глазами, грязными словечками, большим сердцем и волшебным пенисом.

НЕЙТ ФИНЛИ

Ужин с её родителями. Она пыталась отговорить меня идти к ним, когда её мама позвонила и пригласила меня. Но я хотел познакомиться с ними. С людьми, которые вырастили её, и братьями, о которых она так много рассказывала. Однажды эти люди станут и моей семьёй.

Мужчина, который открыл дверь, был одного роста со мной с тёмными волосами и голубыми глазами Блисс. Он посмотрел на меня с серьёзным выражением лица, затем протянул руку.

— Кейдж Йорк, рад, что ты смог прийти.

Я пожал его руку и был чертовски уверен, что он пытается сломать кости моей руки. Это его способ предупредить меня, чтобы об этом не узнала Блисс. Я не стану на него жаловаться. Я понимаю. Блисс его единственная девочка. Он был рядом с ней, когда она боролась за свою жизнь. Он защищает её. Я просто должен доказать ему, что он может мне доверять.

— Позволь им зайти, Кейдж. — Женщина, которая выглядела именно так, как в моём представлении когда-нибудь будет выглядеть Блисс, подошла к двери и отодвинула своего мужа. — Ты не должен встречать их у двери. Блисс не нужно стучать. Это её дом.

Кейдж хмыкнул, но его хмурый взгляд остался. Её мать закатила глаза, затем улыбнулась нам.

— Мы все так взволнованны, что вы пришли. Даже Корд и Клай отменили свои планы. Они хотели познакомиться с тобой.

— Да, потому что я хочу удостовериться, что ты понимаешь, с кем будешь иметь дело, если обидишь мою сестру. — Высокая, но худощавая копия Кейджа Йорка подошла к двери. Он хмурился, как и его отец.

— О, ради бога, отодвиньтесь все, чтобы мы могли войти, или я заберу его и мы уедем, — сказала Блисс, взяв меня за руку и потянув внутрь за собой. Затем она остановилась и встала на цыпочки, чтобы поцеловать худощавого парня. — Рада, что ты здесь, Корд. Люблю тебя, — сказала она.

Он продолжал смотреть на меня предупреждающим взглядом.

— И я люблю тебя.

Это мило. Здесь три парня и папочка. Я должен убедить их всех, что отношусь к ней должным образом. И я совсем не против.

— Ты наконец-то привела домой мужчину. Я впечатлён, — сказал другой тёмноволосый парень с голубыми глазами. Этот ещё моложе предыдущего.

— Нейт, это Клай, мой самый младший брат. Тот грубиян — Корд, он средний. — Она огляделась вокруг. — А где Круз?

Именно в этот момент в комнату вошла точная копия её отца. Его плечи были шире. Его волосы были слегка длинными, а в его руках был пистолет. Это становится всё интересней.

— Я просто чистил свой пистолет, — сказал он, остановив на мне свой взгляд.

— О боже, вы все, просто возмутительны, — сказала её мама. Затем повернулась ко мне. — Прости моих мальчиков. Я Ева, а это наша сумасшедшая семейка. Блисс никогда не приводила домой парней, так что они плохо с этим справляются. Но они привыкнут.

— Не извиняйтесь. У меня две младшие сестры, я понимаю. Мне, возможно, стоит попробовать этот ход с пистолетом на одном из их парней.

Старший, попытался скрыть улыбку, но у него не получилось.

— Иди, положи пистолет, и, вы все, помогите мне накрыть на стол, — приказала Ева, и никто не стал спорить с ней. Младший начал вести себя так, словно не услышал её, и, не поднимая головы, продолжил пялиться в свой телефон.

Кейдж прочистил горло, и парни вздрогнули. Младший посмотрел на своего отца и моментально покинул своё место.

— Они мне нравятся, — сказал я ей тихо.

— Обычно они не такие безумные.

— Они любят тебя.

Она улыбнулась. Улыбкой, которая заставляла её лицо светиться. Когда её губы слегка изогнуты, а глаза сияют от радости.

— Да, любят.

— Может, нам стоит завести только мальчиков. Никаких девочек, чтобы мне не пришлось в один прекрасный день проделывать всё это, — предложил я.

Она засмеялась и покачала головой.

— Ни за что. Я выросла с этими мальчиками. Я также хочу и девочку.

Я позволю ей иметь хоть пять девочек, если это сделает её счастливой.

— Хорошо, ладно, ты победила.

— Они так глупо улыбаются и шепчутся. Меня тошнит от этого, — сказал Клай, когда поставил на стол стаканы со льдом.

— Закрой свой глупый рот, — сказал Круз, посмотрев на своего брата.

— Так, достаточно. У нас гость, пожалуйста, не позорьте свою сестру, она может

больше никогда не привести его, — сказала её мама.

— Ты охотишься? — спросил меня Кейдж.

— Нет, сэр. — Надеюсь, это не значит, что я вылечу из семьи раньше, чем попаду в неё.

— Хорошо. Я тоже.

Я посмотрел на Блисс, которая улыбалась своему отцу. Возможно, девочки, в конце концов, не такой уж и плохой вариант. Мои сёстры были болью в заднице. Но дочь это другое.

— Занимаешься сёрфингом? — спросил Кейдж.

— Да, сэр.

— Мне он нравится, — заявил он. — Присаживайся парень. Расскажи мне о себе.

— Папа, будь милым.

— Чёрт, Блисс. Я и так мил. Это твой сумасшедший брат тот, кто вытащил пистолет твоего деда. А не я.

— Я чистил его, — вмешался Круз.

— Конечно, сынок. Конечно, чистил, — сказал Кейдж с весёлой ухмылкой. — Мальчики любят свою сестру. Так у тебя две сестры, да? А что насчёт твоих родителей? Женаты? В разводе? Лесбиянки?

— Господи, папа!

— Кейдж! — Блисс и её мама отреагировали одновременно.

— Я просто спрашиваю. Если его родители лесбиянки, то мне всё равно. Чёрт, у него могут быть два отца, и меня это не будет волновать. Я просто пытаюсь быть вежливым и узнать получше этого парня.

Мне нравится этот мужчина. Моему отцу он тоже понравится.

— У меня есть мама и папа. Они по-прежнему в браке. И две сестры.

Он кивнул.

— Знаешь каких-нибудь лесбиянок?

— Боже, помоги мне, — сказала Ева, расставляя на столе еду.

— Вообще-то, да, — ответил я.

Он кивнул.

— Как насчёт венерических заболеваний? У тебя есть какие-нибудь?

Я рассмеялся. В этот раз я ничего не смог с собой поделаться. Мужик был классным.

— Папа, клянусь, я собираюсь взять его и уйти.

Кейдж поднял верх обе руки.

— Хорошо. Ладно, отлично. Я перестану задавать ему вопросы.

— Спасибо, — Блисс и Ева сказали в унисон.

— Чёрт, я надеялся, что он попросит побольше рассказать о лесбиянках, — сказал Корд.

Блисс взяла со стола булку и бросила ему в голову.

Сидя на своём месте, я посмотрел на неё и улыбнулся. Мне здесь нравится. Нравится её семья. Они очень похожи на мою семью. Я смог увидеть, почему она стала той, которой сегодня является. Скоро я попрошу её выйти за меня замуж. Потому что я не могу больше ждать. Я хочу всё это с ней. Всё, что к этому прилагается. Каждое прекрасное и сложное мгновение.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

КОНЕЦ

notes

От 9 до 16 километров. — Здесь и далее прим. ред.

ВУОВ (англ. Buy Your Own Beer) — покупай своё пиво сам.

На 10 сантиметров.

2,5 километра.

Американский общественный бальный танец 1910-20-х годов в характере Регтайма. Характерная фигура танца представляет собой извивающееся движение телом, как будто танцующий пытается сбросить с себя застёгнутую рубашку.

M.

XS.

Традиционный сэндвич в некоторых штатах.

Густой суп со специями по консистенции похожий на рагу.

Учреждения, которые принимают товары от населения, бывшие в употреблении, и взимают за выставления лота комиссионные проценты в свою пользу.

Примерно 180 сантиметров.